

300

БРЕЖНЕВЪ

ОМСК XVIII- СЕРЕДИНЫ XX В.
В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Министерство культуры Омской области
Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина

ВРЕМЯ И ГОРОД

Омск XVIII – середины XX в.
в описаниях современников

Омск, 2016

УДК 94(571.13) 17/19

ББК 63.3(2Рос-4Омс)

B81

Составитель *Е. Н. Турицына*

Ответственный редактор *А. В. Ремизов*

Редакционная коллегия:

А. П. Сорокин, зам. отв. редактора

И. Б. Гладкова

О. П. Леонович

Л. И. Огородникова

*Благодарим за помощь в издании книги
Президента РОО «Омский областной Союз предпринимателей»
Д. Ю. Шадрина*

B81

Время и город: Омск XVIII – середины XX в. в описаниях современников / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; сост. Е. Н. Турицына; отв. ред. А. В. Ремизов. – Омск, 2016. – 220 с.

В сборник включены высказывания людей, оставивших свои воспоминания или описания Омска с 1734 по 1968 гг. Перед читателями предстает разнообразие взглядов и мнений о нашем городе, его облике, нравах жителей и их повседневной жизни, экономическом потенциале города, его особенностях и достопримечательностях. Издание адресовано историкам, культурологам, краеведам, педагогам, сотрудникам библиотек, учащимся и широкому кругу омичей, любящих свой город, изучающих его историю.

© Омская государственная областная научная

ISBN 978-5-8042-0480-9

библиотека имени А. С. Пушкина, 2016

От города-крепости к мегаполису: Омск в калейдоскопе меняющихся образов

Пространство и время, как известно, являются основными координатами для картины мира человека. Три столетия отделяют нас от того судьбоносного события 1716 года – от высадки отряда подполковника Бухгольца в устье Оми. Так в пространстве конкретного места возникла небольшая крепость – первый образ поселения, которому предстояло превратиться в место с особой миссией – «город на границе государства Российского».

Нет такого города, историю которого можно изложить кратко. Тем более, проследить в деталях и подробностях смену его образов. Однако усиливается потребность и возникают способы приблизиться к решению такой задачи в юбилейные годы. Одним из полезных и особо интересных для новых поколений омичей можно считать обращение к записям и воспоминаниям тех, кто в определенный момент истории Омска непосредственно мог составить свое впечатление о его внешнем облике, о его жителях. Известный омский архивист Л. И. Огородникова написала в небольшом напутствии к первому изданию книги «Время и город»: «Омску – 280 лет. Он не может похвастаться ни своей тысячелетней историей, ни великолепной архитектурой, но это один из старейших сибирских городов, выполнивший историческую миссию прирастания богатств России новыми территориями. За три века своей жизни наш Омск испытал и взлеты, и падения, он был и небольшим заштатным городом, и столицей «белой» России». Л. И. Огородникова оценила тогда, в 1996 году, появление книги как факт замечательный и даже как частичное воплощение давних замыслов многих, начиная от А. Ф. Палашенкова и до омских архивистов, «долгое время лелеявших эту мечту».

Прошло 20 лет. Книга давно приобрела статус раритета. А за эти два десятилетия потребность напомнить, каким был или представлялся когда-то

город, только возросла, поскольку стремительно, под воздействием разных обстоятельств, исчезают целые пласти истории города из его «тела», все труднее улавливается Дух Места. Разумеется, есть в этом и объективная сторона, на которую обращали внимание известные российские городоведы-культурологи. И. М. Грэвс писал, что город растет слоями и новые вытесняют прежние. Тем более, следует собирать и делать всеобщим достоянием свидетельства современников об исчезнувших уже образах города.

Если же вспомнить, что «город – это люди, а не стены», то задача еще более усложняется, число менявшихся образов множится, к ним добавляются все новые и новые, сотворенные за эти прошедшие двадцать лет учеными, краеведами, журналистами. Существует немало книг, статей, газетных заметок об Омске, написанных о его трехвековой жизни. Городу посчастливилось иметь не только своих строгих летописцев. Его облик и Дух Места запечатлены в фотографиях, в творчестве поэтов и прозаиков, художников, в воспоминаниях, в музейных экспозициях.

Труды предшественников помогают осуществить задуманное. Таковы первые описания омской крепости и дальнейших изменений в облике города, сделанные Г. Миллером, П. Палласом, И. Завалишиным, И. Словцовым в XVIII-XIX вв. В 1916 г., к 200-летнему юбилею Омска, появилась «Историческая справка о том, как и когда основан город Омск», составленная ученым и генералом Г. Е. Катанаевым. Она считается первым сибирским исследованием обстоятельств возникновения Омской крепости.

Важными вехами в изучении основных этапов истории Омска, его архитектурно-градостроительных изменений, отражения прошлого в памятниках и памятных местах города стали книги В. И. Кочедамова «Омск. Как рос и строился город» (1960) и А. Ф. Палащенкова «Памятники и памятные места Омска и Омской области» (1967). В 1960-е – 1980-е гг. неоднократно издавались краеведческие очерки об Омске М. К. Юрасовой. В конце 1990-х гг. вышли два коллективных издания: «Очерки истории города Омска. Т.1» (под ред. А. П. Толочки) и «Омск в панораме веков» (Н. А. Миненко). История города нашла свое отражение в Омском историко-краеведческом словаре (1994), авторы-составители П. П. Вибе, А. П. Михеев, Н. М. Пугачева. Особо примечательна хроника, подготовленная сотрудниками Омского государственного историко-краеведческого музея «1000 знаменательных событий из истории Омска» (отв. ред. П. П. Вибе).

В последние годы появилось немало публикаций, углубляющих представление об отдельных аспектах исторического прошлого Омска, о его органическом развитии. Их авторы – историки, культурологи, искусствоведы, архивисты, музейные работники (Д. А. Алисов, А. Д. Колесников, И. Г. Девятьярова, И. В. Спирина, А. Н. Гуменюк, Н. И. Лебедева, Г. Ю. Мысливцева, В. Б. Шепелева, В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова). Отдельные факты, мифы и легенды об истории города собирали и публиковали краеведы Б. С. Гвоздев, В. И. Селюк, И. П. Шихатов.

Новые находки археологов на памятнике «Омская стоянка», находящемся почти в самом центре современного города, показали, что у Омска есть богатая древняя предыстория. Привлекательность «омского трилистника» – такой образ возникает при взгляде на изображение места впадения реки Оми в реку Иртыш – была оценена еще первобытными племенами, поселившимися на землях будущего города впервые в каменном веке (VI-IV тысячелетия до н. э.). Их созидательным трудом на месте будущих омских крепостей и жилых кварталов закладывались основы цивилизации с оседлым образом жизни, скотоводством и земледелием, развитыми ремеслами и торговлей.

Новая книга, подготовленная сотрудниками Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, со значительно раздвинутыми хронологическими рамками, доведенными до середины XX века, с существенно расширенным составом привлеченных текстов, охватившим публикации вплоть до 2015 года, не может не оказаться востребованной не только горожанами, интересующимися историей родного города. Она, бесспорно, станет важной опорой для исследователей. Подтверждением является современная ситуация в исторической науке, выдвижение на первый план идеи о написании «народной» истории, то есть включение в научные тексты сюжетов из истории локальной человеческой повседневности, в том числе, городской, конкретного, «своего» города. Субъективность воспоминаний и других лично окрашенных текстов становится той призмой, через которую можно представить многообразие жизни горожан, уйти от одномерных или черно-белых интерпретаций прошлого.

В настоящее время в исторической науке самыми популярными стали две парадигмы, тесно связанные друг с другом. Это конструирование образов прошлого и парадигма памяти. Ключевая категория «образ» («образы») рассматривается в контексте таких новейших научных направлений, как интеллектуальная история и имиджелогия. При определении смысла понятия «образ» высказывается мнение о необходимости учесть его связь с понятиями «идея», «концепция», «стереотип» и «миф»¹.

Один из самых известных в современной исторической науке авторов концепции «Мест Памяти» («Пространств Памяти») француз Пьер Нора писал в начале XXI века, что «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти <...> мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»².

¹ Крих С. Б. «Образ» как исследовательская категория в истории исторической науки // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны: сб. науч. тр. – Омск, 2010. С. 364.

² Нора П. Всемирное торжество памяти. URL.

Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> Дата обращения 29.07.2012; в опубликованном виде см.: Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41).

Историки, защищая идею о полезности своих профессиональных изысканий и занимаясь поисками способов влияния на широкую аудиторию, обеспечили особую популярность проектам «Народной истории» и «Живой истории». Эти проекты соединяют эмоциональное восприятие прошлого с возможностями конструирования научных моделей «диалога» с героями нашей недавней истории, а также включения их в качестве «Фигур Памяти» в пространство современной культуры России и ее регионов. Реализация названных проектов невозможна без активного участия всех тех, кто причастен к локальным историческим исследованиям, тех, кто в регионах занимается краеведением. Вслед за академиком С. О. Шмидтом¹ будем исходить из системного видения многоуровневой структуры понятия «краеведение» и его сущности как социокультурного феномена, охватывающего сферы научной, культурно-просветительской, памятникоохранительной, а также и общественной деятельности.

Объединение усилий академической исторической науки и краеведения по поиску новых смыслов познавательной и образовательной деятельности становится в настоящее время настоятельной необходимостью для сохранения национально-государственной, региональной и локальной идентичностей. Дополнительную актуальность этим действиям придает практическая потребность в разработке проектов использования культурного наследия регионов как важного ресурса развития территорий. Этот ресурс содержит мощный, но плохо изученный потенциал привлекательности каждого из регионов. Вместе с тем, обращение к проблеме трансформации исторической памяти в пространстве, образах и символах российских регионов выводит на первый план использование символики «Фигур Памяти» для разработки инновационных проектов возможной совместной деятельности ученых, краеведов, управленцев.

Во всех упомянутых выше случаях речь идет о накоплении представлений о «второй реальности», об осмыслении их совокупности как своеобразного калейдоскопа сменяющихся образов. Такой калейдоскоп становится полезным инструментом для осуществления исследований, связанных с проблемами формирования локальной и региональной идентичности, с поисками вариантов местных брендов и имиджей. Замечу попутно, что образ Омска как «города Петра» воспринимается неоднозначно в настоящее время.

Примечательно, что в некоторых текстах из новой книги, относящихся к разным годам, но, преимущественно, начиная с 80-х гг. XIX века, авторы используют сравнение Омска с Петербургом. Красота архитектуры и размеры построек сравнимы с Невским проспектом Петербурга – К. Г-в;

¹ Шмидт С. О. Российская Академия наук и развитие краеведения // Исторические записки. – М., 2012. Вып. 14 (132). С. 5-87.

многие называют Омск уголком Петербурга – Н. Телешов. Итальянцу Барцини показалось, что он находится в центре Европы; в воспоминаниях Вс. Иванова о колчаковском Омске есть стихотворные строки «...Во всем подобие столицы, / В 12 пушка бухнет ровно, / И Любинский – что Невский словно – / Везде автомобили, лица...».

К последнему образу можно добавить, что в его конструировании в этот короткий период истории Омска как «белой» столицы поучаствовали прямо или опосредованно многие временные обитатели города. Так, например, беженцы из Петрограда объединились здесь в Общество взаимопомощи санкт-петербуржцев. В свое время мне удалось обнаружить в Государственном архиве Российской Федерации отдельный фонд этого общества из 8-ми дел (ГАРФ. Ф. Р-4673. Союз общества взаимопомощи петербуржцев. г. Омск. Оп. 1. 8 дел.). Частично информацию из этого фонда я использовала в 2002 и в 2006 гг.

Здесь же хочу подчеркнуть, что члены общества стремились придать месту своего временного обитания привычный им столичный образ жизни, хотя это одновременно было и попыткой получить реальную поддержку крайне нуждающимся членам общества. Тем не менее, дважды в декабре 1918 г. и в феврале 1919 г. они, «по примеру столицы», устраивали «блестящий грандиозный бал с концертным отделением, с участием лучших столичных артистов и музыкальных сил, пребывающих в настоящее время в г. Омске». Приглашения рассыпались всем союзным миссиям. Было направлено приглашение и Верховному Правителю А. В. Колчаку. В материалах фонда хранятся программы балов, состав организаторов и участников, включая местных художников, оказавшихся причастными к оформлению концертных программ на столичном уровне.

Возвращаясь к характеристике потенциально значимой для исследователей информации из существенно обновленного содержания книги «Время и город», нельзя не отметить, что приводимые фрагменты впечатлений современников об Омске фиксируют парадоксальное сочетание уже упоминавшегося выше сходства с Петербургом, с признаками столичности городского облика и с одновременным сохранением репутации Омска как «пыльного, грязного, азиатского города». Вот, например, как описывает в своих дневниках впечатление от Омска И. И. Серебренников. Омск воспринимается им как провинциальный город, «старающийся вылезти «в баре»: здесь наряду с убогими лачугами в центре города выселились уже громадные каменные дома. Из маленького захудалого города «выпучивался», так сказать, большой торговый город». Интересны некоторые впечатления современников, которые так и остались, как становится очевидно сегодня, на уровне несбыточных мечтаний. Таковы, например, свидетельства из 1910 г.: «Омск в самом непродолжительном времени будет представлять из себя живой, бойкий, торговый город с

асфальтовыми улицами, электрическим освещением, трамваями, метрополитеном».

Несмотря на то, что в содержание новой версии книги «Время и город» включены впечатления современников об изменениях облика и образа Омска в период от первых послереволюционных лет до эмоциональных оценок Омска – города-сада, все-таки хотелось бы видеть эту часть более насыщенной. Ведь именно XX век и грандиозные проекты социально-политического, индустриального и культурного переустройства пространства города, топонимические революции, война и появление обособленных городков с центрами в виде эвакуированных предприятий, затем послевоенный феномен Городка нефтяников привели к формированию совершенно другого образа Омска. Впрочем, составители включили тексты, продолжающие описывать парадоксальные признаки образа крупного сибирского города Омска в предвоенные и послевоенные годы, когда в городском повседневном пространстве присутствовали стада домашней скотины, выпасавшейся в Загородной роще, огороды, березовые околки, где жители собирали грибы, и полное преображение облика Омска к концу 1950-х годов (город-сад, повернувшийся к реке).

Устная история, собранная и собираемая современными исследователями и краеведами, может пригодиться для третьего издания книги. А потребность в продолжении начатого важного для потомков проекта очевидна. Представления об истории города, об ускоряющейся смене его образов во многом зависят от фиксации впечатлений современников. Очевидно и то, что визуальный поворот в исторической науке нацеливает на включение в проект «Время и город» фотографий, запечатлевших образы советского Омска, стремительно менявшегося его архитектурного облика. Достаточно вспомнить о замечательном летописце города М. И. Фрумгарце. На очереди и визуальные образы города, созданные художниками. Все это отвечает той самой парадигме памяти в исторической науке, о которой уже говорилось.

*Валентина Георгиевна Рыженко,
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и историографии
Омского государственного университета
имени Ф. М. Достоевского,
заслуженный работник высшей школы РФ,
полномочный представитель
Союза краеведов России в Омской области*

От составителя

В 2016 г. исполняется 300 лет со дня основания г. Омска. За три века своей истории город испытал и взлеты, и падения, он был и небольшим заштатным городом, и столицей «белой» России. За прошедшие годы написано множество страниц его биографии, в том числе неоднократно публиковались впечатления разных людей о городе. Еще в 1966 г. в «Известиях Омского отдела географического общества СССР» (вып. 8) была помещена публикация А. Ф. Палащенкова «Омск в описаниях путешественников, ученых, писателей XVIII и XIX веков». Работа омского ученого и краеведа вызвала большой интерес и до сих пор часто цитируется местными историками. Но дореволюционные издания, использованные А. Ф. Палащенковым, да и сама публикация стали библиографической редкостью.

В 1996 г., к 280-летию города, Омской государственной областной научной библиотекой имени А. С. Пушкина был подготовлен сборник «Время и город: Омск XVIII – начала XX вв. в описаниях современников». Составитель сборника, взяв за основу работу А. Ф. Палащенкова, дополнил этот материал новыми именами и высказываниями о дореволюционном Омске, расширив тем самым хронологические рамки (1734-1916 гг.). Издание сразу получило положительные отклики, стало цитироваться в просветительских и научных публикациях, в настоящее время тоже является библиографической редкостью.

За прошедшее с 1996 г. время сотрудники информационно-библиографического отдела Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина выявили немало новых, интересных, порой неизвестных широкому кругу читателей высказываний о нашем городе. Прежде всего, это недоступные ранее по идеологическим соображениям воспоминания, дневники и иные документы, дающие характеристику города колчаковского периода, а также описания советского Омска (по 1968 г.). Это позволило к 300-летнему юбилею подготовить новое издание, значительно дополненное: к 54-м документам первого выпуска добавлено 84 новых текста. Главный критерий отбора – историческая и познавательная ценность сообщений, а также стремление показать разнообразие взглядов и мнений о нашем городе, его облике, нравах жителей и их повседневной жизни, экономическом потенциале города, его особенностях и достопримечательностях.

Все тексты приводятся в той форме, в которой они даны в первоисточнике, но в особых случаях – с учетом современного русского правописания.

Материал расположен в хронологии описываемых исторических периодов, внутри одного периода (года) – в алфавитном порядке авторов. В некоторых случаях (период гражданской войны) расположение материала определяется логикой содержания. В конце каждого текста указан автор и источник публикации. Тексты снабжены фактографическими и уточняю-

щими подстрочными примечаниями, подготовленными специалистом Исторического архива Омской области Л. И. Огородниковой, а также Е. Н. Турицыной и А. П. Сорокиным – сотрудниками Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Хронологический охват литературы: 1786-2015 гг. Для выявления источников использован справочно-библиографический аппарат нашей библиотеки. Значительно дополняют и расширяют основной материал сборника «Краткие сведения об авторах» и указатель авторов и лиц, упоминаемых в текстах.

Составитель выражает особую благодарность Историческому архиву Омской области за предоставление документов из своего фонда, а также ОГИК музею за фотографии исторических видов города Омска.

Издание адресовано историкам, культурологам, краеведам, педагогам, сотрудникам библиотек, учащимся и широкому кругу омичей, любящих свой город, изучающих его историю.

Омск в XVIII веке: две крепости на слиянии двух рек

1734 г.

*П*оого ради как полковник Бухольц с людьми пришел к устью реки Оми, то там остановясь, о своем принужденном от Ямышева возврате губернатора возвестил и представлял, не удобно ли будет на сем месте заложить крепость, дабы людей и всякие воинские потребности там оставить, ежели оные впредь, как надеяться можно, в сей стране будут надобны¹ <...>.

Князь Гагарин, получа известие от подполковника Бухольца, не только представление его за благо принял, но и послал к нему для дополнения полков тысячу триста рекрут в трех партиях². И так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артиллерии поручик Каландер³ имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу реки Оми около пятидесяти сажен от ее устья. Низкий земляной вал, в фигуре правильного пятиугольника, обнесен полисадом, с пятью таких же башнями на углах и со рвом, около которого поставлены были рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние. Правда, что в бытность мою там в 1734 году крепость была четырехугольная и только полисадом обнесенная, из которых каждая сторона содержала в длине по сто сажен. Но как на другой год в Селенгинск я прибыл и там застал господина Бухольца бригадиром и комендантом⁴, то он меня обнадежил, что заложенная им крепость подлинно так сделана была, как она прежде описана. Называли ее по ее расположению Омскою крепостью. Она состоит от Тары в двухстах семидесяти семи верстах, а от Тары до Тобольска считается четыреста тридцать пять верст.

Миллер Г. Ф. Известие о песчаном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская // Миллер Г. Ф. История Сибири. – М., 2005. – Т. 3. – С. 488-489.

¹ В 1714 г. Петр I направил отряд подполковника И. Д. Бухгольца в Яркенд на поиски песчаного золота. По дороге он зазимовал у Ямышевских озер, окруженный джунгарами. Из-за болезни и голода отряд вернулся назад и высадился в устье Оми. – Примеч. Л. Огородниковой. Далее: Л. О.

² Сибирским губернатором князем М. П. Гагариным был послан отряд к устью Оми в помощь Бухгольцу для строительства крепости. Так был основан г. Омск. – Л. О.

³ И. Каландер – шведский военнопленный, участник экспедиции Бухгольца, руководивший строительством первой Омской крепости. – Л. О.

⁴ В декабре 1716 г. Бухгольц покинул Омск. Позднее он был назначен комендантом Нарвы. В 1724 г. направлен в Селенгинск для укрепления русско-китайской границы. – Л. О.

Она [Омская крепость – Е. Т.] состоит из кучки построек, окруженных небольшим рвом и частоколом.

Гмелин И. Г.

Цитируется по: Финш О. Путешествие в Западную Сибирь / Финш О., Брэм А. – М., 1882. – С. 57.

1765 г.

Чынешняя крепость состоит из 5 бастионов на горе немного скатом к реке Иртышу, а вниз к берегу пахотные казаки, а за рекою Омью 3 роты и резервная команда и им со стороны казармы и конюшни, все забрано деревянным заплотом с выкопанием малого рва и обнесено рогатками, провиантские же магазейны построены на берегу реки Оми за крепостью с обнесенным заплотом...

Шпрингер И. мнение Генерал-поручика¹ и кавалера Шпрингера о крепостях верх Иртышской линии начинающее только от Семипалатинской крепости по Омскую... в покорности моей на Высочайшую опробацию выношу, февраля 28 дня 1765 году

Цитируется по: История русского литературного языка: региональный аспект: хрестоматия / Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского; авт.-сост.: К. Р. Ваганова [и др.]. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. – С. 19.

1770 г.

В Омске отведены нам квартиры у проживавших там казаков, так как этот вновь основанный город был населен исключительно военным сословием, а именно казаками и драгунами. Была там и крепость с довольно сильными земляными валами, в которой находились просторные казармы, с квартирой для генерал-лейтенанта, командовавшего всем Сибирским корпусом, расположенным вдоль пограничной линии. За крепостью расположено местечко, состоявшее из деревянных построек, населенное одними казаками. Они имели собственные дома, обязаны были оберегать границы и отбывать всякую воинскую повинность. Через город протекает река Омь с довольно хорошим мостом, а за городом значительная река Иртыш, за которой начиналась Киргизская степь.

[Хоецкий К. Л.] Поляк-конфедерат в Сибири // Рус. архив. – 1886. – № 3. – С. 292-293. – В ст. авт. не указан.

¹ Сохранена орфография документа.

1771 г.

Омская крепость заимствует название свое от реки Оми, на устье коей лежит она; ближе к Иртышу оная река, как сказывают, вытекает вместе с Тарою из некоторого в Барабинской степи находящегося Тартасом имянумого болота. Старая крепость построена была выше реки Оми на Иртыше и обведена деревянною стеною с бастионами и рвом. В ней находилась одна токмо худенькая деревянная церковь¹, против коей построены были деревянная гауптвахта с украшенными воротами, а против сих дом для главного всех Сибирских пограничных линий начальника, который всегда главное свое пребывание имеет в Омской крепости. Сверх сего находятся около церкви различные офицерские дома; дом комендантский и один старый, в коем ныне находится управительская канцелярия над Чернолюком² и Омской слободою, а прежде была в оном церковь шведских пленников³. Число всех дворов старой крепости простирается почти до 200.

Ниже реки Оми лежала прежде слобода, которая ныне по большей части на деревни разделилась, а за оною следует лежащее по Иртышу прекрасное над всею окрестностью возвышенное место, кое господин генерал-поручик фон Шпрингер избрал ради важной причины для заложения на оном новой крепости, поскольку старая совсем уже почти развалилась⁴. Сия Новая весьма выгодное положение имеющая Омская крепость укреплена весьма прекрасным образом по новым воинской архитектуры правилам, и с 1768 года, когда она начата, выстроено оной под смотрением своего основателя весьма много. Она представляет многоугольник о пяти бастионах, который на реке Иртыше сходится, и из крепкого дерном выложенного земляного вала и широкого сухого рва состоит, но на южной стороне не совсем еще оная была отделана. В оной уже выстроены прекрасный генеральский дом на каменном фундаменте, подле оного провиантская канцелярия, гауптвахта, пред которой выставлены артиллерийские снаряды,

¹ Имеется в виду первая омская церковь им. Сергия Радонежского, которая была возведена в первой Омской крепости сразу же после высадки отряда Бухгольца в устье Оми. В 1771 г., когда в Омске был Паллас, она выглядела сильно обветшавшей, снесена в 1773 г. – Л. О.

² Чернолучье. – Л. О.

³ Шведы, плененные еще под Полтавой, прибыли в Тобольск в 1711 г. Некоторые из них участвовали в экспедициях, строительстве крепостей, в т. ч. и Омской. Для них и была сооружена лютеранская кирха. – Л. О.

⁴ И. И. Шпрингер (?-1771) - командир Сибирского корпуса, основатель второй Омской крепости, строительство которой началось на правом берегу Оми весной 1768 г. – Л. О.

протопопский дом и различные изрядными офицерскими домами и казармами застроенные улицы. Строятся же еще одна прекрасная каменная церковь¹, по выстроении коей соборная церковь в старой крепости сломается, дом для городской школы, в коей воспитываться будут драгунские и казацкие дети, и сие есть одно из достохвальнейших новейших заведений; дом для приезжающих почетных иностранцев и дом комендантский, оба проходят по сторонам генеральского дома; дом для протестантского Сибирской дивизии священника и прочия офицерскими домами и казармами застраиваемые улицы, кои план крепости дополняют. На реке Иртыше внутри крепости в особом ретраншементе лежат хлебные амбары, колико токмо хлеба пред последним пожаром в оныя перевезти успели. На главном месте крепости выкопаны различные изрядные колодези. Словом сказать, все при заложении сия крепости рассмотрено, дабы учинить оную достойною счастливых времен Великой Монархии и Всевысочайших премудрых ея намерений.

Одна часть старая крепости будет сломана, и старую соборную церковь также разломают, а оставятся токмо кладбище, на коем воздвигают ныне монумент над гробом покойного генерал-поручика фон Шпрингера², напротив того из слободы старую церковь перенесли на левый Оми берег, и по обеим сия реки сторонам построено небольшое предместье для казаков и отставных с одним токмо ретраншементом.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук / пер. с нем. Ф. Томанского. Ч. 2, кн. 2. – СПб., 1786. – С. 114-116.

*И*ртыш (по-татарски «Иртис Елга») и его страну обозрел я в 1771 и 1772 годах от Омска в сторону до Тары и Тобольска.

У Омска, где летом бывает по сей реке перевоз, имеет она (река Иртыш) в ширину 170 сажен...

Достопримечательные места и прочие предметы...

¹ Речь идет о строившемся военном Воскресенском соборе, в возведении которого принимали участие известные тобольские зодчие братья И. и К. Черепановы. Строительство было завершено в 1773 г. – Л. О.

² И. И. Шпрингер был похоронен на Иноверческом кладбище. П. Золотов в 1870-х гг. описывал сохранившиеся остатки памятника на его могиле. – Л. О.

Омск или Омская крепость. Стоит при устье реки Оми, впадающей в правую сторону Иртыша под 58 градусов северной широты, 91° восточной долготы. Она была построена в 1716 году, и есть главная крепость всей Сибирской линии, а от отделения оной, по положению при Иртыше, называемого Иртышскою линиею, есть самая северная¹. По политическому разделению принадлежит она, так как и вся Иртышская линия, к Тарскому округу. Она стояла на левой стороне Оми, но в 1768 году построена при устье на правом высоком берегу, состоящем из глинистых и песчано-каменных пластов. Она имеет высокий земляной вал, выложенный дерном, широкий сухой ров, 4 ворота, несколько пушек, 4 драгунских эскадрона, 1 гарнизонный батальон и артиллерийскую команду. В крепости живут только солдаты в казармах: в ней 1 каменная церковь, магазейны и острог для преступников.

Старая крепость с форштадтом стоит выше на левом берегу Оми, через который сделан красивый деревянный мост. В ней 2 деревянные церкви и в 1770 году было 139 деревянных домов. В ней живут казаки, ссыльные и несколько купцов, коих было в помянутом году кроме милиции, крепостных служителей и колодников, 1186 душ обоего пола. Из сего числа было 72 купца, 487 рыбаков, ямщиков и ссыльных в Тару. В Омске есть протестантский дивизионный проповедник, коего приход от Усть-Каменогорска до Тобольска и по Ишимской и Колыванской линиям рассеянно простирается на тысячу верст.

В Омске кроме ссыльных, находится еще 800 или 1000 человек преступников из России, по большей части с вырванными ноздрями. Преступники самые важные содержатся в крепостном остроге, а не столь важные живут в городе и отличаются пришитым на спине красным лоскутом. При хорошем надзоре полиции живут они спокойно, в противном случае по жестокому наказанию отсылаются в острог.

Покойный генерал-лейтенант Шпрингер ввел для ссыльных такую же экономию, какая находится в Оренбурге, а именно: они должны работать в мастерских, построенных общественным иждивением, а те, которые не знают никакого ремесла, должны обводить крепость до линии, вместо деревянных стен, волами и рвами. Другое полезное заведение есть хорошее училище для солдатских детей всей Иртышской линии. В 1771 году содержалось в нем на казенном иждивении более 20 человек. Их учили закону Божию, читать, писать, арифметике и артикулу.

¹ Омская крепость входила в состав Верхне-Иртышской линии вместе с Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями и расположенными между ними редутами и маяками. – Л. О.

Маякский редут стоит на левом берегу Иртыша против Омска и имеет деревянное укрепление с одной пушкой. Оный построен для прикрытия менового торга, производимого купцами с киргизцами Средней Орды и походит на Петропавловский редут. Коль скоро летом киргизцы приедут для торга, то на башне редута бьют в барабан, и тогда приехавшие из Омска купцы с товарами собираются для торга. Иногда купцы претерпевают убыток, по причине малого съезда киргизцев.

Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька

Цитируется по: Палащенков А. Ф. Омск в описаниях путешественников, ученых, писателей XVIII и XIX веков // Изв. Омского отдела Геогр. о-ва СССР. – 1966. – Вып. 8 (15). – С. 77-78.

Омск в XIX веке: от уездного города до губернаторской столицы

1809 г.

*Р*авнину, стелющуюся от Тобольска до Омска, укraшенную березовыми лесами и разным лиственным деревом, перебежать недолго было. Вот и родимый Омск, где кипела моя деятельность по службе в продолжении 20 лет. Крепость и город расположены на небольших возвышенностях, при правом береге судоходных Оми и Иртыша и окружены гладкою степью на российской стороне, с островами кустарников, а на киргизской – безлесною равниною на необозримое пространство. Крепость Омская построена в 1708 [sic!] году¹, она находится по 54° с. ш. и 91° в. д.², обнесена земляным валом со рвом, покрытым путем с траверсами и гласисом. Все это произведено по правилам бастионной системы, и перед гласисом утверждены рогатки с надолбами. Если поставить (неразб.) на подошве рва палисад, то храброму гарнизону держаться можно, хотя против какого неприятеля? Строения в крепости все казенные: инженерного ведомства, Соборная Воскресенская церковь, лютеранская Св. Екатерины; дома: главной гауптвахты – двухэтажный, главного начальника и коменданта – одноэтажные и несколько казарм, кордегардии, порохового погреба и денежной кладовой – каменные. Об архитектуре и излишестве отделки, разумеется, тогда и вопрошать не следовало.

Я описываю Омск в лета его юности, т. е. в 1809 году. Теперь сильно желают, чтобы он возмужал и подороднел; успех, правда, есть, но по малой населенности края, отсутвию всякой торговли и промышленности, не прочно его состояние. Если последует, например, уничтожение оказывающегося уже излишним крепостного штата, перевод в иное место по каким-либо новым соображениям корпусного штаба и Главного управления Западной Сибири, тогда упадет он еще ниже, нежели теперь, из города областного в уездный. Ничтожное число своего купечества и мещанства, многочисленное население отставными солдатами, которые состарились вместе со своими утлыми хижинами, вдруг исчезнут к искреннему сожалению, не сулят процветания. Одна надежда: если цивилизация присоединенной к России Средней киргиз-кайсатской орды удастся по намерению правительства, либо китайская торговля вместо Кяхты проложит путь на Иртышскую линию, либо золотая промышленность упрочится в степи и на линии, и действователи с капиталами поселятся в Омске, тогда только он величественно восстанет.

Кроме крепости, собственно город, состоящий из форштадтов Подгородного, Ильинского с каменною церковью во имя Св. Пророка Илии, Казачьего (теперь Казачий форштадт, украшенный войсковою церковью

¹ 1768 г. Имеется в виду начало строительства второй Омской крепости. – Л. О.

² Долгота от нулевого меридиана, проведенного через канарский остров Ферро. Долгота устья Оми от Гринвичского меридиана – 73° 23' восточной долготы. – Примеч. А. Сорокина. Далее: А. С.

Св. Николая угодника¹ и разными войсковыми зданиями, похож на особый городок), Выполозского, Мокрого, Кучурского, Кадышевского и Бутырского, раскинутых почти отдельно вокруг крепости за эспланадою, были скучны строениями. Дома, кроме небольшого числа посредственно хороших, состояли из избушек, крытых дерном или берестою, с бревенчатыми, даже плетневыми заборами. Вот такую физиономию имел Омск в 1809 году, когда я въехал туда первый раз, помнится, 10 июня.

Броневский С. Б. Из воспоминаний первого омского областного начальника С. Б. Броневского / вступ. ст., подгот. текста к публ. и comment. А. В. Ремнева // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. – Омск, 1999. – № 7. – С. 283-284.

1819 г.

*Ч*а реке Оми и Иртыше, на краю киргизских степей, была крепость с очень высоким земляным валом: это и был Омск. В крепости сосредоточивались все управления корпусной квартиры, всего сибирского войска; тут жил и корпусный командир Глазенап², который перед нашим приездом умер; его скромный дом и был нашей квартирой. Комендантом был полковник Иванов; он и его семейство, можно сказать, были единственные вполне цивилизованные люди по-петербургски. Полковник Иванов всю свою службу был адъютантом при генерал-губернаторах; он и семейство его были ласковы, приветливы; в первый же день я стал другом его и его семьи. Вместо Глазенапа управлял корпусом генерал барон Клод фон-Югенсбург³, уже пожилой, добрый, но страшный флегматик; я ему понравился, он сам повел меня знакомить с знаменитостями: генерал-аудитором, интендантом и проч.; он вводил меня даже в комнаты девиц-дочерей. Каково же было мое удивление, когда я увидал, что все комнатки девиц окнами на высоко огороженный двор; в окнах толстые железные решетки, в комнату одна только дверь из спальни родителей – вот настоящая Азия! Барон, вводя меня к девицам, надевал на глаза отломок железки с дырочкой – это, видите ли, был сам амур! В первый же день милый комендант жаловался, что в крепости частые поджоги. Я спросил его: «Ездит ли он по караулам?». Он пренайвно спросил: «Зачем это?». Я объявил ему, что он может попасть под суд. Okазалось, что он не понимал даже слова «рунд». Я был мудрецом перед ним. Советовал ездить, объяснил порядки; он упросил меня поехать с ним. Часовых везде много, но все дремлют, отставив ружье, и что же? мы нашли

¹ Речь идет о Пророко-Ильинской церкви и Казачьем Никольском соборе. – Л. О.

² Г. И. Глазенап (1750-1819) – первый командир созданного в 1816 г. Отдельного Сибирского корпуса. Умер в Омске. – Л. О.

³ К. Ф. Клодт – отец видного русского скульптора П. К. Клодта. – Л. О.

горевшую головешку очень недалеко от порохового магазина. Хотя опасности быть не могло, и можно думать, что головешка была куда-то несена и брошена, заслышав шум. Комендант обнимал и благодарили меня. Учредили патрули, и поджоги прекратились. Такая патриархальность службы не могла не остаться у меня в памяти. Форштадт при крепости был большой, там жил атаман линейных казаков Броневский. На другой же день он пригласил нас на бал. Молодых дам и барышень было много, но кавалеров танцующих мало. Казацких офицеров было много и на подбор красавцы, стройные молодцы, любого в натурщики скульптору; комендант мне сказал, что все они хорошего поведения, но малограмотны и для общества не годятся; их делают офицерами для красоты фронта. Я видел фронт казаков – это богатыри и красивы, что за люди, что за кони! Танцевали только экосез, да круг с шеном и крестом. В первый же бал мы стали львами, научили матрадур, тампед, кадриль с вальсом и даже котильон. Начались балы за балом каждый день. Мы ввели, что мужчины не садятся ужинать, а ходят, занимая и служа дамам. Хорошеньких замечательно много дам и девиц, молодые, скоро знакомятся. Хорошенькая барышня, развитее других, особенно мне нравилась; я уговорил ее сесть близко музыкантов и напевал ей, стоя за столом. Она испуганно говорит: «Отойдите, маменька грозится». Старуха, сухая, длинная, с другого конца стола грозит сердито предлинным пальцем. Я бросился к старухе и притворился уверенным, что она звала меня пальцем. Старуха, чиновная, сконфузилась, уверяла, что это она – Глафира, но более не грозила. Вот какая была Азия в Омске. Нас просто не отпускали, нас ласкали, матросов кормили; но всему бывает конец; поехали, провожали нас чуть ни все.

[Стогов Э. И.] Очерки, рассказы и воспоминания // Рус. старина. – 1878. – № 11. – С. 500-502. – В конце текста: Э.....в.

Конец 1820-х - 1830-е гг.

Я уже говорил, что дом наш был в Ильинской слободке, но не сказал, что он стоял в одном из лучших мест, на площади, против того места, где ныне генерал-губ[ернаторский] дом. Напротив, ближе к Иртышу, стоял целый ряд больших деревянных домов, чуть ли не лучших в Омске; по нашему порядку тоже было два-три хороших дома; влево, через квартал – казачья площадь, с казачьим училищем и суконной фабрикой (Никольской церкви тогда еще не было); вправо, саженях в 100, Ильинская церковь, за ней был мелочный базар и Омь; прямо позади нас достраивалась или только что была построена каменная мечеть и при ней так называемый посольский дом (деревянный; в [18]71 году там была гостиница). Ильинская площадь, действительно очень большая, казалась мне тогда огромной.

Омск разделялся тогда, кажется, на те же части, как и теперь; только крепость не была еще упразднена. Крепость состояла из обширной площади, обстроенной каменными и деревянными, большей частью одноэтажными и низменными домами. На площади же стоял и собор¹. На известном расстоянии от крепости, на горе, находились форштадты: Кадышев и Бутыркин (попросту Бутырки). Это была беднейшая часть города, заселенная преимущественно служащими и отставными солдатами. Тут, между прочим, были присутственные места и военный госпиталь, впоследствии тут же был выстроен двухэтажный каменный корпус для присутств[енных] мест.

Ближайшие к крепости улицы были еще на что-то похожи; чем дальше, тем чаще попадались крошечные, обмазанные глиной и большей частью ветхие лачуги, плетни вместо заборов и обширные пустыри, на которых так же, как и на улицах, бабы белили холсты. Как ни мало привлекательна была эта картина, но, признаюсь, эти зеленеющие летом улицы с разос[т]ланными на них белыми холстами и теперь гораздо более мне по сердцу, чем вечно серые и пыльные улицы больших городов. Под горой находился Мокрый форштадт (местность, где ныне находится базар, оставалась не застроенной) – действительно мокрый, потому что весной и после дождей в нем была грязь непроходимая; это было чуть не сплошное болото. Далее, уже за Омью, находился Ильинский форштадт, в нем, на берегу Оми, – Ильинская церковь, базар и Гостиный двор. За Ильинским – Казачий форштадт. Это была очень правильно, хотя и небогата обстроенная слобода. Сколько я помню, в то время еще не было территориального разделения Омска и Казачьей станицы; даже городничий Налабардин жил в Казачьем. За Ильинским же, вверх по Оми выстраивалась Новая Слободка, едва ли не лучшая в то время часть города, хотя больших домов в ней было немного. В то время много домов настроил Степан Севостьянович Безносиков, приятель моего дяди. Он был сначала полковым, а потом бригадным командиром. Люди у него, значит, были свои. Кроме того, для казенных построек солдаты ежегодно рубили и прилавляли лес по Оми; не без того было, чтобы при этом не перепадало чего-нибудь и командиру: сплав леса по Оми для надобностей войск и гораздо позже того считался выгодной операцией. Он строил дома и продавал их. Чуть ли не все лучшие частные дома в Омске были выстроены Безносиковым. <...>

Вагин В. И. Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век. – Новосибирск, 2003. – С. 32-33.

¹ Воскресенский военный собор. – Примеч. сост. Далее: Сост.

<...> Крепость, окруженная широкой эспланадой, выглядела чем-то вроде уединенного монастыря и казавшаяся замкнутость ее осязательно поддерживалась тем, что ее башни (ворота) на ночь были постоянно запираемы на замок, а пред прилегающими к ним мостами через ров, снаружи, по линии рогаток, шедших по гласису, опускались тяжелые шлагбаумы. Правда, и тогда между строениями было немало каменных, но простота их казенной архитектуры, а тем более вид преимущественно низменных или от ветхости вросших в землю деревянных домов, не представляли ничего приятного для глаз. Еще более скучны были хорошиими зданиями форштадты, тогда еще очень небольшие. Деревенскую физиономию их прикрывал собой на Кадышевском форштадте ряд домов для областных присутственных мест <...>, расположенный на лицевой, обращенной к крепости, стороне его, и военный госпиталь; в Слободском – полиция и почтamt; а в Казачьем – войсковые: училище <...>, атаманский деревянный дом с единственным тогда в городе мезонином, фабрика (деревянная, на месте, где теперь каменные интендантские склады), манеж (тоже деревянный около фабрики, теперь уже не существующий), парк конно-артиллерийской бригады (большое, длинное, тоже деревянное, дощатое на кам[енных] столбах). Разумеется, все это было выстроено за казенный счет. Из частных же лучших домов, возникших в ту пору в Омске, мне припоминаются только два, перешедшие впоследствии также в казенное ведомство, именно дома, занимаемые ныне директором военной гимназии <...> и окружным жандармским генералом.

Переходя к описанию внутреннего быта нашего города, я должен сказать, что раньше общество его жило хотя не роскошно, но дружно и, не зная деления на кружки, единодушно пользовалось удовольствиями, присущими его развитию и нравам. А потому, мерка этих удовольствий на нынешний аршин не может показаться значительной, тем более, что музыка и чтение не были обобщены в Омске того времени, так как это видим мы теперь (в 1870-х гг.). Во всем городе было едва ли не одно только фортепиано, зато гитару можно было встретить почти в каждом доме, а некоторые из записных старых дилетантов имели у себя теперь уже кажется совсем забытые гусли. К тому же, не только отдельные литературные произведения и журналы, но даже и сами газеты, были здесь простой редкостью.

Равным образом в период, о котором я говорю, не было здесь заметно ни особенной светской утонченности и щепетильной экипировки, их заменило патриархальное радушие. Поэтому-то, никакому нежданному гостю не казалось странным, если хозяева потчевали его чаем с медом или с сахаром вприкуску (что, впрочем, почти было тогда общим обыкновением во всей Сибири), а потом предложили стакан пунша или гоголь-моголь с кизляркой и в сумерках осветили гостиную сальными свечами. Не меньше простоты видно было и тогда, когда по условию или случайно собирался в каком-либо доме кружок знакомых. Чтобы занять своих гостей, хозяева

распоряжались или устройством танцев, для игры при которых приглашались иногда квартеты казачьих музыкантов, или составлением игр в фанты; карточные же столы раскрывались очень редко. Из карточных игр в то время мне помнятся: бостон, пикет и еще какой-то марьяж. Это были игры мужчин. Дамы же по этой части упражнялись преимущественно в дурачка, мельника, короля и свои козыри. Затем, сократив кое-как досужий вечер, гости после простого десерта и легкой закуски расходились домой, не ожидая ни ужина, ни полуночи. Что же касается семейных праздников, то они, по заведенному порядку, постоянно сопровождались изысканным угождением как утром, так и вечером; причем, пирог с хорошей рыбой или паштет с доморощенной курицей был необходимым блюдом даже в домах самых недостаточных людей.

Сообразно частному домашнему быту, общественный быт Омска в то время запечатлевался не меньшей простотой. Наши тогдашние дамы не преследовали по пятам разорительной моды и, сшив новое платье, носили его без страха за старомодность или частое появление его в обществе. Между тем, им было где показаться. Кроме официальных балов у главнейших, проживавших здесь административных лиц в разное время года, зимою постоянно привлекал их длинный ряд балов и вечеров с танцами в клубе, который, не имея собственного помещения, устраивался или в столовой зале военно-сиротского отделения, или в каком-либо из казенных домов в крепости и в городе. Клуб не исключал из своего общества даже детей, из которых мальчики, подчас, немало проказничали. Летом, особенно по праздникам, в 5 часов вечера наше общество в полном составе своих семейств собиралось на бульваре, который с аллеями из молодых акаций и крыжовника был расположен по гласису на берегу Иртыша, против куртины и правого фаса крепостного бастиона, выходящего на Омь. После прогулки на бульваре и танцев в его красивой галерее, от которой теперь [т. е. в 1870-х годах] не осталось и следов, гулявшие и танцевавшие переходили полонезом, под игру музыкантского хора, в городскую рощу¹.

Там обыкновенно ожидал их в сумерки кое-какой казенный фейерверк, по окончании которого общество направлялось в крепость к главной гауптвахте, где в его присутствии совершалась с полной церемонией вечерняя заря. Загородный дом <...> с окружающей его рощей, которая, не знаю почему, называлась тогда «зверинцем», служила местом почти ежедневных летних прогулок, а нередко даже и танцев.

Здесь, кстати, замечу, что, как в клубе, в котором допускалось только легкое питье и лакомства, так на бульваре и в загородном доме не существовало никаких буфетов: обстоятельство, немало гарантирующее скромность тогдашнего времени!

Упомянув о вечерней заре как о некотором интересном зрелище для нашей прежней публики, я должен прибавить, что ее не менее занимали и

¹ Располагалась в районе нынешнего КДЦ им. Маяковского. – Сост.

другие военные зрелища, как то: ученья с музыкой, разводы, парады, смотры...

Тогда же квартировало здесь войска гораздо более, чем ныне (в 1872 г.), [а] именно: трехбатальонный гарнизонный полк (ныне Первый Сибирский и два Турк[естанских] батальона), пешая крепостная артиллерия, 24-я орудийная конно-артиллерийская казачья бригада, лейб-эскадрон казаков, большая команда инвалидов, военно-рабочая рота, а летом и казачий полк в полном его составе. К этим войскам для общих парадов в высокоторжественные царские праздники и водоосвящения присоединялись воспитанники бывшего Войскового казачьего училища (теперь – Кадет[ский] корпус), имевшие весьма щеголеватую форму обмундирования и вооружения, и военно-сиротское отделение (ныне – в[оенная] прогимназия), одетое в серо-суконное платье.

При подобных случаях войска строились развернутым фронтом, и этот фронт занимал не только площадь и главную улицу крепости от Омских ворот до Тарских, но и часть эспланады за этими последними воротами. Церемониальный же марш всегда производился на крепостной площади перед домом корпусного командира (ныне – квартира нач[альника] Окружн[ого] штаба).

Лагерь при г. Омске был и тогда одним из насущных мест для развлечений и удовольствий публики, хотя тесненькие, равендуные шатры пехотинцев не предоставляли своим жильцам достаточной защиты от ненастя и зноя.

О театре Омск знал только по теории или слухам, да еще по тем незатейливым и редким представлениям, которые давались в военно-сиротском отделении. Любительских же спектаклей вовсе не существовало, и некто Девотти, акробат и фокусник, едва ли не первый проложил сюда дорогу как своей братии и странствующим труппам волтижеров и актеров, так и другим артистам.

При преобладании в Омске военного и вообще служебного элемента, число частных обывателей в нем было так незначительно, что он не только оставался при двух православных церквях (Соборо-Воскресенской и Ильинской) и одной лютеранской кирхе (построенной за казенный счет во время ген[ерала] Глазенапа), но даже вел нога за ногу свою торговлю. Его гостиный двор, помещавшийся там, где ныне находятся приют «Надежда» и гимназия, состоял из двух невзрачных флигелей, построенных покоям с проездом в средней части и со входом в лавки с одной только внутренней стороны. За ним тянулся мясной ряд, еще менее того приглядный. Из торговых фирм тогдашнего времени теперь не существует уже ни одной, и это доказывает, как выгодно было тогда вести здесь коммерческие операции. Да иначе и быть не могло, потому что, кто желал и притом обладал средствами, тот составлял запасы необходимых в домашнем быту предметов, минуя спекулятивную услугу купцов; чему особенно способствовала командировка комиссionеров казенных ведомств на Ирбитскую ярмарку.

Таким образом, здесь получались разные товары, виноградные вина, восковые столовые свечи (тогда еще не подозревали [о] существовании стеарина) и даже крупчатая мука. О магазинах, кондитерских, булочных, общественных столовых и, тем более, о гостиницах и трактирах – Боже сохрани! – и помину не было. А как дешевы были тогда предметы первой потребности! Цена их в ассигнационных цифрах была несравненно ниже нынешних ([18]40-х годов) на серебро.

Например, я помню, что ржаная мука продавалась на здешнем рынке не дороже 10-15 копеек (ассигнациями), а пшеничная обыкновенная – по 25 коп[еек]; лучшая, так называемая калмынка, которая вкусом и близкой не уступала крупчатке, – по 40 к[опеек] за пуд.

Богатство Омска по воспитательной части в то время составляли: военно-сиротское отделение, учителя которого были по преимуществу и домашними учителями в городе, состоявшие при том отделении Азиатская школа и Войсковое училище, из них последнее было особенно любимо тогдашним корпусным командиром ген[ералом] Капцевичем, который, закрепив за ним самостоятельное существование и место в ряду военно-учебных заведений России, оказал такую важную услугу делу развития просвещения в Сибири, которая, по воспоминаниям прошедшего и надеждам на будущее, не утратит никогда своего значения.

С отбытием отсюда ген[ерала] Капцевича и с перемещением ген[ерал]-губ[ернаторства] и корп[усного] штаба в Тобольск, Омск, как бы лишенный главной, двигавшей его моральной силы, на некоторое время очутился в состоянии какой-то апатии¹. Правда, он в это время чаще засыпал в своих гостиных говор французского языка и видел на балах французскую кадриль, но зато единодушие его общества до того ослабело, что и самый клуб был закрыт. Это обстоятельство было причиной, что молодежь в часы отдыха от служебных занятий, не находя достаточно приятных общественных развлечений, начала заметно отставать от эстетических удовольствий и большей частью проводила время на удалую лагерную распашку. Редкость же танцевальных вечеров, тем более балов, послужила тому, что молодые дамы и девицы сначала как бы ненароком, а потом постоянно, стали посещать танц-классы бывшего Войскового училища и приносить там с воспитанниками его желанную дань Терпсихоре. Это сближение общества с училищем дало, между прочим, Омску и первые любительские спектакли. <...>

Золотов П. Несколько слов об Омске // Акмолин. обл. ведомости. – 1872. – № 21, 22.

Цитируется по: Катанаев Г. Е. Очерки былого. – Омск: Омскбланкиздат, 2012. – С. 253-260.

¹ П. М. Капцевич – первый генерал-губернатор Западной Сибири, в 1822-1828 гг. – командир Отдельного Сибирского корпуса. Центром генерал-губернаторства официально считался Тобольск, но П. М. Капцевич жил в Омске, ходатайствуя о перенесении Главного Управления Западной Сибири в наш город. Это было сделано в 1839 г. генерал-губернатором Западной Сибири П. Д. Горчаковым. – Л. О.

*У*лицы Омска просты и регулярны, движение на них непрестанно; тут проезжает конный казачий артиллерист на прекрасном аргамаке, там – киргиз в остроконечной красной шапке, даром, что среди жаркого лета, одетый в баранью шкуру длинной шерстью наверх... тут снова четырехместная карета с семейством губернатора, запряженная четверкой отличных киргизских рысаков.

Кобылецкий Ю. Известия о Сибири и путешествие, совершенное в 1831, 1832, 1833 и 1834 гг. Т. 1, 2. – Варшава, 1837. – С. 94-95.

Цитируется по: Туманик Е. Н. Омск начала 1830-х годов в путевых очерках Ю. Кобылецкого // Третья Ядринцевские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска (Омск, 26-28 нояб. 2015 г.). – Омск, 2015. – С. 129.

Конец 1830-х - 1840-е гг.

*Д*ом наш в Омске выходил окнами на площадь перед крепостным валом. Летом обыкновенно с четырех утра на этой площади производили учение солдатам... и тут-то секли их и розгами, и палками, и шомполами от ружей. Далеко разносились крики истязаемых жертв. На этой же площади гоняли сквозь строй и солдат, и преступников.

Наумов Н. И. Автобиография // Сиб. огни. – 1963. – № 9. – С. 178.

*П*режде Омск был простой крепостью, назначенной для защиты наших границ от набегов киргизов, но когда набеги стали усиливаться, то генерал-губернатор князь Горчаков нашел нужным перевести свою резиденцию из Тобольска в Омск. Жизнь там закипела ключом, начались необходимые постройки для помещения войска и гражданского управления. Город возрастал не по дням, а по часам, хотя долго еще ощущался недостаток в удобных помещениях для служащих. Князь Петр Дмитриевич Горчаков умел окружить себя хорошими людьми; адъютантами его были люди прекрасно образованные, принадлежавшие к лучшему обществу: граф Толстой, барон Врангель, Мантефель, Бибиков и другие.

Францева М. Д. Воспоминания // Ист. вестн. – 1888. – № 6. – С. 626.

1842-1847 гг.

Омск кажется постоянно укрепленным лагерем Сибири или поселением: ибо жителей здесь, кроме военных и служащих по другим ведомствам, иных почти не заметно. Он состоит из крепостцы, где помещается военное начальство Западной Сибири, и форштадтов: Кадышевского, Бутырского, Казачьего, Мокрого, Новой слободки, но все они населены людьми или находящимися на службе, или в отставке; купечество же, которое здесь немногочисленно и небогато, помещается на Ильинском форштадте. Дома в этом городе, исключая крепостных казарм, Главного управления Западной Сибири, кадетского корпуса и суконной фабрики, остальные же все вообще небольшие и деревянные, хотя некоторые из них и приятной наружности, но они, можно сказать, загромождены кучею полуразрушенных хижин. Лучшая здесь улица лежит по Тобольскому тракту; форштадт Казачий расположен также по плану, и площадь его застроена довольно красивыми домами. Новая слободка, в числе обитателей которой есть много посельщиков, имеет тоже широкие и по плану расположенные улицы. Главную из них, проходящую от гостиного двора, можно причислить к известнейшей в этом городе. Площадь, обращенная к Кадышевскому форштадту, застроена тоже довольно приятной архитектуры, хотя большей частью принадлежащей казне, домами. Жителей в Омске до 12 тысяч <...>.

В городе Омске, исключая благородного собрания, открывающегося только во время зимы по подписке, других общественных домов и даже гостиниц нет. <...>

В этом городе почти не видно: ни ремесленников, ни художников; а во время встретившейся в них надобности, должно отыскивать подобных, в котором-нибудь из здешних военных ведомств.

Местом здесь бульвара служит небольшая роща, находящаяся посреди почти города; но она, исключая некоторых торжественных дней, когда там играет музыка, в другое время, почти постоянно, остается пустой. Лучшее же в Омске гульбище в загородной роще, но эта отстоит от города в трех почти верстах, следовательно, не часто посещается.

Здесь у самых богатых людей нет ни садов, ни даже цветников, зато на каждом окне, не только в порядочных домах, но и в бедных хижинах стоят вазы цветов. В Омске, кажется, роскошь и наслаждение прячутся в недрах семейств, на улицах же все пусто и тихо, весьма редко встречаются, исключая воскресных дней, прогуливающиеся...

Хотя здесь, в высшем обществе, можно уже видеть лучший европейский тон, где также царствуют, разорительные для столь отдаленного края, моды и уборы; но меж туземцами, разумея при этом людей, принадлежащих к аристократическому кругу, по-видимому, сохранились еще некоторые следы прежних обычаев. <...>

Рассказ сибиряка <...> медлен, осторожен; кажется, он старается скорее выведать что-либо, нежели сообщить какую новость; но однако ж подобный его разговор не лишен остроты, иногда даже и иронии; вообще же во всех поступках их мало заметно живости и игры, но большей частью видны следы какой-то меланхолии, что их преимущественно и отличает от приезжих в этот край из Европейской России.

Многие из здешних дворян с хорошим образованием; из них одни воспитывались в казенных тамошних заведениях, а другие в Европейской России и, в целой народной массе города Омска, заметно довольно просвещения; ибо круг здешнего обращения гораздо тесней, нежели где-нибудь в другом обширном городе; но, не взирая на то, сибиряки вообще, кажется, недостаточно имеют духа предпримчивости; ибо не только ремесла и художества, как уже известно, находятся в военных мастерских, но даже и коммерция сказанного города в руках европейских купцов.

Сибиряки, разумея под этим более омских жителей, любят до пристрастия пить чай, который они употребляют по несколько раз в сутки и весьма часто без сахара; гораздо сносней иному из них оставаться день целый без пищи, но только не быть без чая. <...>

С ранней осени, по случаю продолжительных вечеров, а более ненастного времени, начинают уже здесь собираться в небольшие круги, куда приезжают к хозяевам их коротко знакомые и иные приглашенные; в подобных обществах редко случается встретить девиц, замужние же дамы равно и мужчины проводят время за картами, за которыми и просиживают часто за полночь, тот же, кто не чувствует к подобной забаве никакой склонности, будет в этом обществе лишним или должен, против желания, подобно другим убивать время за преферансом; игра эта, вытеснившая до селе владычествующий в лучшем здешнем обществе бостон, во всеобщем теперь в Омске употреблении.

В начале ноября месяца здесь открывается благородное собрание, куда только допускаются одни лишь его члены или приезжающие гости, прочие же лица, имеющие постоянное жительство в городе, не имеют по билетам входа.

Сказанные ассамблеи бывают через неделю, где танцуют более французскую кадриль, здесь в первых парах теснится вся местная аристократия, оттого там часто одна пара стоит позади другой; кружатся также и в вальсе, которым в Омске обыкновенно открывается вечер, но однако ж вальсируют только по две и много по три пары вокруг, да и то очень недолго; мазуркой прекращается это собрание, которую танцуют непринужденно. Вечера эти оканчиваются, впрочем, довольно рано.

Никогда Омск не был столь шумным и веселым, как во время нынешней [февраль 1843 года – Е. Т.] Сырной недели, в особенности же в продолжении последних трех ее дней; город, до селе казавшийся ленивым и спящим, мгновенно одушевясь, засуетился: сани на необозримое пространство, большей частью запряженные парою лошадей, непрерывной цепью снуют по главным улицам; народ толпится, шумит, резвится около и на самих ледяных горах, построенных на диагональ плац-парадного места;

невдали их скачут верхами те из молодых франтов, которые хотят пощеголять, как будто бы в насмешку зиме, в одних сюртуках. Сотни экипажей, проехав главными улицами, кружат весьма медленно и в порядке, вблизи гор одни за другими; большая часть этих саней похожа на цветочные корзины, наполненные прелестными в шляпках головками, личики которых горят, нарумяненные морозом; за многими из них стоят на запятах кавалеры. Прекрасная безоблачная погода и слишком умеренные морозы во все эти три дня совершенно соответствовали забаве подобного рода.

Но всего привлекательнее на горах – это картина катанья омского аристократического круга. Обыкновенно в полдень выбрасывают флаг, тогда мало-помалу собираются посетители. Здесь в большой группе дам те из них, которые отличались на балах и в собраниях как красотою, так и изысканностью мод и пленяли искусством, ловкостью и грациозностью в танцах; теперь в богатых легких шубках, опоясанные лентами, наряженные со всей роскошью, соответствующей такого рода увеселению, свежие, как розы и воздушные, как пери, летят по льду, подобно волшебницам; один из кавалеров, посадя с собой даму, управляет первыми санями, а за ними опускаются и прочие, имея каждый при себе даму. Катанье, таким образом, продолжается до двух часов пополудни, а после этого времени там уже неприлично быть не только лицу из аристократического круга, но и каждому благородному человеку. В последний день масляной, то есть в воскресенье, горы были иллюминованы, с которых почти до полуночи катался народ; вид мелькающих меж насажденных по обе стороны ледяного канала дерев, при огне, как призрак саней, зрелище весьма привлекательное. <...>

Войсковой казачий хутор. В августе месяце мне сделано небольшое поручение, и я отправился в Войсковой Казачий хутор, лежащий не далее шести верст от города расстоянием; местность вокруг сказанной фермы, как и вообще около Омска, довольно ровная, на западе ее в двух почти верстах протекает река Иртыш, восточная же сторона покрыта небольшим березовым лесом, и в ее окрестностях находится много небольших озер, изобилующих дичью, привлекающей сюда охотников из города; вообще же местоположение этого хутора довольно приятное; он заложен для образцового сельского хозяйства, и нельзя было избрать места удобнее; земля вокруг него чрезвычайно плодородна, где также достаточно пастбищ и лугов; сказывают, что здесь родились хлеба в большом изобилии. На этой ферме разведен также хороший породы разного рода скот, в особенности же лучшей породы овцы. Этим хутором управляют два урядника, при которых находятся несколько казаков, необходимых для присмотра за хозяйством.

В летнее время, довольно часто, весьма многие из омских горожан отправляются прогулкой в этот хутор, где располагаются пить чай. <...>

Ничего во время лета нет столь привлекательного в Омске, и нигде нет так приятной прогулки в хороший вечер, как в лагере; в особенности же в один из торжественных дней, в которые мы, военные, составляющие большую часть здешнего народонаселения, обыкновенно с девяти часов утра туда собираемся.

Лагерь находится на расстоянии около трех верст от крепости и расположен почти на совершенной равнине, перед его фронтом, в нескольких стах саженях протекает река Иртыш, а в тылу местность покрыта небольшим кустарником; он занимает в длину протяжения, с правого до конца левого фланга, 450 сажен. Там находятся почти все роды здешних войск, ближе к городу помещается казачья конно-артиллерийская бригада, за которой следуют поротно кадеты, далее три квартирующих в Омске линейных батальона; а на самом конце его – военные кантонисты.

Как только лишь прибудет корпусной командир, то тотчас начинается парад; сказанные войска, пройдя церемониальным маршем, заходят и строятся в виде обращенного каре, вокруг находящейся в палатке, впереди лагеря, против самой его средины, церкви, где совершается молебен.

Вечером в это время в лагере играют два хора музыки и поют песенники; за несколько часов до прибытия зари, сюда съезжаются как местная аристократия, так равно и те, кто желает блестеть и нравиться. Здесь, разделясь на малые круги, дамы с кавалерами прогуливаются из одного конца стана в другой. По пробитии же зари все спешат в город, и тогда в лагере воцаряется совершенная тишина, прерываемая только иногда окликом часовых. <...>

В продолжении моего в Сибири нахождения нельзя пожаловаться на скуку и дурной прием некоторых особ, имеющих значительное влияние в тамошнем высшем кругу; в особенности же в зимнее время мы провожали вечера довольно весело. В Омске находились многие семейства, к которым мы собирались не только для игры в карты, но и для танцев, большей частью под фортепиано; словом, образованный человек, имеющий право на вход в лучшие общества, не может здесь скучать и всегда найдет приличный себе круг для забав и развлечений.

Во время великого поста, когда в доме благородного собрания вечера кончатся, в Омске давались тогда концерты, выполняемые с достаточным искусством здешним казачьим оркестром.

Иногда посещает этот город какая-нибудь странствующая труппа актеров, но эти, однако же, бывают в Омске очень редкими гостями. <...>

В Омске нелегко отыскать удобную квартиру. Мне случилось поместиться в одну зиму на Мокром форштадте. С приближением весны, от чрезвычайной сырости и таявшего снега образовались во многих местах озера, и улицы этого форштадта потонули в болоте. От сильных ветров, бушующих всегда в это время, мне приключилась глазная болезнь. К усугублению же моего горя, в последних числах апреля месяца [1845 г. – Е. Т.], р. Иртыш, казавшаяся доселе спящей под оковами льда, наконец, кружит их; сильный прилив сверху вод гонит громадные льдины одну за другой, которые, напирая на уцелевший еще на Иртыше лед, и, делая будто бы последние усилия, дабы противостоять быстрому стремлению реки, громоздятся одна на другую, чем и становят преграду; вода, встретив

подобное сопротивление и усиливаясь более и более сверху, не могла преодолеть этой препоны, хлынула, наконец, во впадающую в Иртыш р. Омь, на которой находится Мокрый форштадт. Воды этой последней уже сутки целые заметно увеличивались, а к вечеру также поднялись в уровень почти с правым берегом; но, однако ж, еще можно было надеяться, что Иртыш преодолеет лед и примет надлежащее свое течение. Вдруг на рассвете дня я пробужден был; сказывают, будто некоторые места нашего форштадта уже затоплены! Больной и полусонный, я не знаю что предпринять? Сверх того, не имея лошади, я не мог тотчас же отсюда выехать. В то время, когда вышел на улицу, народ был на ней в ужасном смятении, одни бегали, отыскивая челны, дабы в них спасаться от наводнения, другие, кто имел запряженные телеги, укладывали свои пожитки и спешили как могли скорей выбраться из этого форштадта, иные выносили из погребов и низменных мест лучшее, что могла бы повредить там вода; но многие, в том числе которых был я, положились на волю божью, ожидали в грустном молчании последствий, не предаваясь отчаянию быть затопленными. Посреди этого народного смятения, печали и скорби еще более погружали в уныние душу – рев рогатого скота и вой собак, бывших на то время довольно в значительном количестве на улицах этого предместья.

Мгновенно воды хлынули волною на берега другой оконечности форштадта, где находилась моя квартира, и затопили часть улицы, затем, усиливаясь более и более, покрыли все пространство, и в полчаса времени все вокругказалось здесь простирающимся озером. <...>

Около недели весь Мокрый форштадт был затопленным, в иных домах там вода была в уровень с окнами.

Подобный разлив реки Оми случается однако ж через несколько лет, смотря по тому, как велик весной прилив сверху вод в реку Иртыш; в продолжении моего пятилетнего нахождения здесь, Мокрый форштадт затоплен был два раза. <...>

Лучшим местом прогулки в Омске служит загородная роща, лежащая от оконечности Кадышевского форштадта почти в двух верстах; а так как в окрестностях этого города лесу совершенно нет, то сказанный березовый гаек, сохраняемый предусмотрительной заботливостью здешнего начальства, напоминает их отеческое, о публичном благе, попечение. Эта роща, примыкающая к берегу реки Иртыша, с остальных трех сторон окопана довольно широкой канавой, длина ее полторы, а ширина одна верста; несколько прямых дорог, расходящихся при самом туда въезде, встречаются все у гульбища, построенного в конце сказанной рощи. Здание этой беседки весьма красиво; по шести колонн Дорического порядка, с двух продольных ее сторон, поддерживающие фронтоны, составляют вместе и галерею; со входа в сказанное гульбище помещаются службы, далее же лежит довольно обширный зал, по бокам которого еще находятся два покоя; из одного из них лестница ведет вверх, где в самом куполе заключается еще круглая, подобная

фонарю, комната; отсюда стеклянная дверь выходит на окруженный перилами балкон, коронующий, так сказать, это здание. Вид из этого места на окрестность довольно занимателен: прямо у подошвы горы, на которой сооружена эта беседка, волнуется угрюмый, среди печальной и однообразной природы, Иртыш, образующий против этого места своими протоками, поросший кустами, продолговатый, но узкий остров; далее же за ним на необозримое пространство, подобно морю, сливаясь с небесной синевой, стелется киргизская степь; на восток, в некотором отдалении, внизу лежит Омск, кажущийся отсель обширнее и великолепней, нежели он есть в натуре, ибо много каменных зданий, большей частью крепостных казарм вместе с куполами церквей, высясь громадно над остальными частями этого города придают ему много блеска и величия; на запад же, по течению сказанной реки, почти в одном расстоянии как Омск, лежит смиренная деревня Захламина, окруженная, подобно рогаткам, ветряными мельницами. <...>

Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. – М., 1852.
Цитируется по: ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 325.

1843 г.

*Ч*е только иностранцы, но и большая часть русских имеют превратное понятие о Сибири. Это письмо покажет, как живут в городе, лежащем на черте степи Барабинской и Ишимской! Право, этой жизни позавидовали бы многие города во Франции.

«Омск, по упразднению Омской области, – уездный город Тобольской губернии, населен большей частью служащими в нем чиновниками и казаками Сибирского линейного казачьего войска. Здесь место пребывания г[осподина] генерал-губернатора Западной Сибири, командира Отдельного Сибирского корпуса князя Петра Дмитриевича Горчакова 2-го, который, как благодетельный начальник отдельного края, старается всеми зависящими от него мерами распространять просвещение, согревать все то, что окружает его и оживляет общество. Со времени прибытия Его Сиятельства в Сибирь, мы начали жить просвещенной жизнью и ни на шаг не отстаем от просвещения Европы, следя внимательно за всем: выписываем все возможные журналы, книги на всех языках и жалеем только, что наша литература так медленно продвигается. Общество наше составлено большей частью из приезжих сюда на службу чиновников, которые, отправляясь из России с семействами, полагают, что у нас, кроме соболей, бобров, черных лисиц и белых медведей, никого не встретят; приезжая, удивляются, находя общество образованное, которое никак не уступает обществам лучших и богатых наших губернских городов. Во всех гостиных вы услышите, кроме нашего родного чистого

языка, язык французский, самый изысканный язык Бальзака, Жанена, Евгения Сю, язык философический и положительный немецкий, язык модный – английский и язык музыкальный – итальянский в мотивах великих и любимых композиторов.

В Омске находится училище Сибирского линейного казачьего войска, в котором воспитываются тоже дети служащих в сибирских губерниях чиновников; заведение сие заслуживает особенного внимания. Оно снабжает казачье войско хорошими офицерами: дворяне выпускаются офицерами в линейные батальоны; в нем приготовляются толмачи восточных языков для окружных приказов Киргизской степи и топографы для роты, состоящей при Сибирском корпусе, работы которых заслуживают всегда похвалу высшего начальства. И это-то заведение доставило всему нашему обществу во время последних праздников истинное удовольствие. Начальство устроило театр, и воспитанники играли два раза: 30 декабря и 4 января; давали пьесу князя Шаховского: «Ссора» или «Два соседа» и водевиль «Стряпчий под столом», переделанный Ленским. Несмотря на то, что актеры-юноши не видали никогда театра и не имели понятия о сцене, спектакль шел очень хорошо. Непринужденная дикция, ловкость и смелость выступающих в первый раз на сцену удивили всех присутствующих, которые громкими рукоплесканиями и вызовом всей труппы поощрили детей. Оставляя училище, каждый из посетителей уносил с собой приятное воспоминание о нескольких часах, которые украшались и талантами избранных воспитанников, и непринужденной приветливостью директора училища, г[осподина] генерал-майора Шрама.

Новый год начался, как обыкновенно во всем свете, визитами, поздравлениями, а вечером был *bal costume* у любимого и уважаемого нашего начальника князя Петра Дмитриевича, вечера которого всегда отличаются необыкновенной живостью и непринужденностью, поддерживаемые радушием хозяина. За несколько дней до того Его Сиятельство изволил намекнуть некоторым дамам о костюмах, и все полетели в лавки: начали закупать, хлопотать о картинках, шить, и в неделю готово было прекрасных богатых костюмов до двадцати. В особенности нельзя умолчать об испанском и греческом костюмах, которые изящностью невольно напоминали столицу. В красавицах у нас также нет недостатка. Русские костюмы отличались богатством, и невольным образом удивляешься, как в столь отдаленном крае дамы не отстают от настоящих мод! Когда уже все съехались на бал, отворились двери, и вошла Тирольская кадриль, составленная из детей, которые обворожили всех. Бал был блестательный, оживленный и, что всего важнее, – веселый».

Очерк сибирской жизни образованного сословия: (письмо из Омска от 7 января 1843 года) // Северная пчела [СПб.]. – 1843. – № 26.

1848 г.

В то время, кто не имел особенной надобности представляться высшему местному начальству, тот не заезжал в тогдашнюю столицу Западной Сибири Омск, так что большая часть проезжих по Барабе миновала этот к тому же неприветливый город, созданный князем Горчаковым¹ единственно в видах военно-административных, близ границы Большой Орды, по которой кочевали непокорные тогда еще и беспокойные киргизы, Чингис-Хановы потомки.

Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, 1848-1854 г. – СПб., 1889. – С. 14.

1850-е гг.

Главный источник благосостояния г. Омска заключается в торговле лесом строевым и дровяным, крупным рогатым скотом, баранами, кожами и салом. Местные промышленники закупают, между прочим, ежегодно в Киргизской степи значительные гурты рогатого скота и отправляют его на золотые прииски Томской губернии и Восточной Сибири.

Ежегодный оборот торговли в Омске простирается, по приблизительному расчету, до 690 000 руб. сер[ебром].

Засим, к числу главных промыслов тамошнего торгового класса принадлежат казенные подряды, поставки и перевозки тяжестей, отдаваемые в Омск ежегодно с торгов, на значительные суммы, по ведомствам Артиллерийскому, Инженерному, Войсковому, Провиантскому, Госпитальному и Комендантскому, а также по Омскому общему окружному управлению.

Города Западной Сибири Омск, Тюмень, Петропавловск и Семипалатинск / составлено в хоз. департаменте коллежским советником **Безобразовым** // Журн. М-ва внутр. дел. – 1854. – Ч. 6. – С. 37-38.

Омск – прекрасный город – первый в Тобольской губернии по населению, постройке, местности, климату, порядку, благоустройству, образованности и удобствам жизни, лучший в целой Сибири во многих отношениях. Местность его ровная и сухая, вот уже громадная разница между ним и болотистым Тобольском, гористым Томском и засыпаемым песком Красноярском. Население его почти все состоит из служащих или имеющих прикосновение к служащим – вот опять громадная разница между

¹ Генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков. – Сост.

ним и всеми прочими губернскими городами сибирскими, страшно переполненными ссылочными. Климат его лучше, мягче, здоровее и ровнее прочих губернских городов. <...> Мясо, хлеб и рыба у него всегда под боком и всегда в изобилии, а в прочих городах Сибири, чем глубже в нее, тем ныне дороже. Наконец, он близко от России, и есть центр главной администрации. И общество в нем от непрерывного сообщения со столицами просвещенное и социальное.

Да и как не быть ему таким, когда в нем единственный теперь рассадник юных поколений для всей Сибири – кадетский корпус, из которого, как из светоносного центра, исходят живительные лучи на все сибирское общество. <...>

Омск – окружной город Тобольской губернии и крепость, местопребывание генерал-губернатора Западной Сибири и командира Отдельного сибирского корпуса, Главного управления, Областного правления области сибирских киргизов и корпусного штаба, – находится под 54° и $59'$ сев. шир. и под 91° и $3'$ восточ. долгот[ы] от Феррского меридiana. Он построен по обе стороны реки Оми, на правом берегу Иртыша, при самом ее устье. Местоположение его ровное и немного приподнятое над уровнем его рек, почва песчаная и сухая, вид очень эффектен среди этой громадной массы вод и далеко зеленоющей степи. <...> Климат в нем умеренный, воздух чистый и здоровый. <...> Ныне в нем уже 18,729 ж[ителей], в том числе окладных мещан 1338 д[уш], ремесленников 554 д[уш], 6 церквей и 1 мечеть, домов 2073, заводов и фабрик 35, 7 учебных заведений: Сибирский кадетский корпус, духовное и гражданское уездные училища, приходское, училище военного ведомства, детский приют и магометанская школа при мечети. Через Омск идет из Тюмени (через Ялуторовск, Ишим и Тюкалинск) главный сибирский почтовый тракт далее в Сибирь до самого Николаевска у устья Амура на Восточном океане. От Петербурга, на громадном пространстве 10161 вер[сты], все уже ныне заселено, всюду русский язык, русский быт, русская вера, русские города, русские села. Из этого видно, что Омск один из соединительных почтовых, административных и торговых звеньев этой главной артерии всего государства, на которой как бы пунктами роздыха служат ныне от Петербурга до Восточного океана: Москва, Нижний Новгород, Казань, Омск, Томск и Иркутск.

Омск основан в 1716 году, при постепенном передвижении военной линии с Тобола на Ишим, а с Ишима на Иртыш. В 1782 году, при открытии Тобольского наместничества, он сделан городом; а в 1804 году к нему приписан округ. В 1824 году в нем открыта Омская область¹, но в 1838 году упразднена, и Омск назначен центром военного и гражданского управления всем краем, местопребыванием генерал-губернатора и командира Отдельного сибирского корпуса, Главного управления и корпусного штаба, оставаясь по-прежнему окружным городом Тобольской губернии. В 1854 году в нем открыто областное Правление области сибирских киргизов, а 17 января

¹ Юридически учреждена 22 июля 1822 г.; открыта 8 ноября 1823 г. – А. С.

1857 года Высочайше утвержден проект нового дома для генерал-губернатора, на что ассигновано на постройку 53081 р. 54 3/4 к. сер[ебром], а на меблировку 12000 р. сер[ебром], всего 65081 р. 53 3/4 к. сер[ебром]. <...>

Любаясь этим прекрасным, оживленным Омском, воинским станом передовой Руси у обетованной земли солнца, мы вышли на Никольскую площадь и, сотворив крестное знамение пред храмом защитника русского царства, святителя Николая, окнули взглядом пространство, нашему кругозору представившееся, и все, что уже говорили в этом популярном описании края о будущности нашей славной России, в связи с нею далекой Сибири, являлось нам тут доказательно и осязательно. На этой обширной площади – Сибирский кадетский корпус, рассадник просвещения и патриотизма для всей Сибири. <...>

При въезде в город есть таможенная застава. Впрочем, торговля с азиатцами здесь мало развита <...>. В Омске меня происходит большей частью с киргизами, которые сюда пригоняют преимущественно рогатый скот и баранов для салотопень города и округа. Однако будущность обещает Омску видное место на торжище Западной Сибири, когда она сделается посредницей между Россией и Западным Китаем. <...>

Но пора начать нам наши странствия по Сибири... Мы еще возвратимся в прекрасный Омск, где патриотическая мысль наша: «раскрыть Европе и России эту далекую Сибирь, сблизить ее с понятиями большинства, показать в ней не «Дантов Ад» ссылки, а богатую и полную будущности страну, полезную деятельности в прогрессивном ходе человечества», где эта мысль нашла себе такое живое сочувствие и такую благородную поддержку.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. – М., 1862. – С. 150-151, 153-155, 157, 164-166.

Город Омск в то время был центром военного и гражданского управления Западной Сибири, со старой крепостью в изгибе реки Иртыша, при впадении в него речки Оми, и несколькими форштадтами с трех сторон крепости, по четвертому же фасу крепости протекал Иртыш, за которым тогда начиналась уже степь. Крепость представляла из себя довольно большой, в несколько десятин, параллелограмм, обнесенный земляным валом со рвом и четырьмя воротами: а) Иртышскими – к реке Иртышу; б) Омскими – к устью реки Оми; в) Тарскими – к городскому саду и присутственным местам и г) Тобольскими – к изгибу реки Иртыша. При каждом воротах находились гауптвахты и содержался военный караул. Вообще крепость, как укрепленное место для защиты от врага, никакого значения не имела, хотя и была снабжена достаточным числом помнивших царя Гороха чугунных ржавых орудий, с кучками сложенных в пирамидку ядер, в отверстиях между которыми ютились и обитали тарантулы, фаланги и

скорпионы¹. Центр крепости занимала большая площадь, на которой в недальнем от Тарских ворот расстоянии высился массивный православный крепостной собор с церковнослужительским домом, а по краям площади красовались равнявшиеся чинно и стройно в шеренги каре различные казенные здания обычной старинной казарменной архитектуры. Тут были: генерал-губернаторский дворец, комендантское управление, инженерное управление, корпусный штаб, дома, где помещались начальства сказанных управлений и служащий персонал с семьями, а сзади их – казармы 4, 5 и 6-го линейных батальонов и знаменитый Омский каторжный острог. Все эти постройки, за исключением двухэтажного корпусного штаба и батальонных казарм, были одноэтажные, и заезжему случайно петербуржцу казались такими мизерными и жалкими, что невольно пробуждали мысль о мифических постройках тех, нахлынувших когда-то на Европу, варварских народов, о которых профессор Харьковского университета Михаил Петрович Клобуцкий на лекциях в 1840 году говорил: «Черт знает откуда пришли, черт знает что понаделали и черт знает куда провалились». В крепости господствовал исключительно военный элемент: офицеры, солдаты, казаки, денщики, служители, фурлеты и каторжные арестанты. Слышался лязг оружия, вызов караула в ружье, отданье чести, стук нагруженных провиантских телег, скрип артельных повозок и бряцание громыхающих арестантских кандалов.

На форштадтах или в так называемом городе, тоже преобладал военный элемент, но преимущественно – служебный или казачий. За речкой Омью располагалось управление наказного атамана, казачьи полки и батареи, кадетский корпус с особым домом для директора, дворянское собрание, казенная суконная фабрика, на которой работали каторжные гражданского ведомства, и дом откупщика, который, как известно, в то время был персоной *grata*. За городским садом находились присутственные места, провиантское ведомство, военный госпиталь, гражданский острог и при нем больница. Но были и частные дома, гостиный двор, лавки, трактиры, магазины и солдатские слободки на окраинах. Положим, что, за исключением некоторых казенных зданий, как, например, кадетского корпуса и двух-трех купеческих домов, порядочных строений и здесь было очень мало, но здесь жили уже граждане... Здесь можно было видеть порой соперничество Европы с Азией, и зоркий глаз мог отличить луч света в темном царстве неподвижности и застоя: здесь рядом с кочевником, пригнавшим для продажи на рынок баранов, можно было видеть европейский костюм и порой услышать речь о политике и других животрепещущих вопросах, что для человека, брошенного судьбой за грань цивилизованного мира, было, по-тогдашнему времени, дороже золота. <...>

¹ К этому времени Омская крепость уже не имела боевого значения, хотя в плане города, составленном в 1860 г., в последний раз говорилось об этой функции крепости. Позднее крепость была упразднена. В 1870 г. архитектор Эзет составил план, намечавший разбить бульвар на месте крепостных рвов. – Л. О.

Общественная жизнь в Омске в то время была развита крайне слабо. Театра не существовало вовсе. Устраиваемые по временам баронессой Сюрвельгельм¹ спектакли для высшего общества давались на форштадте в казачьем манеже. Ни литературных вечеров, ни ученых собраний, ни лекций никто не затевал. Были одни танцевальные вечера да балы. Давал ежегодно один или два бала генерал-губернатор, давало балы дворянское собрание, давал бал откупщик. На них собирались по обязанности, потому что замечались не те, кто приехал, а те, кого нет, и исследовались причины их отсутствия. Конечно, все, что числилось на службе, облекалось в мундиры и составляло генерал-губернаторский хвост, а жены и дочери служащих служили живой красивой обстановкой гостиных и танцевальных залов, где одна только молодежь, «не заботясь об утре», весело щебетала и с увлечением плясала и прыгала до утра. <...> Но балы были редки, а общество разъединено, поэтому каждый убивал свое свободное время в своем же тесном излюбленном кружке. Только какие-нибудь затеи, вроде поездок с дамами в степь на маевку, или именинные, свадебные и крестинные обеды, или вечера соединяли некоторые кружки, и люди на несколько часов сходились и обменивались мыслями и взглядами. Будничная же обыденная жизнь тянулась ужасно вяло, и в салонах самых элегантных женщин царила страшная скука.

Мартынов П. К. В переломе века. (Отрывки из старой записной книжки) // Ист. вестн. – 1895. – № 11. – С. 434-436, 453-454.

*П*территория крепости являла собой огромную площадь, напоминающую фантастическую геометрическую фигуру, похожую на шестиугольник. Не было здесь обычных стен, как в европейских крепостях. Вместо стены – частокол из толстых высоких бревен, тесно сомкнутых друг с другом, остроконечных вверху, глубоко вбитых в землю. Вокруг частокола – вал, на котором днем и ночью несли вахту солдаты крепостной команды. У ворот, еще более укрепленных частоколом, стояла стража.

Токаржевский Ш. Сибирское лихолетье / пер. с пол. М. Кушниковой. – Кемерово, 2007. – С. 178.

Цитируется по: Мулина С. А. Город Омск в воспоминаниях польскихсылых // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): материалы Всерос. науч. конф. (Омск, 11-14 окт. 2010 г.). – Омск, 2010. – С. 190.

¹ Также Сильвергельм; см. ниже у И. Ф. Бабкова. – А. С.

1850-1854 гг.

*О*строг наш стоял на краю крепости, у самого крепостного вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свет божий: не увидишь ли хоть что-нибудь? – и только и увидишь, что краешек неба да высокий земляной вал, поросший бурьяном, а взад и вперед по валу, день и ночь, расхаживают часовые. <...> Представьте себе большой двор, шагов в двести длины и шагов в полтораста ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (паль), врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными планками и сверху заостренных: вот наружная ограда острога. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми. <...>

На той стороне реки синела степь; вид был угрюмый и пустынный. <...> Зимой, особенно в сумрачный день, смотреть на реку и на противоположный далекий берег было скучно. Что-то тоскливо, надрывающее сердце, было в этом диком и пустынном пейзаже. <...>

После суточного бурана заметало иной дом до половины окон, а иной чуть не совсем заносило. <...>

Во всем городе были только две публичные бани. Первая, которую содержал один еврей, была номерная, с платой по пятидесяти копеек за номер и устроенная для лиц высокого полета. Другая же баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тесная <...>.

<...> Требовали поваров с кухни, чтобы принимать приносимое со всех концов города в острог подаяние. Приносилось оно в чрезвычайном количестве в виде калачей, хлеба, ватрушек, пряжеников, шанег, блинов и прочих сдобных печений. Я думаю, не осталось ни одной хозяйки из купеческих и мещанских домов во всем городе, которая бы не прислала своего хлеба, чтобы поздравить с великим праздником «несчастных» и заключенных. Были подаяния богатые – сдобные хлебы из чистейшей муки, присланые в большом количестве. Были подаяния и очень бедные – такой какой-нибудь грошовый калачик и две какие-нибудь черные шаньги, чуть-чуть обмазанные сметаной: это уже был дар бедняка бедняку, из последнего. Все принималось с одинаковой благодарностью, без различия даров и даривших. <...>

<...> Случалось, подметишь вдруг где-нибудь на работе чей-нибудь задумчивый и упорный взгляд в синеющую даль, куда-нибудь туда, на другой берег Иртыша, где начинается необъятно скатертью, тысячи на полторы верст, вольная киргизская степь. <...>

<...> Я потому так часто говорю об этом береге, что единственno только с него и был виден мир божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынностью. <...> Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившая с

киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядываешь наконец какую-нибудь бедную обкуренную юрту, киргизку, которая о чем-то там хлопочет с своими двумя баранами. Все это бедно и дико, но свободно. Разглядываешь какую-нибудь птицу в синем, прозрачном воздухе и долго, упорно следишь за ее полетом. <...>

<...> едет из Петербурга один важный генерал ревизовать всю Сибирь <...>. Каждый день новые слухи приходили в острог. Приходили вести и из города: слышно было, что все трусят, хлопочут, хотят товар лицом показать. Толковали, что у высшего начальства готовят приемы, балы, праздники. Арестантов высыпали целыми кучами ровнять улицы в крепости, срывать кочки, подкрашивать заборы и столбики, подштукатуривать, подмазывать – одним словом, хотели в один миг все исправить, что надо было лицом показать. <...>

Климат в этом городе довольно ровный; летом погода стоит постоянная, горячая <...>. Весь город стоит на юру, открытый со всех сторон. Кругом на довольно далекое пространство нет леса. <...>

Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. – Омск: Кн. изд-во, 1982. – С. 8, 89, 98, 99, 119, 135, 219-220, 226, 231, 282.

Омск – гадкий городишко. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видел. Городишко грязный, военный и развратный в высшей степени <...>. Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно.

Достоевский Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому 30 января – 22 февраля 1854. Омск // Полн. собр. соч. в 30-ти т. – Л., 1985. – Т. 28, кн. 1. – С. 171.

1854 г., ноябрь

По дороге в Семипалатинск я остановился в Омске. Тут я пробыл недолго: уж слишком было неудобно спать на биллиарде и быть лишенным малейшего комфорта! По приезде моем в Омск, единственная в городе гостиница оказалась переполненной, и мне предложили вместо кровати биллиард. Ночью по несколько раз ко мне врывалась пьяная компания. Вскоре, впрочем, совершенно незнакомый мне человек сжался надо мной и предложил мне переехать к нему. Он оказался милейшей личностью, – бывший студент Казанского университета, некто Крамер, молодой чиновник. <...>

Вечером у супруги Гасфорта, урожденной Львой, племянницы известного нашего композитора Алексея Федоровича Львова, собирались сливки местного общества. Меня поразили безвкусица дамских старомодных туалетов и особенно чинопочтание и натянутость отношений. На генерал-

губернатора смотрели с умилением и страхом. А, впрочем, в те времена генерал-губернатор был самодержец, неограниченный владыка. <...>

Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854-56 гг. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. – С. 11-13.

1856 г.

Омск, имеющий ныне свыше ста тысяч жителей, вмещал тогда, несмотря на свое крупное административное значение, не более шестнадцати тысяч душ и уподоблялся скорее временному военно-административному лагерю, чем городскому промышленно-торговому поселению. Построен он был по обеим сторонам реки Оми при впадении ее в Иртыш, в который город упирался. На правом берегу Оми находилась крепость, внутри ее – церковь и несколько казенных зданий, а между ними деревянный в то время дом генерал-губернатора; вне крепости помещалось большое здание главного управления, от которого по направлению к Иртышу спускалась улица; на ней расположены были по преимуществу дома четырнадцати живших в то время в Омске военных и штатских генералов¹. Дома эти были все деревянные, очень невзрачные и не обсаженные ни садиками, ни деревьями. У каждого дома был только просторный балкон, выходивший на широкую и пыльную немощеную улицу. На левом, высоком берегу реки Оми находилась более обширная часть города с двумя церквами, гостиным двором, почтамтом, лавками, двумя площадями и очень жалким ивовым бульваром. Зато за городом, в двух верстах ниже предела города того времени, на высоком правом берегу реки расстился обширный и прекрасный парк – удобное и любимое место для гуляния омских обывателей.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 гг. – М., 1948. – С. 68-69.

1857-1858 гг.

Омск, сравнительно с Антоньевским, – это столица. Там много интеллигентных людей, там больше книг; кабинетные разговоры интереснее, развлечения поучительнее.

Потанин Г. Н. Чокан Валиханов, его жизнь и служба в Омске.

Цитируется по: Валиханов Ч. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 5. – Алма-Ата, 1985. – С. 399.

¹ Здание Главного Управления Западной Сибири (ныне угол улиц Красный Путь и Интернациональная, бывшая Александровская, о которой идет речь). – Л. О.

1858 г.

*Ч*естого июня 1858 года состоялось мое назначение обер-квартирмейстером отдельного сибирского корпуса. Отправляясь в Омск, я без особых сожаления оставил скучный, холодный и болотистый Тобольск, в котором пробыл два года на должности начальника штаба 24-й пехотной дивизии.

В то время, т. е. в 1858 году, Омск показался мне незначительным уездным городом средней руки. Большая часть домов в нем, принадлежащих частным лицам, были деревянные. Тогда Омск далеко не имел того вида, который он приобрел в последствии, когда стараниями генерал-губернатора Западной Сибири, генерал-адъютанта Казнакова, он украсился многими хорошими каменными зданиями как казенными, так и частными, скверами, театром и проч. Омск основан в царствование Петра Великого в 1716 году, а Омская крепость в 1759 году¹. В 1838 году при генерал-губернаторе князе Горчакове было переведено в Омск из Тобольска военное и гражданское управление Западной Сибирию. Таким образом, Омск почти с самого своего основания приобрел значение административного центра, которое и удержал за собою по настоящее время. Омская крепость была расположена на правом берегу р. Иртыша, в углу, образуемом этой рекой и правым же берегом речки Оми при устье ее, в мое время утратила всякое военное значение и в скором времени была совершенно упразднена.

Первое, что меня несколько озадачило по приезде в Омск, – это иноплеменный состав высших начальствующих лиц: все они по происхождению принадлежали к иностранным народностям и большинство были иноверцы. Корпусный командир – генерал Гасфорд, военный губернатор области Сибирских киргизов, имевший свое местопребывание в Омске, генерал фон Фридрихс – оба немцы-лютеране; комендант крепости генерал де Граве и мой предместник генерал барон Сильвергельм – оба шведы-лютеране. Помощник военного губернатора – полковник Гутковский – поляк, наказной атаман Сибирских казаков генерал Кринский – поляк, дежурный штаб-офицер корпусного штаба майор Круликович – тоже поляк, начальник артиллерии генерал фон Вилькен – немец, начальник штаба, генерал Гинтовт, кажется, – литвин. Впрочем, его скоро сменил швед – Кроиерус. Таким образом, на омском горизонте появился еще третий швед, который, по усвоенному русскими шведами и немцами правилу, тотчас же, по вступлении в должность, почел долгом позаботиться о своих финляндских собратьях и вскоре успел пристроить двух на хлебные, по-тогдашнему времени, должности: майора Аммондта на должность командира линейного батальона в Омске, несмотря на то, что этот швед никогда не служил в пехоте и не имел никакого понятия о строевой пехотной службе, в особенности по введенному, незадолго перед тем, новому уставу.

¹ Здесь, видимо, ошибочно названа дата строительства второй Омской крепости. – Л. О.

Покровительство начальника штаба Кроиеруса помогло Аммондту удержаться на должности во время командования корпусом Дюгамеля. Но, вскоре по приезде в Омск нового корпусного командира Хрущева, – он тотчас же был уволен. Другому финляндцу Гартлингу была предоставлена должность смотрителя омского госпиталя. По поводу этого ходатайства Кроиеруса о Гартлинге в Главном Штабе были крайне изумлены, как передавал мне впоследствии мой хороший товарищ: сибиряк Лавр Никанорович Клугин¹, бывший в то время помощником начальника Главного Штаба. Неужели, говорил он мне, местное начальство Западной Сибири не могло найти в Омске ни одного подходящего офицера, способного быть смотрителем госпиталя и заставило нас выписывать непременно шведа Гартлинга с самого севера Финляндии, чуть ли не из Улеаборга! Сам Гасфорд в то время имел чисто немецкий антураж. Так, адъютантами у него были: два брата Блюменталь, Экеблад, которого сменил Фридерикс, а потом Врангель. Затем, при Гасфорде, состояли еще прикомандированные офицеры вроде ординарцев: Гинце и киргиз Валиханов².

Словом сказать, не было ни одного человека с русской фамилией. Таким образом, по приезде в Омск, я сразу попал в какую-то немецкую колонию. Для меня, как вновь приехавшего, так сказать, свежего человека, более всего казалось странным, что здесь на этой далекой окраине Русского Государства носителями Русского знамени и представителями русских государственных начал и русской народности – были немцы и поляки.

Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875. – СПб., 1912. – С. 5-7.

Все время нашего пребывания в Омске ненастная погода не прекращалась. Грязь была страшная, так что в некоторых местах не было прохода, я никуда почти не выезжал и дожидался только ясного времени, чтобы готовиться к обратному пути. Местность Омска самая неприятная. Зелени почти нет, климат нездоровий – ветры летом и бураны зимой располагают к беспрестанной простуде. Сама постройка города дает ему какой-то неопрятный и грустный вид. Пространные площади около крепости и неправильные грязные форштадты кругом не представляют ничего красивого. Жизнь обывателей (должностных военных и гражданских) большей частью официальная и служебная. Десять лет тому назад я прожил в нем два года и был очень рад, когда оставил. Он нисколько не изменился с тех пор, как будто еще постарел.

Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – С. 289. – (Полярная звезда: док. и материалы).

¹ В оригинале – Клуген, Аммондт. Фамилии даны в современном написании. – А. С.

² Чокан Валиханов с октября 1854 г. исполнял обязанности адъютанта генерал-губернатора Г. Х. Гасфорда. – Л. О.

Омск – пустой город с крепостью, раскинутый или разбросанный. Жителей вообще считают до восемнадцати тысяч с войсками. Здесь есть кадетский корпус в самом жалком состоянии. Я решился переночевать в гостинице и на другой день выехал. Омск считается городом Тобольской губернии, но генерал-губернатор Западной Сибири имел в нем свое пребывание с разделения Сибири по проекту Сперанского на Восточную и Западную. К несчастию Западного края, неудачный выбор генерал-губернаторов при самой производительной почве, при жизненном и бойком народонаселении не подвинулся вперед. Губернатором был в то время Арцимович, генерал-губернатором – Гасфорд, а потом Дюгамель.

Раевский В. Ф. Возвращение декабриста // Современник. – 1912. – № 12. – С. 293 (в ст. П. Е. Щеголева «Возвращение декабриста»).

1850-е - 1860-е гг.

Омск, один из главнейших городов Западной Сибири, разделялся в то время на два квартала: в одном помещались присутственные места и сам губернатор, другой был населен коммерсантами. Город был окружен небольшой стеной с башнями по углам <...>.

<...> Генерал-губернатор и весь официальный мир живут в Омске.

Верн Жюль. Михаил Строгов: роман¹ // Книга исторических сенсаций. – М., 1993. – С. 206, 216.

1860-е гг.

Время моего детства было в Сибири еще порою почтовых тарантасов, временем стеариновых, а больше сальных свечей и масляных ламп. Смутно помню первую керосиновую лампу, синий огонек, улетавший с ее примитивной горелки, вселял во мне суеверный страх, когда я из-за двери следил за церемонией зажигания лампы. Помню один из первых пароходов, появившихся на Иртыше, едва выгребавший против течения; удары лопастей

¹ «Михаил Строгов» – второй роман Ж. Верна после «Случая в Лифляндии» на русскую тему, написанный в 1874-1875 гг. События приключенческого романа переносят нас в XIX в., в самую гущу восстания азиатских кочевников, вымыщенного автором, которое охватило весь Туркестан и часть Сибири, в том числе и Омск. На русском языке роман увидел свет в 1900 г. благодаря известному книгоиздателю И. Д. Сытину. – Сост.

и пыхтение машины раздавались в тихом городе и привлекали к берегу реки толпы народа.

Имшеник-Кондратович А. И. Автобиография // Юбилейный сборник / Институт инженеров путей сообщения (Петербург). – [СПб., 1908]. – С. 55.

*Р*асположена крепость на холме у самого впадения Оми в Иртыш и возвышается над широким степным простором, представляя собой со стороны реки весьма грозное зрелище. Взгляд, брошенный с вала на юг и на запад, теряется, обозревая огромные, пустынные плоские пространства и ищет безрезультатно какого-нибудь предмета, чтобы остановиться на нем и отдохнуть [...] От этих степей веет смертью, как от могил.

Крупский С.

Цитируется по: Сливовская В. Побеги из Сибири / [пер. с пол. В. Мочалова и др.]. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 295. – (Польско-сибирская библиотека).

*О*мск, третий по величине город в Сибири, до настоящего времени, которое можно назвать эпохой преобразования городской жизни в Сибири, уступал городам Томску и Иркутску как в просвещении, так и в богатстве. Он не имел тех счастливых условий, в каких жили другие два города. Список омских генерал-губернаторов не блещет именами; из администраторов наибольшую память о себе оставил Капцевич; нездоровая традиция о нем прожила с двадцатых годов до шестидесятых и в шестидесятых еще живо чувствовалась в Омске. Это был узкий аракчеевец, пытавшийся экспериментами над подчиненным ему народом доказать возможность осуществления безрассудных планов Аракчеева – превратить Россию в сплошное военное поселение¹. Хорошее воспоминание оставил только генерал-губернатор Казнаков, которому Сибирь обязана открытием Томского университета; эта заслуга делает его имя симпатичнее сибирякам, чем имя Муравьева-Амурского². У неблестящих администраторов и свита их была неблестящая; поэтому омское население осталось без тех благотворительных воздействий, какие выпали на долю Иркутска. Да если бы и были в Омске интеллигентные генерал-губернаторские свиты, они не нашли бы здесь восприимчивой почвы. Омск был всегда бедным городом, лишенным всякого торгового значения. Богатого купечества в городе совсем не было, да и мещанско общество было сравнительно с другими городами небольшое. Значительный процент городского населения составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты. В Омске была самая дешевая жизнь на всем расстоянии от Петербурга до Иркутска, и, в то же время, благодаря генерал-губернаторской резиденции, здесь было веселее, чем в

¹ Весьма субъективное мнение Г. Н. Потанина. Множество других его современников оставили довольно хорошие отзывы о П. М. Капцевиче. – Л. О.

² Н. Н. Муравьев-Амурский – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 гг. – Л. О.

каком-нибудь другом губернском городе; здесь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки. Поэтому омские чиновники, вышедши в отставку, никуда не уезжали и оставались здесь жить; из других городов Сибири, даже из Иркутска и Оренбурга, отставные чиновники съезжались сюда доживать свой век на пенсию. Это обилие чиновников служащих и отставных превращало Омск в город Акакиев Акакиевичей. Солидной торговли в городе не было; магазины торговали только офицерскими вещами, эполетами, портупеями да дамскими блондами, лентами и кружевами. Было всего два, три свечных завода, занятых поставкой свеч в омские канцелярии. Каменные здания все были казенные; это были канцелярии, казармы, лазареты и дома с квартирами для офицеров. Все остальные постройки были деревянные, и в шестидесятых годах был всего один каменный купеческий дом. В клуб из буржуазии был принят всего один только член – винный откупщик. Нигде в Сибири не было такого отчуждения интеллигентного общества от массы, как в Омске; интеллигенция здесь не служила местному населению. В Омском клубе была Ядринцевым¹ произнесена первая публичная речь о необходимости открытия сибирского университета, и эта речь при тогдашнем составе омского общества прозвучала, как диссонанс. В Омске никогда не было такого общественного учреждения, которое концентрировало бы на себе симпатии населения целого округа, вроде томского школьного общества или вроде иркутского музея географического общества. <...>

В шестидесятых годах это был глухой город в торговом отношении; на Иртыше, на котором стоит город, не было никакого судоходства, между Семипалатинском и Омском не ходило ни одного парохода, и омские цены не уравнивались с семипалатинскими; в Семипалатинске была одна цена на пшеницу, в Омске – другая. Обозы из Москвы в Иркутск проходили в 50 верстах мимо Омска.

Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. – С. 250-251.

*М*ежду Тобольском и Томском один более значительный город – это Омск. Омск был бы очень хорошим уездным городом, но как резиденция генерал-губернатора – это жалкий город.

Флеровский Н. (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России. – М., 1938. – С. 37.

¹ Н. М. Ядринцев (1842-1894) – уроженец г. Омска, известный публицист, исследователь Сибири, идеолог Сибирского областничества, один из инициаторов создания Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ЗСОРГО). – Л. О.

1861 г.

В Омске же я нашел все, к чему прежде только стремилась душа моя – книги, порядочное общество, развлечения и милые сотоварищи по казачьему кружку.

Ты уж, наверное, порядком подзабыл, как выглядит наш городок. Надобно заметить, что и в нашу бытность, спустя несколько лет после перенесения в Омск главной квартиры господина генерал-губернатора Западной Сибири и командира Сибирского корпуса в 1839 году, он стал расти и устраиваться год от году. Всего в Омске считается 19572 жителей: 12379 мужчин и 7193 женщин. А нашего брата, военных, – 7290.

Ныне в Омске имеется 17 улиц и 26 переулков, 6 площадей, два общественных сада и небольшой бульвар. Улицы широки и красивы, но ничем не мощены, впрочем, как я успел заметить, грязи бывает довольно мало, в любом случае в Казачьем форштадте. Зато уж ветры дуют жестокие.

Сейчас строится новый дом для генерал-губернатора, думаю, что он немало поспособствует украшению города¹. Как говорят заезжие путешественники: «Омск есть один из самых опрятнейших городов губернии, а насаженные ... перед домами деревья придают городу какой-то особенный характер». <...>

<...> Омск стоит на большом тракте. Но, в отличие от Тюмени, не замечателен ни в торговом, ни в промышленном отношении. Впрочем, грех жаловаться: платье сшить можно, сапоги тоже, табаку и свеч в предостатке... Вот только прислугу не найти днем с огнем.

А помнишь ли Загородную рощу? Чудесное место! Летом по-прежнему раз в неделю общественные гуляния, маскарады. А уж зимой другие забавы, пожалуйте в гости или в благородное собрание.

<...> Омское дамское общество приятно во всех отношениях. Последняя забота дам – благотворительное общество. Все начинания пока что в диковинку: и убежища для бесприютных детей, и дом презрения для престарелых, и дом трудолюбия, и столовые для снабжения пищей бедных. Мужчинам, побуждаемым душевным сочувствием к этим человеколюбивым предприятиям, ничего не оставалось, как принять участие в подписке по сбору средств и наиболее смелым в концертах. <...>

Г. (из частного письма)

Цитируется по: Цветкова Г. Городок наш ничего...: из частного письма, которому 130 лет // Ореол [Омск]. – 1992. – Янв. (№ 4). – С. 6.

¹ Строительство дома или дворца генерал-губернатора было завершено в 1861 г. – Л. О.

Вид Омска произвел на меня такое же тяжелое впечатление, какое он производит на всякого, кто приезжает туда в первый раз, потому что, в особенности в ту пору, это была настоящая конура. Но это впечатление изглаживается, когда проживешь там несколько времени: тамошнее общество многочисленно и довольно хорошо составлено, и в этом отношении Омск мог бы выдержать сравнение с лучшими из наших губернских городов.

Дюгамель А. О. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля / пер. с фр. // Рус. архив. – 1885. – № 7. – С. 416.

Омск можно назвать большим городом; он расположен по обе стороны устья Оми и по берегу Иртыша, на котором стоит крепость.

Число жителей – несколько более 18 тысяч.

Омск есть город окружной (уездный) Тобольской губернии, но в нем сосредоточивается гражданское и военное управление всего края. <...>

Хотя Омск не имеет особого первостатейного торгового значения, но пользуется однако же выгодами пограничного портового города и лежит на торговом пути из внутренних губерний в г. Семипалатинск, куда провозят в значительном количестве товары из Москвы и также с Нижегородской и Ирбитской ярмарок к нашим факториям в западном Китае – Чугучаку и Кульдже.

В городе имеется довольно обширный гостиный двор, несколько богатых магазинов по улицам, большая каменная суконная фабрика, принадлежащая до сих пор ведомству казачьего войска, и, кроме того, заводы: кожевенный, мыловаренный, гончарный, кирпичный, свечные, салотопенные, паточный, пивоваренный (пиво, приготовляемое в Омске, очень хорошо и недорого стоит (бутылка 10 к[опеек] с[ебрром])), а потому оно здесь в большом употреблении) и папиросная фабрика.

В городе православных церквей (с домовыми) семь; 1 лютеранская, 1 мечеть и 1 еврейский молитвенный дом. Каменных домов 28 из числа 2046.

Обе части города, разделенные р. Омью, соединяются двумя деревянными мостами на сваях. (Один из них более красивый и прочный построен в 1857 году).

С весны 1860 года начали останавливаться здесь пароходы, идущие вверх по Иртышу до Коряковской станицы¹ и обратно в Омск, Тару и Тобольск с баржами, нагружаемыми преимущественно солью, которой богата Киргизская степь. <...>

¹ Ныне г. Павлодар. – А. С.

Подъезжая к Омску по Петербургскому тракту, пролегающему здесь по ровной местности, вы бы увидели город издали, верст за 10. Он не имеет слишком живописного вида, но производит все-таки отрадное впечатление после долгого пути по пространствам ровным и более или менее пустынным. Возвышаются купола церквей, белеют большие каменные здания и довольно большое пространство занято серыми деревянными домами. Все это разбросано по берегам Оми и по правому берегу Иртыша. В городе много площадей, что предохраняет его от больших пожаров (которые, впрочем, здесь очень редки), но, с другой стороны, неприятно при частых здесь ветрах и особенно зимой.

Прежде всего, при въезде в город, бросается в глаза огромное белое здание тюремного замка, построенное в 1859 году. Потом вы едете по опрятной улице с деревянными порядочными домами,¹ и, наконец, пред вами открывается огромная площадь – эспланада крепости. Кругом, вдали, видны дома каменные и деревянные, а по средине – старая городская роща с кривыми, редко разбросанными березками, которые не могут однако защитить гуляющих от пыли, когда несет ее ветер со стороны Иртыша и безлюдной равнины, раскинувшейся на право за рекой и составляющей начало Киргизской степи. <...>

Оставляя в стороне старую городскую рощу с небольшим вокзалом², у которого в торжественные дни играет оркестр музыки и движутся толпы гуляющего народа, вам представляется два пути въезда в город; или прямо, спускаясь с горки, между двумя скромными бульварами, по шоссе, проложенному здесь в последние годы с большим трудом по топкой грязи, или же – через земляную второклассную крепость, сквозь двое каменных ворот, на которых выставлен 1792 год, означающий, впрочем, только время построения ворот при перенесении крепости в царствование Императрицы Екатерины II с левого берега Оми на правый и ближе к Иртышу. Первоначальная же крепость – Омск была заложена при Петре Великом в 1716 году.

Внутри крепости, вокруг зеленой площади, на которой бывают разводы, виднеется из-за ветвей дерев скромный одноэтажный каменный дом, в котором живет генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса. Со времени разделения Сибири по проекту сенатора графа Сперанского, в 1822 г. на Западную и Восточную, генерал-губернаторами Западной Сибири до сих пор были: Капцевич, Вельяминов, Сулима, князь Горчаков и последнее десятилетие – Густав Христианович Гасфорд.

На этой же площади в крепости стоит большой каменный собор, совершенно возобновленный в 1853 году, каменная немецкая кирха, корпусный штаб и проч.

¹ Улица Тобольская (ныне Орджоникидзе). – А. С.

² Концертный павильон. – А. С.

На разводной площади поддерживается трава для того, чтобы при частых здесь степных ветрах, по возможности, избавиться от пыли.

В крепости построены каменные казармы для трех батальонов пехоты, здания для штабов, офицерских квартир и проч.; а в одном углу ее, за высоким и весьма прочным полисадом, содержатся в остроге арестанты. Живущие в крепости привыкли к звону тяжелых их цепей и зверским или унылым их лицам, потому что партии этих несчастных, в серых куртках с черными рукавами и проч., часто проходят по крепости с работы или на работу – каторжную.

Выехав из крепости и спускаясь с гласиса ее по ровному шоссе, к мосту, нельзя не заметить по левой стороне молодую чистенькую рощу «Любину», насажденную в 1853 году на бывшем прежде болоте и названную в честь имени покойной супруги Г. Х. Гасфорда, о которой все здесь вспоминают с чувством уважения за ее ум, любезность и доброе сердце.

Далее идет мост через Омь, а за мостом: налево – небольшой бульвар, церковь, девичий приют «Надежда», открытый в 1858 году, и, вправо от моста площадь, также за небольшим бульваром, рыночная площадь, каменная гостиница для приезжающих (еще не оконченная) и длинные ряды лавок. Вдали по левой стороне улицы возвышается темной массой, строящийся дворец с бельведером, на котором поставлено уже древко для флага. Это здание назначается на случай приезда лиц Императорской фамилии и для жительства генерал-губернатора.

После перенесения в Омск резиденции генерал-губернатора этот город одинаково с двумя столицами и городами наместничеств – Варшавы и Тифлиса – пользуется правом флага и салюта в высокоторжественные дни, что не предоставлено другим резиденциям генерал-губернаторств. Около дворца отделено большое место для сада и построены разные флигеля. По совершенном окончании этого здания в будущем году оно много придаст городу в отношении наружного вида его.

Далее, за дворцом белеет только что оконченный в прошлом году каменный дом Благородного Собрания, отделанный внутри небогато, но со вкусом. За ним на площади церковь, мечеть с окружающими ее зданиями для принятия азиатских посланцев и для киргизской школы. Далее – трехэтажное каменное здание Войского правления (построено в 1857 г.), кадетский корпус, фотография и проч., а на краю города, в чистенькой слободке, усаженной березками, расположены строения 6-го Сибирского линейного казачьего полка и тут же, недалеко, казармы для двух артиллерийских батарей: казачьей и сибирской пешей.

Кладбища в Омске особенно хорошо устроены и опрятны. На одном из них, казачьем, большая аллея, ведущая к могилам, украшена цветниками, так что запах резеды, душистого горошка и других цветов далеко разносится по кладбищу и делает этот последний печальный приют наш отрадным для посетителей родных могил. При входе на кладбище, кроме красивой часовни,

недавно построена г[осподином] Кузнецовым небольшая каменная церковь, изящно украшенная внутри позолотой, хрусталем и весьма приличной иконописью. Есть еще другое кладбище, Шепелевское, которое теперь устраивается так же хорошо, как и первое.

Вблизи города, на высоком месте, в виду Иртыша построены лагерные бараки для линейных батальонов и для кадетского корпуса, со всеми удобствами, даже цветниками; а, с другой стороны, города, также над Иртышом, верстах в двух, как-то еще уцелела и тщательно теперь поддерживается довольно обширная березовая роща, в которой устроен вокзал – это любимое и прекрасное место прогулок для здешних жителей. Летом, два раза в неделю, играет здесь оркестр казачьей музыки (балльный), которым Омск может похвальиться: другого подобного оркестра не только нет во всей Сибири до Восточного океана, но, может быть, не встретится и до Москвы. Почти каждое гулянье в этой роще оканчивается танцами в просторной зале воксала, куда съезжаются запросто, по-дачному и без всякой платы.

Лето бывает здесь большей частью хотя и не продолжительно, но жарко и притом часто подымается сухой ветер с пылью. Зима отличается почти постоянной ясностью неба, за исключением иногда буранов, т. е. больших метелей (пургой называют здесь небольшую метель); морозы стоят долго и ровно в 20 и 25 градусов по Реомюру¹, но бывают целые недели, когда холод доходит, особенно по ночам, при ясном звездном небе, до 35 и даже до 40°. В сильные морозы в воздухе устанавливается необыкновенная тишина, что значительно уменьшает ощущение холода. При всем том, однако, худо закрытые нос или ухо побелеют очень скоро у тех, кто не привык еще к осторожности. У кучеров и, в особенности, у здешних извозчиков беспрестанно встречаются сильно отмороженные лица. Другой бедняк несколько раз в зиму перенесет ознобление всего лица, но потом к весне освобождается от черных пятен и весело и беззаботно встречает следующую зиму. Но вообще здешний климат здоров, только слишком сух, а потому вреден для склонных к воспалительным болезням и опасен для слабых грудью. <...> Отчасти вследствие этой сухости воздуха в Омске вообще мало зелени. Даже бедный тальник на бульварах растет дурно; при частных домах почти вовсе нет садов, так что квартира с небольшим садиком и даже хорошим деревцем – почти роскошь, которая не всякому достается на долю. Цветов также здесь очень мало, и купить их негде, как и цветочных семян.

Что касается умственной деятельности и образования жителей Омска, то можно несколько судить о них по числу выписываемых здесь разных журналов и газет: оно доходит до 450 экземпляров, получаемых собственно для города. Во вновь открытой публичной библиотеке постоянно несколько человек заняты чтением, и число подписчиков в короткое время дошло до 56.

¹ -25-30° С. – А. С.

В прошлом году, осенью, возобновились было здесь публичные лекции к общему удовольствию всей публики. Прежде всего открылись они при штабе Отдельного Сибирского корпуса для гг[оспод] офицеров войск, расположенных в Омске, – о военном искусстве. Число слушателей, между которыми был г[осподин] генерал-губернатор и все почти высшие власти, в два раза переполняло залу; но, к сожалению, г[осподин] Муравлев, с таким неподдельным увлечением и интересом читавший эти лекции, по домашним обстоятельствам оставил Сибирь – и они прекратились. Также скоро кончились и прекрасные лекции о русской словесности учителя кадетского корпуса г[осподина] Лабадовского, на вечерние чтения которого собиралось столько слушателей и слушательниц, что опоздавшим на лекцию трудно было пронестись в залу. Остается утешать себя надеждой, что публичные лекции в Омске, так хорошо всеми принятые, наконец привыкнут на более прочных основаниях. Проявившаяся в них потребность тем более естественна, что здешняя публика лишена почти всех общественных удовольствий.

В прошедшем же году открыта в Омске воскресная школа. Приходское училище основано в 1854 году, а уездное в 1858. Кроме этих заведений, Высочайше утверждено устройство в Омске гимназии и, кроме того, в 1858 году положено еще более прочное и широкое основание к развитию в этом крае просвещения, учреждением при Главном управлении Западной Сибири, под попечительством генерал-губернатора, особого отделения для управления гражданскими учебными заведениями с главным инспектором этих заведений. Учреждение это весьма важно для будущего благосостояния края и составляет как бы переход и подготовление к образованию особого сибирского учебного округа и университета.

Не многим, может быть, известно, что сыздавна хранится значительная сумма денег для основания в Западной Сибири университета¹.

<...> Обращаясь к изображению общественной жизни в Омске, следует сказать и о тех немногих развлечениях и удовольствиях, которые составляют потребность общества среди служебных и частных трудов и занятий, и которыми омская жизнь весьма небогата.

Здесь бывают в продолжении зимы, по подписке, танцевальные вечера в Благородном Собрании, которое не называется в сибирских городах дворянским, потому что в Сибири почти вовсе нет крепостных крестьян, а, следовательно, и дворян-помещиков. В частных домах танцуют редко, потому что нет богатых людей и тесны квартиры.

Концерты приезжающих артистов также редки. Немногие из них отваживаются на столь дальнее путешествие. Была в Омске знаменитая виолончелистка Христиани, скончавшаяся на дороге отсюда на Кавказ; да в прошлом году порадовал нас молодой французский скрипач Раншере,

¹ Речь о пожертвовании почетных граждан г. Томска Поповых на Сибирский университет; позднее эта сумма была передана на учреждение в г. Омске женской гимназии. – А. С.

бывший во всей Сибири. Он дал здесь несколько концертов и играл на музыкальных вечерах, всякий раз увлекая слушателей своим замечательным талантом. Затем в последние годы никого больше не было в Омске из артистов. Обеспокоенные смычком Раншере нервы наши опять улеглись и вкушают непробудный прозаический сон.

Когда-то жил в Омске знаменитый Алябьев, под влиянием которого здесь образовался весьма порядочный бальный оркестр (казачий). Он и до сих пор услаждает публику умным и хорошим исполнением лучших увертюр и также танцев. <...>

Можно заметить с удовольствием ту отличительную черту здешнего общества, что мелкое тщеславие, щегольство нарядами, убранством комнат, экипажами и проч. здесь почти не существуют. Вследствие такого благодетельного направления общества, каждый здесь может жить по своим средствам, не вовлекаясь в долги и т. д.

Но музыкальное развитие, к сожалению, в Омске стоит не на высокой степени. Хотя и есть здесь несколько талантов между любителями, но недостает вообще хорошей фортепианной игры, и нет учителей музыки, которые бы могли своими уроками и примером развивать вкус публики и подрастающего поколения. К тому же холодный климат и удаление Сибири от более цивилизованного мира составляют естественное основание малому сочувствию и даже холодности сибиряков к музыке. Взамен склонности к изящным искусствам, уроженцы Сибири отличаются более положительным направлением ума, тонкого и ясного, как их звездное небо в морозную ночь. Так в природе все гармонирует между собою.

<...> Так как в Омске общество немалое и визиты в большом ходу, то каждое воскресенье, праздник и все дни именин и рождений город представляет довольно оживленный вид; повсюду снуют экипажи, большинство которых составляют дороги, известные, кажется, во всей восточной России. Они состоят из длинного хода и такого же сиденья, устроенного на двух длинных жердях, довольно удобны, особенно для больших семейств, и, хотя не красивы, но зато недорого стоят.

В два часа все утихает в Омске – это время обеда и следующего за ним непременного отдохновения. Одни его вкушают после трудов, а другие – просто по привычке, и увлекаясь общим примером. Зимою, впрочем, холод, а летом зной содействуют такому сну не менее скуки.

По вечерам собираются здесь большей частью, чтобы составить пульку преферанса, в чем почти все дамы охотно принимают участие. Это особенно грустно для неиграющего в карты. С раскрытием столов и раздачей карточек он делается лишним до потери всякого такта светскости и любезности и должен уходить домой, или, сдавшись на обманчивое приглашение посидеть подле играющих с целью продолжать будто бы разговор, должен наслаждаться созерцанием червей, бубен, мизеров и покорно довольствоваться одним рассеянным словом играющего в продолжение получаса молчания и

глубокого размышления над картами. Впрочем, в некоторых домах составляются и литературные вечера, на которых по очереди читаются лучшие статьи из журналов. Еще – веселая петербургская молодежь, не успевшая попасть под влияние сосредоточенной молчаливости – плодов опыта и времени в провинции, – считает эти вечера невыносимо скучными и невольно помышляет о французских водевилях и итальянской опере, которые потешают их товарищей и приятелей где-то далеко на берегах Невы.

Вечерние сходки оканчиваются обыкновенно хорошим ужином, за которым иногда сверкает природное сибирское остроумие или порою обнаруживается и многостороннее образование, разработанное размышлением на досуге. Вместо дорогих вин здесь подаются, в утешение скучающим, довольно вкусные наливки из рябины или сибирских ягод: княжники, облепихи и проч., а из числа блюд замечательна нельма, большая довольно вкусная рыба, только несколько сладка.

В прошедшую осень было в Омске много совещаний и потом репетиций спектаклей, которые любители предполагали устроить в пользу приюта и воскресной школы. Вероятно, в продолжение зимы это состоялось, но мы о том не имеем сведений. Одно вполне хорошо в Омске – это то, что нет роскоши. Развитие ее повлекло бы за собой многие неудобства. Но, говоря обо всем хорошем, справедливо отозваться и о том, что дурно, что истинно грустно, что отравляет нашу вообще провинциальную жизнь и без того уже унылую и тихую, это догадаться не трудно, хоть и выговорить неприятно, это – сплетни. Кто не жил в провинциальных, особенно уездных городах, тот не может себе представить, как это смешное зло подчас тяжко, как оно парализует иногда и подтачивает энергию ко всякому добру, разъединяет общество и заставляет бежать из города, как из омута.

К этим общим чертам жизни омской, ясным и серым, можно добавить еще, что для весьма многих петербургская почта отрадна, как освежительная роса для пересаженного растения на чужую почву. <...> Значительная часть служащих в Омске заброшена сюда судьбой из других климатов и не скоро смыкается с Сибирью: чаще рвется назад, не выдержав тех лишений, которые сопряжены с жизнью в этой непривычной им далекой стране. На вопрос из Омска в Петербург ответ редко получается ранее, чем через полтора месяца, потому что легкая почта ходит 17 или 18 дней, а в распутицу и гораздо дольше; телеграфические же проволоки не достигли еще нашей страны, хотя бы они не только были весьма полезны в промышленном отношении, но и соответствовали бы горячим желаниям здешних жителей. С восторгом и благодарностью узнает Сибирь, что в этом году предполагается довести телеграф до Тюмени. Остальные за тем 700 верст до Омска, вероятно, не замедлят дополнить эту линию в скором времени.

<...> Со времени перенесения Главного Управления Западной Сибири из Тобольска в Омск в 1839 году, этот город начал принимать лучший вид. Имя генерала Капцевича, как первого заботливого устроителя Омска,

вспоминается здесь до сих пор с большой благодарностью; но при всем том, наиболее сделано для города, как видно отчасти из предыдущего, в последнее десятилетие; поэтому, без сомнения, и имя Г. Х. Гасфорда, бывшего в это время генерал-губернатором, сохранится в воспоминаниях городских жителей с неменьшим почтением и признательностью. Теперь Омск стал, конечно, первым городом в Западной Сибири, если еще не по наружному виду, то по просвещению и всем удобствам жизни.

И. Ф. Очерк г. Омска: (из записок о Западной Сибири) // Рус. мир. – 1861. – 5 апр. (№ 26). – С. 477-482.

Омск издали гораздо лучше, чем вблизи, что происходит от того, что не доезжая до города видишь целую группу прекрасных каменных зданий, которые на самом деле разбросаны в довольно порядочном одно от другого расстоянии. Не видные издалека деревянные дома и домики, между которыми много еле живых и сильно пострадавших от времени, разрушают при проезде впечатление, составленное версты за четыре.

– Где ехать? Через крепость, али мимо Мокрого?

– Где ближе.

– Оно все одно, а как Вы прикажете?

– Ступай, куда хочешь.

Мы поехали через крепость. При въезде в Тарские ворота с надписью 1792 года налево в углу виднелся высокий частокол, каким обносятся остроги прежней постройки.

– Ямщик, что это?

– Где это? В углу что-ль, ристанская рота. Ристанты содержатся, каторжные значит.

Почему-то мне вспомнились «Записки из Мертвого Дома».

Немного дальше я увидел арестантов, занятых какой-то поправочной работой. Одни из них, с обритой половиной головы от маковки к уху, в кандалах, – это испытуемые, другие – с выбритыми лбами, как прежде брили рекрут, без кандалов – это исправляющиеся – два разряда, на которые делятся все содержащиеся в арестантских ротах.

Проезд по крепости не длинен: каких-нибудь шагов 500, не более от Тарских ворот, и уже другие ворота – Омские. При выезде из крепости, заомская часть города, в которой сосредоточены лучшие здания, кажется очень красивой. Два парохода с баржами, стоявшие у самого впадения Оми в Иртыш, довершили картину, на которой темным пятном ложились толпы арестантов, поправляющих дорогу через Омь. За Иртышом виднелись юрты киргизов, приковывающих каждое лето в соседство города.

За мостом мне сейчас же пришлось убедиться в том, что или я дурно учился географии, или дурно меня ей учили. К этому печальному сознанию привели меня ваза дынь и арбузов, которыми был уставлен берег.

Я твердо помнил, что Омск находится под 55° северной широты, где «сии аристократы огуречного мира», как выражался один мой знакомый, учитель ботаники, «и произрастать не могут».

Пятьдесят пятый градус, да это широта Москвы, куда, положим, дыни и арбузы являются тоже возами, только там они кусаются, а в Омске 10 копеек штука – на взрез и выбор, гуртом много дешевле.

Педагогическая истина оказывается почти правою! дыни и арбузы около Омска рождаются плохо, но их привозят на судах и на телегах сверху, с линии, т. е. из казачьих станиц, которые тянутся по правому берегу Иртыша до Семипалатинска.

Сибирские арбузы превосходны, только не крупны, вроде перекопских. Дыни похуже, но тоже попадаются отличные. Это я говорю по личному убеждению и собственному опыту, ссылаясь, впрочем, на всех, кому случалось бывать в Омске в конце августа или в начале сентября. Цены, показавшиеся мне чрезвычайно дешевыми, по мнению местных жителей, из рук вон высоки. Вообще Омск для жизни крайне дешевый город, хотя здесь, точно также как и везде, раздаются жалобы на страшное возвышение цен на все, разумеется, сравнительно с недавно минувшим прошлым.

Омск вполне может называться городом служебным. Девять десятых, если не больше всего народонаселения, разумеется, мужского пола, или служит, или служило, или будет служить. Глаголы – жить и служить в Омске давно уже сделались для многих синонимами.

Прекрасный пол тоже содействует, по возможности, облегчая службу супругов, братцев и папенек своими домашними заботами, чем, конечно, немало способствует к бесспорочному прохождению оной. Чему доказательством могут служить многочисленные, убеленные сединами старцы, украшенные знаками с краткими, но многозначительными надписями: за 25 и 35 лет. Такого количества отставных чиновников с крестами, мундирами и пенсионами, я, изъездив всю Россию, не видел ни в одном городе. Омские дома не снабжены табличками, обозначающими хозяев, но я, принимая на себя ответственность, объявляю, судя по многим данным, что способность приобретать дома у омских жительниц несравненно сильнее, чем у жителей. Справка в книгах квартирной комиссии, надеюсь, подтвердит мое предположение.

Дешевизна первых потребностей в Омске повлекла за собой, как необходимое следствие, развитие семейной жизни. Куда ни оглянись – все женаты. Холостяков чрезвычайно мало, да и те скоро женятся; по крайней мере свахи, или, правильнее, – особы обоего пола, устраивающие семейное счастье, не теряют надежды обрезонить их по возможности. О каждом, вновь прибывшем на службу, забираются немедленно точные справки, и если он

оказывается безбрачным, то в этом состоянии ему оставаться не долго: женят как раз, да еще, пожалуй, так, что иной не успеет опомниться. Молодые люди гибнут, как мухи. Все эти особенности я слышал и передаю, как слышанное.

В Омске находятся: штаб отдельного Сибирского корпуса с управлениями артиллерийским, инженерным, провиантским и комендантским, войсковое правление Сибирского казачьего войска, 8-го округа корпуса жандармов, кадетский корпус, военное училище, два линейных батальона, дивизион конной артиллерии и военный госпиталь. Чрез это в служебном народонаселении города военный элемент преобладает. Гражданских чиновников тоже много, потому что кроме общих всем окружным сибирским городам присутственных мест, в Омске помещено главное управление Западной Сибири и областное сибирских Киргизов.

Город Омск состоит из крепости, построенной при устье Оми, и форштадтов, расположенных по обеим сторонам этой реки. Через Омь в городе два постоянных моста на сваях.

Омская крепость давным-давно уже утратила всякое стратегическое значение: ближайшая граница находится почти в 1 000 верстах.

В ряду укреплений, тянувшихся по Иртышу до Бухтармы, все находившиеся между Омским и Семипалатинским, со включением последнего, давно упразднены за ненадобностью. Впрочем, та же участь, кажется, предстоит и первому.

Один из омских форштадтов совершенно основательно называется Мокрым: на площади красуется великолепнейшая лужа, такая лужа, что случись снимать Омск какому-нибудь иностранному топографу, это водное пространство непременно было бы означено если не озером, то, по крайней мере, болотом. Около лужи в страшнейшей, невылазной грязи размещены лавочки, и вся площадь служит местом для базара.

Всего удивительнее, что рядом с этой площадью находится никем и ничем не занятая другая, совершенно сухая и вполне удобная. Мостовых в Омске нет (куски улиц и дорогу от крепости к мосту, усыпанную кирпичным мусором и кое-каким щебнем, нельзя назвать мощеными), хотя могли бы быть: довольно хороший камень в городе продается не дороже 10 рублей за кубическую сажень. Узнать о стоимости камня и вообще строительных материалов для меня было очень удобно: как раз напротив квартиры строили новую католическую церковь¹ – доказательство, каким гонениям подвержено у нас римское исповедание.

Каменщики все до одного орловские, только не ссылочные, а из новоселов. По их словам, они взялись за прежнее ремесло по причине страшного неурожая, испытанного в 1861 году во многих местах Западной Сибири.

¹ Римско-католическая церковь (или костел) построена в 1862 г. по проекту омского архитектора Г. С. Вершинина. – Сост.

К числу особенностей, редко встречающихся в провинциальных городах, не исключая и больших губернских, принадлежит в Омске прекрасный оркестр. Музыканты все до одного – сибирские казаки. Оркестр этот существует уже давно и обязан своими достоинствами известному композитору Алябьеву. Отправленный в Сибирь еще в двадцатых годах, Алябьев прожил довольно долго в Тобольске, где до 1838 года помещался штаб отдельного сибирского корпуса. Занимаясь музыкой с казаками, отличный учитель произвел отличных учеников. Давно уже нет здесь Алябьева, но посевяное им упало на хорошую почву и, вероятно, сохранится надолго.

Я прожил в Омске четверо суток. Хозяева, изъявившие желание доставить меня с полным удовольствием, ко времени моего отъезда не могли исполнить своего обещания. Обе хозяйские тройки повезли седоков и еще не возвращались, и потому пришлось пустить в дело свою подорожную по казенной надобности. Лошадей я получил сейчас же. Затруднения для проезжающих в Омске бывают только при встрече разом двух почт: московской и сибирской, а это случается нередко, в особенности во время дурной дороги. По положению, через Омск московская почта должна проходить ежедневно, а иркутская – четыре раза в неделю; но за распутицей и переправами, им же несть числа, бывает, что в продолжение нескольких дней нет ни оттуда, ни отсюда; а как хватит разом троек по десяти с тракта, то только приходится изумляться, как при самом ограниченном числе почтальонов и чиновников контора может управиться, а управляет – и ничего: все обстоит благополучно. При этом вспомнишь, что в Томск и Восточную Сибирь следуют миллионы, да столько же оттуда, невольно подумаешь: «Велик Бог русской земли!!..»

Не раз это восклицание приходило мне в голову при встрече с почтами, в особенности по Восточной Сибири. Ну да об этом после.

За Омском тоже, что и перед Омском: березы, озера и равнины, озера и березы, и это тянется на несколько сот верст без перемежки. Для разнообразия встречаются переправы через реки, и вот одна из них на первой станции от Омска.

– Ямщик, какая это река?

– Известно какая, все та же самая.

Это значило Омь, которую надобно под селом Сыропятским переезжать во второй раз (в первый раз в Омске).

Турбин С. И. От Омска до Томска // Турбин С. И. Страна изгнания и Исчезнувшие люди: сиб. очерки С. Турбина и Старожила. – СПб., 1872. – С. 81-88.

1862 г.

Что сказать про Омск, в котором я ночевал 19 августа? Город с общей казенной физиономией, побольше военных, чем в других городах, вот и все. Больше я ничего не заметил; я пробыл неделю, да и то все время писал своим.

Кропоткин П. А. Дневники разных лет / публ. и comment. А. П. Лебедевой. – М., 1992. – С. 54.

1865 г.

<...> **О**мск – сносный город настолько, насколько может быть сноса столица управления и обитель главнейших чиновников Западной Сибири. Ни торгового, ни исторического значения он не имеет. Крепость стара и заброшена как упраздненная. Из-за округленного вала выглядывает черный частокол, окружающий четырехугольное пространство внутри бастиона. Это «Мертвый дом», где содержался Достоевский. Город собственно лежит на левом берегу Оми. Мечеть – едва ли не лучшее здание города. И как видна во всем искусственность: около главной мечети построен большой меновой двор, стоящий всегда пустой; иные говорят, что это здание построено для приезжих знатных азиатцев, послов и проч.¹ Во всяком случае, он стоял пуст со временем своей постройки. Теперь там какая-то казарма. Если из Омска перенести резиденцию генерал-губернатора, он непременно упадет и обратится в полудеревню. Впрочем, перенос резиденции, несмотря на очевидную необходимость, затруднится тем, что у большинства влиятельных чиновников собственные дома в Омске. <...>

18 июля. Сегодня одна киргизская волость подкочевала к левому берегу Иртыша. Станный вид представляют эти кучеобразные юрты грязного цвета, неправильно поставленные друг около друга. <...>

Вечером, гуляя в саду, что у гласиса бывшей крепости, я увидел юрту, разбиваемую в публичных омских садах в качестве беседки. Осмотрев ее, я увидел, что в ней можно было бы жить, если бы не отвратительный запах от кошем, ее покрывающих. <...>

23 числа, согласно прозрачным намекам Дюгамеля², мы отправились в так называемую загородную рощу, где высший омский круг устроил празднество в пользу школ и приюта. Загородная роща узурпировала свое

¹ Мечеть и дом для приезжающих в Омск султанов и родоначальников – «посольский дом» – были построены к 1829 г., освящены 23 февраля 1831 г. – Л. О.

² А. О. Дюгамель – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1865 гг. – Сост.

название. Это именно поляна на берегу Иртыша, поляна, окруженная лесом; она затейливо обнесена решеткой из березовых палок. В середине – летнее местопребывание клуба – дурная деревянная постройка. В разных местах стояли столы с самоварами, угощали знатные барыни. В юртах устроены лотереи. Я издержал более 35 руб. на лотерейные билеты. Тут же гуляли в саду воспитанницы из так называемого приюта, в устройстве которого принимал деятельное участие Г-й. Дети бросались к нему на встречу со знаками полнейшей преданности.

Гейнс А. К. Дневник 1865 года. Путешествие по киргизским степям // Собр. лит. трудов Александра Константиновича Гейнса. – СПб., 1897. – Т. 1. – С. 209-210, 212.

1860-е - 1870-е гг.

Я хожу и езжу теперь по улицам родного города после 45-летнего отсутствия и все припоминаю, где что было и какой имело вид в мое время; вспоминаю, как мы здесь жили в наше время. Позволяю себе думать, что кое-что из моих отрывочных воспоминаний будет прочитано современными омичами не без любопытства.

Многое в городе осталось как было, почти в неприкословенности: собор в крепости, Казачья церковь, Ильинская церковь, мечеть, костел, генерал-губернаторский дворец... Но, увы, от крепости моего детства (я жил в ней), от ее каторжной тюрьмы, с палями ее громадного частокола, который описан Ф. М. Достоевским в его «Записках из Мертвого дома», от ее валов и рвов, остались на память только ворота, которые в наши дни, т. е. полвека назад, являлись обычной и весьма существенной принадлежностью крепости – через них в нее попадали и из нее выходили, – а теперь, вероятно, многих омичей новых поколений смущают своим «упраздненным» видом и отсутствием какого-либо видимого определенного предназначения. А ведь в мое время хотя бы эта каторжная тюрьма, еще вся дышала памятью о своем знаменитом узнике. По крепости еще шатался тот самый козел Васька, которому каторжане собирались позолотить рога. Я ежедневно видел развод партий каторжан на работы, на берег Иртыша, где обжигали алебастр. Ведь герой «Преступления и наказания» Раскольников был пригнан сюда на берег, на работу, когда назревшая сила любви бросила его к ногам его Сони... Было о чем размечтаться, глядя на суровый палисад старой Омской каторжной тюрьмы.

Крепость в наше время кипела жизнью и едва ли не являлась истинным центром города; все другие его части ведь были ФОРШТАДТЫ, т. е.

пригороды. Здесь, в Омской крепости, готовились и отсюда отправлялись те войсковые части, которые в [18]60-70 годах продвигались на дальний юг, на завоевание Средней Азии. В крепости же обитало на просторных казенных квартирах все постоянное оседлое военное население Омска – множество офицеров всевозможных чинов, от прапорщика до генерала.

Близ собора в крепости был обнесенный перилами «плац-парад» – место воинских учреждений в будни и парадов в торжественные дни. В крепости было два учебных заведения: школа военных топографов и школа кантонистов, т. е. солдатских детей. Эта школа была бельмом на глазу у нас, кадетов. У них было одинаковое с нами обмундирование (только из более грубого материала), и люди малоосведомленные простодушно путали кадетов с кантонистами – дворян со смердами, шутка сказать! Отсюда – ярая вражда между ними и нами, восходившая иногда до потасовок, аrenoю которых была знаменитая в свое время Любина роща. Их школа была как раз у крепостного вала, почти примыкала к роще. Да и лагерь кантонистов был рядом с нашим.

Кстати, об учебных заведениях того времени. Прочитывая теперь на улицах вывески гимназий, школ, училищ разных специальностей, я стараюсь припомнить тот неширокий круг, в котором замыкалось омское просвещение полвека тому назад. Корпус, школа топографов, школа кантонистов, да женская гимназия около Ильинской церкви – вот и все, что мне вспоминается. Были, конечно, городские училища, только я их и вовсе не помню, сколько их и где они ютились.

Я упомянул мимоходом о Любиной роще. Она в наше время была единственным зеленым местом в центре города. Была еще роща около крепости, между крепостью и Кадышевым, та самая, в которой, впоследствии, в конце [18]60-х и начале [18]70-х годов, свил себе гнездо первый увеселительный притон Омска; сколько помню, его звали «Быковским Вокзалом», должно быть, по имени учредителя этого популярного злачного места. Не знаю, долго ли он просуществовал.

Кругом этой рощицы во все стороны простидался пустырь, на котором в стороне реки высилось только казавшееся тогда необычайно грандиозным здание Главного Управления Западной Сибири – единственное крупное здание в этих местах. Кадышево или Кадышевский форштадт (городские части вне крепости назывались форштадтами) тянулся к северу от крепости, вдоль Иртыша и в сторону острога что-то не очень далеко, едва ли дальше, как на версту. Острог был за чертою города, это я твердо помню, мои родные жили недалеко от острога. Это крупное, ослепительно белое каменное здание соперничало с Главным Управлением в роли архитектурного украшения убогого форштадта, с его деревянными домиками, почти избушками¹.

¹ Речь о тюремном замке по ул. Тобольской (ныне Орджоникидзе), выстроенном в 1859 г. – А. С.

Вспоминается мне и Загородная роща. Тогда она блистательно оправдывала свое имя, так как была чуть ли не за полверсты от города. Кажется, в ней был какой-то павильон, в котором иногда танцевали. За рощей же вступала во все свои права первобытная пустыня, оцивилизованная единственной культурной потугою – проселочной дорогой в Захламину. Это была маленькая деревушка, которую никому еще не приходило в голову обратить в дачное место. Помню только, что в это время Захламина была ближайшей поставщицей великолепных овощей – репы, моркови, огурцов, предметов вечного алчного вожделения вечно голодных кадетов.

На днях я стал на круче берега недалеко от Ильинской церкви и взглянул вверх по течению Оми. Передо мной была уже вовсе не та картина, что полвека тому назад. Тогда с этого места конец города был ясно виден и с несомненностью обозначался дымящимися кирпичными салями. Тут от моста через Омь вверх по реке тянулось странное Мокрое, с его первобытными грязевыми хлябями и еще какие-то «Кучугуры»¹ – часть городской окраины, внушавшая неподдающийся точному определению ужас. Ходили легенды о том, что Кучугуры отваживаются посещать только солдаты, да и то не иначе как в нетрезвом виде, и что их экскурсии в эту область мрака и ужаса сплошь и рядом завершались плачевной драмой; грабили их самым обстоятельным образом, калечили образцово, говорили, что даже убивали при благосклонном участии тихой Оми, которая дружески хоронила концы в воду.

Казачья площадь в наше время соперничала по великолепию с площадью перед генерал-губернаторским дворцом. Здесь высилось массивное, двухэтажное здание корпуса с высоким крыльцом и колоннадным входом. Вправо тянулся простой высокий забор нашего двора (плаца), управлявшийся в здание классов – длиннейшую деревянную одноэтажную постройку, которая на площадь выходила узким своим концом, а длинным боковым фасадом – в какой-то пустыннейший безымянный переулок. За классами тянулись другие корпусные постройки (все деревянные) – мастерские, швальни, столовая, баня, лазарет и проч. За забором со стороны Иртыша был сад весьма зловещего вида: он, кажется, был расположен на болоте, щедро пропитанном лихорадочными миазмами. Перемежающиеся лихорадки у нас весной не переводились, трепали жестоко, доводили до истощения, но смертных случаев от них не было; смертность вообще была невелика, не более одного случая в год при комплекте в 240 человек.

Рядом с корпусом был большой дом атамана Казачьего войска; справа от Казачьей церкви (если стать спиной к корпусу) помнится крупное здание Управления Казачьих войск. Позади церкви тянулось, кажется, самое крупное в городе здание, двухэтажный каменный корпус – «фабрика», как мы его называли. Это и в самом деле была когда-то фабрика для выделки

¹ Правобережье р. Оми, в районе ул. Госпитальной. – Сост.

солдатского сукна, которая должна была обслуживать всю Сибирь. Тогда выделка сукна требовала разведения ворсянки, которая потом быстро одичала и распространилась по всем окрестностям города; наверное, и теперь еще попадается. Вся эта затея с казенной фабрикой как-то скоро провалилась; должно быть, «свое» суконце обходилось казне в такие аховые цены, что осуществляла в лицах нашу игривую поговорку доброго старого времени о казенном воробье. Помню, в наши дни в этом здании одно время помещалась Контрольная Палата, а о дальнейшей его судьбе я ничего не знаю. Фабрику нельзя забыть как самое крупное в городе каменное здание. А каменных зданий, кроме казенных, было так мало, что я не затруднился бы и сейчас все их припомнить и перечесть по пальцам.

Между фабрикой и соседними домами тянулась длинная улица, ведшая на кладбище, по ней мы провожали и наших покойников. Мы эту улицу так и звали Кладбищенской, упоминаю об этом потому, что другие улицы в городе, кажется, не носили никаких названий, мы же этих названий знать не знали и знать не желали; обходились без названий.

Орлов М. Омск за полвека до наших дней // Сиб. речь. – 1918. – Янв.
Цитируется по: ГИАОО. Ф.2200. Оп.1. Д.330. Л.42-44.

1870 г., июнь

*М*ы приехали в Омск в 9 часов вечера, следовательно, ночью; я ничего не видел еще и потому, что черная мгла-изгарь покрывала землю.

Я остановился у законоучителя в здешнем Кадетском корпусе, о. протоиерея Александра Ивановича Сулоцкого¹ (из села Сулость, около Ростова, что на берегу озера в виду города и монастырей Белогостицкого, Петровского и Авраамиева). Человек почтенных лет, благословен от Бога много и благочадием. (Одна дочь уже замужем за кем-то в Омске светским).

Александр Иванович, магистр Духовной Академии (кажется, Московской), был профессором Семинарии в Тобольске, затем поступил сюда. Он литератор и охотник отыскивать сибирские древности. Ему и [господину] Абрамову (уже покойнику, тоже из наших) Сибирь одолжена многими любопытными и назидательными сказаниями.

После многих разнородных речей меня угостили хорошим городским ужином (я не имел его от Томска, почти на тысячу верст). Мне дана хорошая комната, кабинет хозяина. Уснул сладко.

Утром написал два письма. <...>

¹ А. И. Сулоцкий (1812-1884) – в Омске с 1848 г., один из учредителей ЗСОРГО, крупный специалист по истории христианства в Сибири, краевед. Умер в Омске, был похоронен на Казачьем кладбище. – Л. О.

Отдал поправить карманные часы; поправили в три часа. Отдал поправить передние колеса; поправили.

Затем мы поехали с о. протоиереем путешествовать по городу. Нам дан экипаж, карета, какою-то старушкой, купчихой или боярыней.

Были: 1. В церкви Св. Николая. Казацкая. Прекрасная и немалая церковь, светлая, иконостас степенный, большой. Нижний ряд икон в богатых золоченых ризах. Сбежался народ к благословению. В церкви младенец умерший для отпетия.

2. В соборе Воскресения Христова. Служит протоиерей города Стефан Яковлевич Знаменский. Мы вошли; он читает за левым клиросом у пылающих свеч и кутьи имена покойников речисто, возгласно, не торопясь. Это заамвонное поминование произнесено при нас; не одно, сто имян! Затем кончена литургия. В церкви есть народ. Опять умерший младенец. Храм круглый, огромный ширинаю, но невысокий. Екатерининский иконостас низкий, затейливый, далеко беднее Никольского.

Собор стоит в крепости, довольно похожей на Петербургскую, даже и положением у реки Оми. Построено много корпусов, конечно, военного значения. О достоинстве крепости я не могу судить, но, кажется, она недовольно заботливо содержится.

Протоиерей о. Стефан – охотник до протяженной службы и громко известен в городе (может быть, и далее) строгостью, даже аскетизмом жития своего. Он за 6 лет вдовий¹. Был у меня, в доме у о. Сулоцкого. С орденом.

3. У генерал-губернатора Западной Сибири. Александр Петрович Хрущев. Сперва мне было отказано, сказав: «Занимается генерал делами, нельзя дождаться». Я было собрался выходить; прибежал офицер, просит, растворяет двери. Входим в деловую залу. Нас встретил Александр Петрович – почти старишок, небольшого роста. Посадил нас (с протоиереем) у стола. Спросил: кто я, что я и куда, и зачем еду. Я объяснил. Речи мягкие, вежливые, хотя общие и неблизкие. Через четверть часа я встал, откланялся, вышел.

Г. Хрущев лет под 60, холостой. Ежели он живет в плотской чистоте и целомудрии, то он – блаженный человек. Однако же вручить великое управление пол-Сибирью светскому, холостому небезопасно².

После того мы с о. протоиереем объехали лучшие части города.

Омск стоит на реке Оми, по обеим сторонам ее. Крепость – на левом берегу. Дом генерал-губернатора, все лучшие здания – на правом берегу. Здесь Омь впадает в Иртыш, так что город стоит и на Иртыше, но я не был на этом месте. Большой город, до 20000 жителей. Главные и лучшие постройки – казенные. Дом генерал-губернатора походит на дворец, стоит сам по себе

¹ С. Я. Знаменский (1806-1876) – настоятель Воскресенского собора в Омске в 1853-1868 гг., был тесно связан с декабристами. Умер в Омске, был похоронен на Шепелевском кладбище. – Л. О.

² А. П. Хрущев (1806-1875) – видный военачальник, генерал-губернатор Западной Сибири в 1866-1875 гг., почетный гражданин г. Омска. – Л. О.

среди площади, имеет сад и окружен оградой и стеной. Средина его возвышена еще на этаж (кажется, дом трехэтажный).

Кроме военных, действительно служащих, город заселен военными же, вышедшими из службы. Военное и центральное гражданское управление привлекает сюда образование, гражданственность, богатство.

Омск есть сибирская и единственная крепость. Она поставлена на прежней границе Сибири к Югу. Ныне Россия выдвинулась в этом месте далеко на Юг (до тысячи верст). Крепость упраздняют, либо уже упраздили.

Окрестность города унылая: равнина и степь безлесная.

И удаление города от России, и безлюдность степи навевают тоже уныние при всем блеске военных мундиров.

В это время, когда я здесь был, были удущливая седая мгла и жар. Солнца не видно, хотя небо без облаков. Тяжелое уныние!

После хорошего обеда, добродушного усердия и благожеланий, я отправился в дальнейший путь.

Александр Иванович провожал меня всем городом и за город.

Я имел неосторожность сесть на его линейку (чтоб лучше видеть город). Впереди ехала наша повозка. Ямщики, особенно сибирские, имеют какое-то дикое наслаждение ехать в селениях отчаянным азартом. И наш ямщик бросился опрометью. Наша лошадь должна была нагонять; мне держаться не за что, упереться не во что, боюсь быть вышибленным. Это лишило меня удовольствия полюбоваться городом: ежеминутно опасаясь беды, читал молитвы.

Мы ехали городом по крайней мере четыре версты, потому что огибали реку Омь, по этой и по той стороне для того, чтобы переехать ее по мосту.

За городом я простился с о. Александром, сел в свою повозку при страшной мгле, похожей на осенние сумерки. Ни города, ни окрестности не видно и на версту. Поехали. Местность ровная, дорога хорошая.

Никодим. Путевые записки епископа Никодима // Рус. архив. – 1903. – № 3. – С. 405-407.

1873 г.

<...> *О*мск – с его нищими детьми в солдат[ских] тянькиных шинелях с болтающ[имися] рукавами, с военн[ыми] вестовыми на крыльцах в июньские полдни, с магазинами, наполненными лентами, эполетами и другой мишурой, город с его барабанным боем и парадами, по поводу которого еще Паллас сказал, что Марс не покровительствует музам.

Потанин Г. Н. Письма: в 4-х т. Т. 1. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – С. 134.

1875 г.

*Ч*аше сонное общество только изредка подает признаки жизни, но и то по поводу смены какого-нибудь начальствующего лица, местного скандала и т. п. Омск – тип провинциальных трясин. Проходят годы, десятилетия – и никаких признаков разумной жизни в нем незаметно. Там, где-то за Уралом, вдали, за 3, за 5 тысяч верст происходят события, человечество вырабатывает лучшие формы жизни, борется за идеи, страдает и побеждает или временно отдыхает, усталое и побитое врагами прогресса, а у нас что? Беспробояная косность, непроглядные сумерки и никакой надежды!..

Автор неизвестен.

Цитируется по: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее: к юбилею трехсотлетия. – СПб., 1882. – С. 392.

1876 г.

*О*мск, со своими 30000 жителями, не представляет внушительного вида ни издали, ни внутри, и не может выдержать в этом отношении, даже приблизительно, сравнения с Екатеринбургом. Но зато он сохранил вполне тип сибирских городов и отличается, как и все они, громадностью своих площадей и шириной улиц. Город прорезывается рекою Омью, которая здесь впадает в Иртыш. На правом берегу Оми расположены обширные предместья, с довольно бедно выглядящими деревянными домами и бараками, а также старинная крепость, укрепления которой были, впрочем, большей частью разрушены в 1876 году. <...> Мы застали крепостные валы еще кое-где сохранившимися, а в одном месте торчали даже две пушки. Внутри крепости скучено много, большей частью каменных, казенных зданий – казармы, магазины, церкви, тюрьма и др. Собственно город, расположенный между левым берегом Оми и правым Иртыша, состоит также, по преимуществу, из деревянных построек, но заключает и несколько каменных, между которыми особенно выделяются большие, выкрашенные белой краской казенные здания: дом генерал-губернатора, военная гимназия, бывшая суконная фабрика, теперь стоящая без действия¹, и несколько церквей. Из церквей самая большая – казачий собор, но киргизская мечеть

¹ Суконная фабрика Сибирского казачьего войска была создана в 1821 г., снабжала войска сукном; новое каменное здание построено в 1843 г.; была закрыта в начале 1860-х гг. – Л. О.

также поражает своими размерами и массивностью. Кроме того, есть еще одна католическая и одна протестантская церковь, последняя – вторая, которую нам пришлось встретить после Екатеринбурга. <...>

Прежде всего мы посетили военную гимназию, осмотр которой мы имели удовольствие сделать под руководством самого директора, генерала Цитовича, брата губернатора [Акмолинской области – Е. Т.]¹. В гимназии получают образование 350 воспитанников, в том числе 250 казенно-коштных². Классные и спальни, учительская, столовая и лазарет, богатый запас учебных пособий, инструментов, глобусов, довольно значительная библиотека, наконец все устройство вообще – свидетельствовали об образцовом порядке и могли бы вполне выдержать сравнение с подобными же заведениями в Германии. <...> Курс учения продолжается шесть лет; содержание каждого воспитанника обходится ежегодно казне в 420 рублей.

Хотя мы встретили Пасху уже пять дней тому назад, в Ялуторовске, но здесь праздник еще был в полном разгаре. Все щеголяли в праздничных костюмах и веселились; даже лавки были заперты, и мне только с трудом удалось купить пару сапог. В особенности поражает иностранца непрерывно продолжающийся с утра до вечера колокольный звон. В течение Пасхи здесь существует обычай, что каждый, кто даст на водку пономарю, может звонить сколько ему угодно: понятно, что этим правом пользуются в самых обширных размерах. Кроме того, для удовольствия простого народа устроены еще качели, карусели и т. д. Мы посетили даже один балаган, в котором происходило представление марионеток, но скоро ушли, так как, из очевидно весьма комичного представления, нам удалось только понять, что русский Петрушка, как и наш, в конце концов все колотит и побивает. Несмотря на царившее веселье, пьяных было, к моему удивлению, мало, и вообще я должен сказать, что порок этот менее бросился мне здесь в глаза, чем в Голландии, Англии и Америке. <...>

<...> Одиночные казаки, которых мы видели гораздо ранее в качестве вестовых у исправников и др., успели, правда, уже произвести на нас довольно благоприятное впечатление, но они не могли дать даже приблизительно понятие о том величественном виде, который представила целая сотня их, выведенная на смотр, к которому мы получили приглашение от г[осподина] губернатора в воскресенье 5-го апреля. Это были совершенно иного рода казаки, чем те, о которых мы составили понятие по рассказам наших отцов и по изображениям от 1813 года: в строго военном порядке здесь красовался перед нами отряд всадников, более стройной осанки для которых невозможно было желать. <...> Люди в черных мундирах с красными погонами, в заткнутых в сапоги панталонах с широкими, красными лампасами и в высоких папахах из киргизской мерлушки, выглядели очень

¹ Платон Степанович, брат Виктора Степановича Цитовича. – А. С.

² Т.е. воспитывающиеся за казенный счет. – Сост.

чисто и красиво. Вооружение состоит из пики, длинной сабли («шашки»), рукоятка которой не защищена эфесом, и длинной винтовки. После того, как сотня сделала несколько эволюций, началась настоящая джигитовка. <...>

Мы видели, как они на полном скаку подхватывали с земли маленькие клочки сена <...>. При этом маневре человек должен нагнуться всем телом к земле так, что с противоположной стороны видны только нога и рука. Подобный же вид, но менее защищенный, представляет всадник, когда он изгибается при езде в карьер, для того чтобы выстрелить в бумажный кружок величиной с тарелку. Правда, попадали в цель весьма немногие, но отчасти в этом были виноваты частые осечки – следствие плохих пистонов.

Некоторые всадники, особенно офицеры, умели с большою ловкостью и грацией скакать, стоя в седле; другие искусники спрыгивали на всем скаку с седла, касались земли и снова вскакивали в седло; иные, наконец, становились на седло головой. <...> Очень жаль только, что мы не видели никаких упражнений с пикою, которую я считал за самое главное казацкое оружие. Но мы были довольны и тем, что видели, и когда сотня окончила свои эволюции и с песельниками впереди стала удаляться с плаца, мы поспешили выразить нашу искреннюю благодарность г[осподину] губернатору за доставленное нам удовольствие столь редкого зрелища, которое едва ли придется увидеть во второй раз.

Финш О. Путешествие в Западную Сибирь / О. Финш, А. Брэм. – М., 1882. – С. 56-57, 60-64.

Только что я приехал в Омск и с первого же дня начал испытывать все жизненные удобства, представляемые этим городом. Город этот небольшой, с казенной постройкой и убогими одноэтажными домиками, принадлежащими отставным чиновникам и солдатам. Служащие лица не могут приобретать дома и обстраиваться ни по своим средствам, ни по временному положению. Купцов здесь 7, 8, живущих на задних улицах и имеющих дома только для себя, очень незавидные. Для генеральства существуют казенные квартиры в крепости, как и для некоторых штабных чинов. Если бы для генерал-губернатора не был построен особенный казенный дом, ему не было, где занять квартиру, какую занимает в губернском городе губернатор. Большие квартиры наперечет и заняты советниками главного правления; в большинстве они блестят только внутренней обстановкой, в сущности же, расположены в обыкновенных неприглядных одноэтажных домиках. Нет ни одной улицы, уподобляющейся не только Томску, но даже Тюмени. Солдатские и казачьи слободки с кварталом Кучугуры, наполненным бродягами и разбойниками, раскинуты и отделены обширными площадями, что без надобности увеличивает расстояния, способствует пустынности и увеличивает опасность прохода и

проезда. Осеню на этих площадях происходят нападения и грабежи солдатами местных батальонов и ссыльными, выпускаемыми из острогов, и бродягами, наполняющими Кучугуры. <...>

Приезжему здесь приходится, прежде всего, возиться с квартирами. Выбор крайне мал. Можно найти хижину для холостого чиновника или какие-нибудь две-три комнаты у отставного солдата. Приезжие люди захватывают, что попалось. Но, кроме квартир, которые при убогости домов все-таки дешевы, важна обстановка и приобретение мебели. На огромное количество чиновников и офицерства нет магазинов мебели и мастеров, а делают ее арестанты, или приходится покупать какую-нибудь ломь и старье на толкучем у жидов. Видные чиновники привозят мебель из Петербурга или покупают при случае от уезжающих чиновников.

Кругом Омска голая степь. Местами в городе посажены деревца, но худо принимаются. Это начало Киргизской степи. Летом засуха и пыль, зимой бураны. Общественной жизни почти никакой. Преобладающее сословие – военное. Можно подумать, что в городе масса войска. Ничего не бывало! – Один батальон, но масса штабов: главный, регулярный, иррегулярный, артиллерийский, инженерный и проч. Говорят, комическое зрелище представляют здешние смотры. Свита у генерал-губернатора из офицеров и штаба является точно у главнокомандующего огромной армией, а войска три роты (так как одна бывает в караулах) и учебная сотня казаков. Целая масса чинов артиллерийского ведомства, а в распоряжении буквально одна пушка, бывающая на смотре представительницей местной артиллерии. Когда-то в Омске были еще батальон и батарея, но давно ушли в Туркестан. В Западной Сибири нет ни одной крепости, но живет инженерное начальство; нет лесов, но очень много лесничих. Омск есть собрание всевозможного начальства, офицерства и чиновничества, но при отсутствии подчиненных. Это какой-то центр без органов, голова без туловища. Местного населения в городе почти нет, исключая полувоенных казаков, как нет богатого, торгового и рабочего класса.

Город до того убог, что даже сторонники его надеются только на отдаленное будущее. Многие приезжие чиновники называют его «ловушкой» в том смысле, что сюда завлекают обещаниями разных благ, а по приезде отсюда не так легко выбраться. Нигде я не видел столько людей ожесточенных, как в Омске, и это понятно, ибо горечь его, здесь живя, лучше измеряется.

Я слышал о (недавно построенном) хваленом Омском госпитале. Закладка его была с закуской и пиром, прием сопровождался обедом, причем сердца приемщиков были смягчены роскошью яств и елеем питий. На постройку его, как уверяют, не было затрачено и половины ассигновки. Здания его все деревянные, при морозах и ветрах продуваемые, как сараи.

Через полгода полы, положенные прямо на землю, начали гнить, обнаружились сырость, холод и другие неудобства. Гражданская больница еще хуже – старая, маленькая, грязная <...>¹

Ядринцев Н. М.

Цитируется по: Флоринский В. М. Воспоминания и заметки. 1875-1880 // Рус. старина. – 1906. – № 1. – С. 103-105.

Вторая половина 1870-х гг.

Чаконец я в Омске, где не был десять лет. Вот город: все строится да перестраивается, а все лучше не становится; все та же этапная архитектура, которая господствовала и прежде. Два главных фактора строят этот город: казна и мелкий чиновник. Первая его наполняет каменными домами вроде сундуков с квадратными окнами, с железными решетками; цены внушительные: какое-нибудь амбарообразное здание стоило двенадцать тысяч, конюшнеобразное – восемнадцать, и все в этом роде. Омский архитектор дешево не умеет строить; а что, если б он еще решился не держаться правила, что казенное здание должно быть построено без лишних трат на украшения! Внутри тоже что-то тяжелое сразу ложится на сердце – лестницы без пролетов, вроде винтообразно поднимающихся звериных нор, высыпающиеся кирпичи из-под перил, махорка, которую курит канцелярский сторож... Остальную, большую часть города, исключительно деревянную, достраивает правленский писец или военный писарь, достраивает так медленно, что пока успеет в одном месте довести работу до конца, в другом месте старые постройки доживаются своей век, и из них образуются уже развалины. Этот другой строитель строит свои дома дешево, на свои скучные доходы, обделяя себя в еде и удовольствиях, ограничивая себя луковицей с квасом да изредка рыбой, которую сам наловит, отправляясь на ловлю в халате, опоясанном полотенцем. Такой строитель возводит свое жилище частями: нынешний год пристроит комнатку, на будущий собирается на крышу, на третий год перестелет полы или выстроит какую-нибудь службу; иногда десять лет пройдет прежде, чем терпеливый Акакий Акакиевич завершит свой труд.

¹ Фрагменты письма Н. М. Ядринцева В. М. Флоринскому (1834-1899) – члену комиссии об избрании города для Сибирского университета, профессору Казанского университета. Написано 1 августа 1876 г. – Сост.

Само собой разумеется, что при этих условиях не может быть той бросающейся разницы, которую можно было бы ожидать в наружности города, не видя его около десяти лет. Омск не только мне казался тем же мизерным, пустынным и глухим городишкой, но в нем было нечто регрессивное. Те сады, которые, я помню, были прежде густыми, тенистыми и даже сырьими, теперь или обредели, или совсем исчезли; городская роща теперь не более как десятка два дерев с сухими вершинами, а когда-то тут было тенисто и хорошо. Куда ни взглянешь, всюду теперь в общественных и частных садах виднеются сухие березы, точно над Омском во все прошлое столетие продул горячий самум. Любина роща была насажена при генерал-губернаторе Гасфорде, в очень недавнее время, и когда-то об ней немало заботились; теперь в этом решете более пыли, чем тени. Нет уж, видно:

Не отрастить дерева суховерхого,
Не бывать плешатому кудреватому,
Не бывать тароватому богатому.

Мне всегда Омск казался, а теперь еще более кажется похожим на старую шинель Акакия Акакиевича с грязной ватой, вылезающей из прорех, с обтрепанным подолом, с плешинаами на воротнике и с тем равновесием смерти и жизни, которое обнаруживается в периодическом появлении заплат и мест, где старая ткань начинает вновь мучительно расползаться в стороны.

Кто видел Тюмень и Омск, тому не может не броситься в глаза контраст между этими двумя городами. Тюмень не любит Омска и язвительно говорит, что он существует на свете только для подрядов; Омск, в свою очередь, честит Тюмень необразованным мужчиной, Кит Китычем, вахлаком. Омск справедливо называют «гостиницей» и «почтовой станцией»; только Акакий Акакиевич сидит крепко на месте, да и то только пока дети его не сделали карьеру, не выбрались в Россию, куда вслед за ними потянутся потом и их родители. Все, что повыше Акакия Акакиевича, — подвижно и сидит в Омске неподолгу. Или человек получит место где-нибудь внутри края, или надумает совсем оставить его.

Говорят, в Омске очень выгодно торговать мебелью; то, что сегодня очень сходно куплено у какого-нибудь отъезжающего, через неделю с барышом можно продать приехавшему на его место. В Тюмени и не думай сделать такой аферы на этом товаре; там что ни человек, то и домовладелец, плотно сидящий на своем стуле; он если захочет иметь мебель, закажет ее хоть в Москве и станет дожидаться несколько месяцев. Что два, три месяца в его жизни, когда он векует в Тюмени? От этой подвижности омского населения в нем невозможно устроить что-нибудь прочное из общественных учреждений; хоть взять филармоническое общество. Ныне в нем душой и организатором было одно лицо, назавтра оно умчалось на должность куданибудь в Зайсанский пост, за тысячу верст, и нужно ждать, скоро ли появится на омской почве другой меломан. Сегодня вы видите в общем собрании его один состав, через неделю в нем уже другие лица. Конечно, такое учреждение не может пустить корней в крае, оставить какие-нибудь следы в

местной общественной жизни. Никогда оно не может задаться искренно идеей служить местному обществу и убить свои силы на содействие последнему получить музыкальное образование. Вовек этому филармоническому обществу не только не создать на сибирской почве композиторов, но и не отучить сибиряков «реветь песни». Или представьте человека, читающего перед омской публикой лекцию. Если он будет говорить в ней о местных нуждах, будет обращаться к слушателям как к представителям местного общества, он будет смешон; впечатления от его слов будут исчезать в текучей среде, как те золотистые отпечатки от солнечных лучей, которые падают на бегущие волны реки. Сделать призыв к пожертвованию на пользу местного населения у него и рука не поднимется. <...>

Потанин Г. Н. Из записной книжки сибиряка

Цитируется по: Литературное наследие Сибири. Т. 7. – Новосибирск, 1986. – С. 216-218.

Город в настоящее время растянулся на три версты вдоль правого берега Иртыша, внутри образуемой им дуги. Река Омь разрезает город на две части: северную и южную. Последняя спускается к реке постепенно; на северной же части местность имеет вид двух естественных террас: нижней – заливаемой водою, и верхней, – отделенной от нижней крутым склоном. С вершины взвоза, который ведет с нижней террасы на верхнюю, южная часть города видна как на ладони. Отсюда видно направление реки Оми и мост через нее; за мостом находится небольшая площадь, на которой слева стоит церковь Св. Ильи, а прямо – генерал-губернаторский дворец. Выше видны: военная гимназия, казачий собор, воинское правление, мечеть. Издали город кажется застроенным; но, в действительности, внутри в нем много пустырей. Большая часть города состоит из низеньких деревянных домиков. Омск – город военных и чиновников. Мещанское и купеческое население, сравнительно, невелико. Кроме служащих чиновников, здесь, ради дешевизны жизни, ютится очень много отставных чиновников, коротающих кое-как свой век на скучные средства казенной пенсии. Кроме чиновников здесь много живет отставных солдат.

Этот состав населения отражается как на внешней, так и на внутренней жизни города. Большие каменные здания скучной казенной архитектуры перемежаются с деревянными домишками мелких чиновников. Лепных украшений на каменных домах или резьбы на деревянных нигде не видно. Садов в городе мало, да и те состоят из суховерхих берез. Заводской промышленности в городе никакой, кроме производства сальных свечей для канцелярии, которых здесь множество, так как, кроме управления генерал-губернаторством, в Омске сосредоточены управления Акмолинской области, Сибирского войска и регулярных войск, стоящих в Западной Сибири. Кроме

жалкого гостиного двора, есть несколько магазинов, в которых преимущественно продаются офицерские вещи и дамские уборы. Во всех этих отношениях Омск представляет противоположность торговому и богатому Томску с его купеческими домами и оптовыми магазинами. Такую же противоположность представляет Омск и в характере верхних слоев городского общества: в Томске они состоят преимущественно из купцов и золотопромышленников, в Омске – из офицеров и чиновников.

Такое разделение городов на бюрократические и торговые заметно и в других отношениях. Верхние слои омского общества образованнее томских, но они не оседлы в крае, так как состоят из людей занесенных в город службой, не рассчитывающих жить долго и готовых оставить его с переменой обстоятельств. Поэтому на языке местного служивого люда Омск называют «почтовой станцией» или «гостиницей». <...>

Потанин Г. Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. Т. 11. – СПб.; М., 1884. – С. 115-116.

Конец 1870-х – начало 1880-х гг.

Омск построен в степи, на обоих берегах Оми, при слиянии этой реки с Иртышом; кроме того, он находится на главном сибирском тракте и в поясе русской колонизации, разделяющем киргизов на юге и татар на севере. Крепость его, которая существует еще на правом берегу Оми, сделалась резиденцией высшей военной и гражданской администрации края (главное управление Западной Сибири), и местная торговля извлекла выгоды из этого обстоятельства. В Омске, который добивался чести сделаться со временем местопребыванием сибирского университета¹, главное учебное заведение – военная гимназия, где учится около 350 воспитанников; при этой школе имеется музей естественной истории². В 1877 г. в этом городе основался один из отделов русского географического общества (Западно-Сибирский), имеющий задачей научные исследования во всей Западной Сибири.

Реклю Э. Земля и люди: всеобщ. география. Кн. 4. Т. 6. – СПб., 1898. – Стб. 658.

¹ Вопрос об образовании в Сибири университета поднимался еще первым генерал-губернатором Западной Сибири П. М. Капцевичем. Но лишь в 1878 г. было решено создать такое учебное заведение. Несмотря на старания многих должностных лиц сделать Омск университетским городом, университет в 1888 г. был открыт в Томске. – Л. О.

² Сибирский кадетский корпус именовался в 1866-1882 гг. военной гимназией. – Л. О.

Начало 1880-х гг.

<...> В начале [18]80-х годов налицо были только мечеть, казачья церковь, гауптвахта, старый собор¹, госпиталь, старые магазины Любинского проспекта, представлявшего односторонку, причем на месте Московских рядов красиво зеленел Любинский сквер; здание женской гимназии, ныне [в 1912 г. – Е. Т.] называемой Первой, было вполне отстроено только к осени 1882 г., когда гимназия и переехала в это помещение из старого, занятого потом техническим училищем. Мокринский форштадт состоял из низких одноэтажных домиков (частью лачуг), также как и нагорная часть 2-го взвоза, где выделялось высотой только здание интендантства. Тротуары, мостовые, газовые фонари были предметами мечтаний, как ныне трамвай и водопровод. Крепость еще сохраняла часть валов и рвов; скромная немецкая церковь, не имея башенки, терялась между другими соседними постройками. Почти на месте нового собора² серело деревянное здание театра, и Главноуправленская площадь³ поражала взор своими размерами <...>.

Сиязов М. М. Омск 70 лет тому назад // Омский телеграф. – 1912. – № 192.

Цитируется по: Катанаев Г. Е. Очерки былого. – Омск: Омскбланкиздат, 2012. – С. 287-288.

1881 г.

Главный город Акмолинской области Омск, составляя центральный пункт военного и гражданского управления Западной Сибири, расположен при устье сплавной реки Оми, впадающей в Иртыш. Состоя из семи форштадтов, именно: крепости, (ныне упраздненной), Кадышевского, Бутырского, Ильинского, Казачьего, Мокринского и Слободского, город этот заключает в себе до 25000 душ обоего пола. Церквей в нем православных 6, католическая 1, лютеранская 1, магометанская мечеть 1 и еврейских синагог 2; все, кроме синагог, – каменные. Но особенно в среде западносибирских городов выделяется Омск количеством учебных заведений; здесь существуют: военная гимназия, военная прогимназия, классическая гражданская гимназия, женская гимназия, женская прогимназия, учительская

¹ Воскресенский военный собор. – Сост.

² Успенский кафедральный собор, построенный в 1898 г. – Сост.

³ Главноуправленская площадь располагалась возле Главного управления Западной Сибири. – Сост.

семинария, уездное училище, два приходских, женская школа ведомства М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения], казачье училище, киргизская, фельдшерская и ветеринарная школы. В заведениях этих, и особенно в военной гимназии, цифра учащихся, постоянно увеличиваясь, осязательно заявляет о горячем стремлении местного населения к научному образованию. Есть также и несколько благотворительных заведений; из артистических же и ученых обществ находятся: Отдел Императорского музыкального общества и Отдел Императорского Русского географического общества; в первом, по кратковременному пребыванию в Омске, быть нам не привелось; зато в последнем с удовольствием провели мы некоторую часть своего досуга. Хотя назначенного заседания в нем в это время и не было, но при обязательном содействии секретаря общества Г. Е. Катанаева мы имели возможность, хотя и бегло, осмотреть многое, заслуживающее внимания всякого более или менее просвещенного туриста.

Отдел Русского географического общества помещается в нижнем этаже казенного здания, занимаемого в так называемой крепости военным собранием¹. Помещение это кажется на первые годы существования его достаточным; две залы для заседаний светлы и поместительны; в прочих комнатах помещаются библиотека и музей общества; первую составляют преимущественно издания по части истории, географии и статистики края, а в последней содержатся коллекции минералов и экземпляры разных зверей, птиц и насекомых, присущих фауне Западной Сибири. Заслуживают также внимания каменные бабы, заменявшие, по преданию, во времена еще доисторические для Сибири пограничные знаки между кочевками местныхnomadov. В отдельном шкафу хранятся рукописные труды членов общества.

В настоящем году, как мы слышали, выйдет в свет 2-й том этих трудов, о котором в свое время мы скажем подробнее. Нет сомнения, что под просвещенным руководством настоящего председателя общества Его Пр[евосходительст]ва И. Ф. Бабкова, некогда обязательно сообщавшего этнографические труды свои в нашу газету, Западно-Сибирский отдел займет со временем видное место в области исследований нашего родного, но увы! мало еще нам известного края. Богатый Алтай и восточная часть Урала с их отрогами, Обь и Иртыш с их притоками, и, наконец, громадные площади, прилегающие к ним со всеми своими богатствами по всем царствам природы, – богатая пища для научных исследований! Что же касается собственно до народонаселения Омска, то господствующий в нем элемент – военный, и этим доказывается значительный перевес цифры мужского пола перед женским. По красоте архитектуры и размеру построек Омск в последние годы занял видное место между сибирскими городами: каменные казенные здания женской и мужской классической гимназий, учительской семинарии, войскового правления Сибирского казачьего войска и частные

¹ Ныне Дом ветеранов Омской области. – А. С.

купцов Терехова, Кузьмина, Колпакова, Скроева [Шкроева – А. С.] и др. по изяществу своих фасадов не испортили бы вида и на Невском проспекте Петербурга. Жаль только, что наружный фасад военной гимназии, при громадности самого здания, обманул ожидания любителей изящного; он неуклюж, не пропорционален в своих частях и, как кажется нам, не принадлежит ни к какому стилю архитектуры.

К. Г-в. Несколько слов о г. Омске // Тобол. губерн. вед. – 1881. – № 5.

1885 г.

Омск – столица Акмолинской области и резиденция высшей администрации всего Степного края¹. Это скорей административный, чем торговый и промышленный город, и население его состоит, главным образом, из чиновников и служащих в разных правительственные учреждениях. Здесь есть несколько заслуживающих внимания казенных зданий, в том числе огромный, весь белый, кадетский корпус, генерал-губернаторский дом, полицейское управление – довольно живописное деревянное здание с пожарной каланчей – и крепость. Улицы широкие, немощеные, дома по большей части деревянные, как и всегда, много церквей с зелеными, синими и золотыми куполами, и все здания, достойные сколько-нибудь внимания, принадлежат казне. Если б меня попросили охарактеризовать Омск в нескольких словах, я бы сказал, что это город с 30000 жителей, в котором самое большое здание – военная школа, а самое живописное – полицейский участок, где нет ни газет, ни публичной библиотеки, где половина населения ходит в мундирах и занимается тем, что управляет другой половиной. <...>

Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Т. I. – СПб., 1906. – С. 111-112.

1890-е гг.

В конце XIX века Омск был «богом и людьми» забытой глухой провинцией, о которой говорили: «Три года скачи – не доскачешь».

Действительно, до проведения сибирской железной дороги путешествие из Москвы в Омск занимало около трех недель. И даже позднее, когда с середины 90-х годов железная дорога, наконец, прошла через Омск, то же путешествие требовало все-таки не меньше недели. <...>

¹ Степное генерал-губернаторство со столицей в Омске было образовано в 1882 г. – Л. О.

В дни моего детства о военном прошлом Омска напоминали лишь немногие руины. Стены форта давно осыпались, валы заросли травой и кустарником, во рвах не было ни капли воды. Кое-где торчали полузасыпанные землей старые, ржавые пушки, да в одном месте сохранились тяжелые, каменные, выкрашенные в желтую краску ворота, на которых можно было прочесть сделанную крупными буквами надпись: «1792 год». Но в мое время назначение крепости было иное: она теперь была переполнена казармами и различными военными учреждениями. В ее старинных узких улицах жили также офицеры старших рангов. Поэтому слово крепость произносилось в городе с известным почтением, и если кто-нибудь говорил, что он «живет в крепости», то на него смотрели, как на существо в высшего порядка. <...>

Самый город, насчитывающий в описываемое время не больше 35-40 тыс. жителей, имел жалкий и унылый вид. Омск лежал в самом сердце так называемой Барабинской степи и был открыт ветрам со всех четырех концов. В нем «дуло» постоянно. Зимой город утопал в сугробах снега, летом был окутан облаками едкой желтой пыли. Климат здесь был резко континентальный: в июне-июле люди и животные изнывали от нестерпимой жары, а в декабре-январе были бураны и трещали сорокоградусные морозы.

Дома в городе были деревянные, одноэтажные, с подслеповатыми окошками, с тесовыми или соломенными крышами. Улицы – пыльные, немощеные, весной и осенью утопавшие в непролазной грязи. На базаре грязь была столь глубока, что лошади в ней тонули по брюхо, а в лужах мальчишки плавали в корытах. Фонарей не было, и ночью в городе царствовала кромешная тьма. Не было также ни канализации, ни водопровода: отбросы по ночам вывозили так называемые золотари, а воду по утрам развозили водовозы. Освещение было только керосиновое, причем особой популярностью пользовалась лампа «молния», стоявшая три рубля. Поэтому обладание «молнией» считалось вернейшим признаком благосостояния. Два убогих деревянных моста, перекинутых через Омь, соединяли части города, расположенные по обоим ее берегам. Над этим серым, плоским, почерневше-деревянным пейзажем как-то странно и неуместно возвышался десяток белых и красных каменных зданий: дом генерал-губернатора, кадетский корпус, казармы, мужская и женская гимназии, полиция, две пожарные каланчи, собор и, конечно, тюрьма на выезде из города. Они были эмблемой власти. Но они плохо гармонировали с окружающим, они давили своей тяжестью маленькие деревянные дома. И это имело символический характер.

Сразу за городом начинались деревянные крашеные бараки военных лагерей, куда войска уходили из казарм на лето, а еще дальше, в небольшой роще, находилась «санитарная станция», куда с мая месяца вывозились на поправку больные из военного госпиталя, в котором работал мой отец. Здесь выздоравливающие жили в палатах и пили кумыс, который привозили кочующие в окрестностях Омска казахи. Позднее, во второй половине 90-х годов, в этом районе был построен вокзал и переброшен красивый

шестипролетный железнодорожный мост через Иртыш. Инженеры почему-то нашли нужным провести железнодорожную линию не через самый Омск, а в четырех верстах от него. Злые языки говорили, что причиной тому была скопость «отцов» нашего города, пожалевших несколько тысяч рублей на взятку строителям дороги. Так ли это было, не знаю, но весьма вероятно, что это было именно так.

Население Омска делилось на три главные группы – военные, купцы и мещане. Военные являлись, так сказать, «первым сословием», державшим в руках власть. Генерал-губернатор, он же начальник Западно-Сибирского военного округа, был здесь «бог и царь». Офицерство и военное чиновничество составляли «общество», которое создавало «общественное мнение» города. Все эти люди занимались шагистикой, писали бумаги, сплетничали, выпивали, играли в карты, сочиняли нелепые песни для «христолюбивого воинства». <...>

Купцы, т. е. лавочники всех рангов – крупные, средние и мелкие, составляли, если можно так выразиться, «второе сословие» нашего города, работавшее перед военными, но жестоко эксплуатировавшее городскую бедноту и окрестных казахов. Омская «буржуазия» тех времен являла собой страшное зрелище. Это была еще «буржуазия» периода первоначального накопления – грубая, неотесанная, безграмотная, с дикими нравами и свирепыми удовольствиями. Подвыпившие купчики били зеркала в ресторанах, лезли с сапогами в ванну из шампанского, с гиком и свистом на бешеных тройках давили людей на улицах города, а по ночам ездили в соседние деревни Захламино и Черемушкино, где устраивали оргии и избивали местных крестьян.

Наконец, мещане представляли собой своего рода «третье сословие». Это были в большинстве кустари, мастеровые, приказчики, огородники, извозчики, водовозы, ассенизаторы и т. д. – все мелкий люд, так или иначе обслуживавший потребности первых двух «сословий». Жили мещане по окраинам города, особенно в слободе, носившей красочное название Мокрое, работали с зари до зари, получали жалкие гроши, беспросветно пьянистовали и по праздникам развлекались кулачными боями, происходившими на льду реки Оми.

Никаких серьезных интересов, высоких стремлений, запросов у местного населения не было. В центре всего стояла утроба. Не ели, а жрали. Не пили, а упивались. Вся атмосфера города была насыщена шаньгами и пельменями. На масленице устраивали ледяные горы с фонарями, катились в больших «кошевках» (санях) с цветными коврами, обжирались до заворота кишок. На Пасхе христосовались так, что губы распухали. Зато в городе не было театра, и только на пасхальной неделе на базарной площади появлялось несколько балаганов с вечно пьяными, осипшими от простуды артистами. Еще существовал любительско-драматический кружок, в котором подвизались, главным образом, местные «львицы» из офицерских жен. Изредка этот кружок ставил модные пьесы в омском «общественном

собрании». Впрочем, такие случаи бывали не часто: большую часть своего времени кружок тратил на внутренние склоки и интриги.

На фоне этого «темного царства», этого солнного, заросшего тиной провинциального болота сиротливо выделялись маленькие группы прогрессивной интеллигенции. В XIX в. из Омска вышли некоторые видные сибирские деятели и исследователи Азии, почти исключительно военные, например, Н. М. Ядринцев, М. В. Певцов, Г. Н. Потанин. Уже много позднее, в Омском кадетском корпусе учился В. В. Куйбышев. Из Омска вышел также знаменитый художник [М. А.] Врубель. Однако такие люди были редким исключением. В дни моего детства омская интеллигенция была крайне немногочисленна и маловлиятельна. Несколько адвокатов и вольнопрактикующих врачей, несколько политических ссыльных, два-три либеральных учителя, два-три журналиста, аптекарь, фотограф, несколько чиновников переселенческого управления – вот примерно и все, что могло быть отнесено к этой столь чуждой окружающей среде социальной категории. Главным опорным пунктом омской интеллигенции являлось местное отделение Русского географического общества, основанное в 1877 г., а временами – местная газета «Степной край». В 1896-1897 гг. владелец газеты Сунгуров привлек к работе в газете ряд политических ссыльных (Ящерова, Белякова, Соколова, супругов Флеровских, супругов Швецовых и др.) и не без успеха пытался превратить «Степной край» в серьезный губернский печатный орган демократического направления. Это, конечно, очень не нравилось омским властям, и они разными способами стремились сжечь со свету столь неприятную газету. Случай пошел им навстречу: Сунгуров умер, «Степной край» перешел в другие руки, политические ссыльные были изгнаны из редакции, и газета очень скоро превратилась в скучный провинциальный листок, который «грозно» требовал от «отцов города» постройки тротуаров и мер по борьбе с бродячими собаками. <...>

Нельзя сказать, чтобы духовная жизнь омских интеллигентов была ключом. Но все-таки они старались поспевать за веком. Выписывали «Биржевку»¹ и по ней ориентировались в политических и международных событиях. Устраивали совместные чтения произведений популярных авторов. Помню, как у нас в доме читали и разбирали только что вышедшую тогда «Крейцерову сонату» Л. Толстого. Еще помню, что в дни дела Дрейфуса² весь омский интеллигентский кружок сильно волновался и горячо симпатизировал Эмилю Золя и Лабори и что в дни Англо-бурской войны (1899-1902 гг.) он распевал бурский гимн и громко поносил «коварную англичанку».

¹ Так в просторечии называлась петербургская газета «Биржевые ведомости» - либерально-буржуазный орган, пользовавшийся в то время популярностью среди провинциальной интеллигенции. – Примеч. И. Майского.

² А. Дрейфус, офицер французского генерального штаба, в 1895 г. был осужден военным судом якобы за выдачу важных военных секретов Германии и пожизненно заключен на Чертовом острове во французской Гвиане. – Примеч. И. Майского. [Позднее А. Дрейфус был реабилитирован под давлением общественного мнения. – А. С.].

Зимой интеллигенты ходили на каток, устроенный близ моста на льду реки Оми, а летом выезжали за город: снимали у окрестных казахов юрты и ставили их группами в так называемой Загородной роще или около «санитарной станции». Здесь все отдыхали, т. е. спали, читали, устраивали пикники с выпивкой и удили рыбу в Иртыше. <...>

С середины [18]90-х годов, когда сибирская железная дорога дошла до Омска, здесь появился новый и очень важный слой населения – пролетариат, настоящий пролетариат. То были рабочие депо и железнодорожных мастерских, число которых доходило до 2 тыс. человек. Здесь зарождалась уже подлинная классовая борьба, от времени до времени вспыхивали экономические стачки, а к концу [18]90-х годов стали возникать революционные кружки. Однако вся эта деятельность, имевшая столь важное значение для будущего, в дни моего детства была замкнута в пределах так называемого «Атаманского хутора», где был расположен вокзал, и имела мало связи с городом. Живая связь между «Атаманским хутором» и городом установилась уже позднее. <...>

Майский И. М. Воспоминания советского посла. Кн. 1. Путешествие в прошлое. – М.: Наука, 1964. – С. 39-46.

Омск представлял собой в это время тихое сибирское захолустье, выделявшееся дешевизной жизни. Вследствие этого, отставные офицеры и чиновники разных ведомств стремились сюда чуть не со всей Западной Сибири. Кроме дешевизны жизни их привлекала и возможность учить детей, так как в Омске имелся кадетский корпус, две гимназии – мужская и женская, учительская семинария, техническое училище и др. школы.

Своими учебными заведениями Омск обязан был тому обстоятельству, что здесь находилась резиденция генерал-губернатора – сначала Западно-Сибирского, а затем Степного края.

Железная дорога в то время еще строилась – первые поезда к западу стали ходить только с лета 1895 г. Сколько-нибудь развитой торговли, а тем более промышленности, не было. Это был типичный город, как в Сибири выражались, «крапивного семени», т. е. чиновников, бывших и сущих «людей двадцатого числа», тихий, сонный, покрытый обывательской плесенью, под толстым покровом которой лишь кое-где начинали пробиваться едва еще заметные ростки молодой жизни.

Омск до проведения железной дороги и отдаленно не имел того экономического и культурного значения, какое принадлежало в Сибири Иркутску или Томску. Численно он не был велик, около 30 тысяч жителей. На всем городе, на всей его жизни и облике лежал тяжелый отпечаток

казенщины, генерал-губернаторского сапога, давившего все и вся. Общественная жизнь едва-едва теплилась.

Швецов С. П. Омская газета «Степной край» и политическая ссылка // Северная Азия. – 1930. – Кн. 1/2. – С. 106.

1890 г.

Омск – этот военно-административный когда-то пункт совсем упал. Ни торговли, ни оживления, ни шуму. <...> Все спит. Город исключительно наполнен чиновниками всяких званий и ведомств. <...> Да, недалеко то время, когда бывшая прииртышская крепость и бывший когда-то бойкий город умрет. Оживить его может лишь железная дорога, буде таковую проведут через него. Иначе смерть Омска будет – естественная смерть...

Вагин Н. Из Екатеринбурга в Омск: (путевые заметки) // Сиб. вестн. – 1890. – № 93. – С. 3.

1891 г.

Омск я увидел, возвращаясь в Россию, и своим открытым видом, широкими улицами он очень понравился мне.

Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 5. – М., 1958. – С. 25.

1892-1893 гг.

Прошлый год [1892 – Е. Т.] оставил по себе недобрую память и его по справедливости следует причислить к одному из самых тяжелых, какие когда-либо переживал Омск. Еще от зимы остались у нас голодающие переселенцы, которые распространяли среди обывателей тифы, дифтерит, скарлатину, оспу и другие болезни. При весеннем ледоходе реки наши вышли из берегов и залили все низменные части города. Убытки от этого наводнения считаются десятками тысяч. Затем, летом Омь, обратившаяся в бурный поток, снесла старый мост, и обе половины города для своего общения остались при одном только мосте, тоже довольно ветхом. В половине лета явилась холера и, унеся массу жертв, прогостила у нас до

зимы. Зима наступила ранняя, малоснежная и необыкновенно суровая; морозы продолжались по целым неделям и доходили до 45° по Р[емюру], что, конечно, не могло не отразиться самым вредным образом на бедной части населения. Одним словом, на нас, как на бедного Макара, целый год сыпались шишки и щелкали одна больней, чем другая.

Новый год наступил при самых благоприятных обстоятельствах: никаких эпидемических болезней нет, морозы прекратились, нет дорожевизны и вообще ничего дурного пока не предвидится. <...>

С наступлением весны ожидается закладка вокзала железной дороги, возобновление постройки собора и, говорят, подвинется вперед вопрос о постройке каменного театра. Действительно, о возобновлении старого театра, в груде обломков валявшегося на берегу Оми, нечего и думать, потому что часть материала сгнила, часть попорчена при разборке; а что было получше – употреблено на устройство временного театра в манеже.

Если справедливы слухи, что на каменный театр набирается 30 т[ысяч] рублей, мне кажется, – не надо хорошее дело откладывать в долгий ящик <...>.

К числу новогодних новостей следует отнести возникновение у нас шахматного кружка. Инициатором этого дела явился приезжий из Петербурга шахматист г[осподин] Синицын, который оказался сильнее самых сильных наших игроков.

Записавшиеся в кружок именуются членами-учредителями, и устав представлен уже на утверждение. Скоро наших шахматистов, имя которым легион, разделят на категории, и они начнут задавать друг другу маты на самом законном основании.

Другая более важная новость – открытие у нас общества взаимного страхования от огня. Уже разосланы объявления, которыми домовладельцы приглашаются к участию в учреждаемом обществе.

Наконец-то столь жданное и желанное дело осуществляется, и наши обыватели перестанут переводить свои деньги в бездонные карманы страховых компаний за дома, которые никогда почти не горят.

Действительно, Омск в пожарном отношении едва ли не самый счастливый город на свете. Не говоря уже о том, что у нас никогда не бывало таких страшных пожаров, как в Иркутске, Красноярске и Енисейске, здесь в течение более чем полстолетия не было ни одного сколько-нибудь крупного пожара. Обыкновенно сгорит [помещение – Е. Т.] прислуги, сгорит крыша на доме, но, чтобы сгорел самый дом или, чего Боже храни, два дома, – этого никогда не случается.

Спрашивается, сколько же взяли с города тарифные страховые общества? По вычислениям одного статистика на деньги, переплаченные

этим обществам, можно выстроить, если не второй Омск, то во всяком случае порядочный городок. <...>

Вообще, конец прошлого года завершился у нас разного рода безобразиями, к числу которых, кроме скандалов и скандалчиков, следует отнести пожары и морозы. Суровая природа наша объявила нам серьезную войну и чуть было нас совсем не заморозила. Целый месяц продолжались небывалые морозы, доходящие до 45 градус[ов] по Реомюру. Носов, щек, рук и ног отморожено за это время великое множество, и рассказывают о нескольких людях, совершенно замерзших.

Кажись, при таких полярных холодах нашему всероссийскому пугале – красному петуху – следовало бы сидеть смирно, а он как нарочно расправил крылья. После того, как целое лето прошло совершенно спокойно, вдруг с наступлением зимы начались пожар за пожаром и все крупные.

Одним из последних и для многих очень чувствительным был пожар в здании военного собрания¹. От лопнувшей печи загорелась деревянная стена, отделявшая танцевальный зал от гостиных. Послали за пожарной командой, которая быстро прибыла и не дала огню распространиться. Поломали что следует, затащили и, оставив машину с бочками, разъехались.

Через несколько часов пожар возобновился, и снова пришлось вызывать обе части пожарных. Хотя огонь наружу не выпустили, но, тем не менее, повреждения, причиненные пожаром, довольно значительны. Паркет в зале совершенно испорчен, так как часть его разобрана, а все остальное пространство залито водой, смешавшейся с известкой, – потолок в зале пробит, и во всех почти комнатах испорчены обои. Сумма убытков по самому минимальному исчислению доходит до 1500 рублей. <...>

Как бы ни было, а наш военный мир остался к празднику без клуба, и домашние любители – без помещения для своих театральных представлений.

Отделка манежа и возрождение драматического общества пришлись как нельзя более кстати, и публика буквально осадила председателя общества записями на первое представление, так что задолго до выпуска афиш почти все билеты были разобраны. 28 декабря дан был первый спектакль – поставлены известная комедия Крылова «На хлебах из милости» и шутка Чехова «Предложение».

Спектакль прошел очень дружно и с замечательным ансамблем. И если принять во внимание, что исполнители кроме генеральной не имели ни одной цельной репетиции, приходится прийти к заключению, что вновь сформировавшийся кружок обещает многое.

Приветствуя возрождение драматического общества и желая ему успехов и процветания, надеемся, что оно не обманет ожиданий публики и не

¹ Построено в 1861 г. архитектором Ф. Ф. Вагнером, ныне – Дом ветеранов Омской области. – Сост.

ограничится постановкой таких пересадок французских нравов на нижегородский лад, как данная ими крыловская комедия, а поставят что-нибудь из классического репертуара.

Внутренне устройство манежа превзошло самые смелые ожидания. В бывшей грязной и холодной казарме в настоящее время чисто, тепло и уютно.

Построено два яруса лож, чего решительно нельзя было ожидать, и партер более обширный, чем даже в сломанном театре. Сцена тоже довольно большая и уступает бывшей театральной сцене разве только в высоте. Освещение боковое и довольно удачное. Одним словом, при неимении настоящего театра, лучше того что устроено, трудно было придумать.

К числу недостатков нового театра следует отнести отсутствие галереи, вследствие чего простой народ лишен возможности посещать театр и, кроме того, распорядителям следует позаботиться, чтобы печи не натапливать так страшно и устроить хорошую вентиляцию.

Драматическое общество дало на праздниках всего только один спектакль, хотя мне кажется, пока отстраивался манеж, можно было приготовить их несколько.

Праздники прошли у нас довольно оживленно. Кроме многолюдных маскарадов, танцевальных вечеров и концертов в гражданском клубе¹ было еще несколько литературных вечеров и школьных спектаклей, которые также привлекли массу публики. Вообще, драматическое искусство у нас в большой моде, и актеров-любителей целый легион.

Чуть не каждую неделю где-нибудь в частном доме идет спектакль и ставятся довольно серьезные пьесы. О том, как исполняются роли, говорить не будем; но, во всяком случае, собирающаяся на эти представления публика остается, по-видимому, довольно игрой своих домашних лицедеев. <...>

С наступлением зимы, как роковое *memento mori*, вырос перед нами дровяной вопрос. Еще летом цену на дрова пророчили по 7 рублей за [куб.] сажень и, вероятно, так бы и случилось, если бы администрация не распорядилась заготовкой 23 т[ысяч] сажень дров; 12 т[ысяч] для жителей города, кроме мещан, 5 т[ысяч] для мещан и 6 тыс[яч] для чиновников.

До установления санного пути, пока подвоз заготовленных дров был плох, базарная цена на них стояла довольно высокая, но теперь с каждым днем падает, а скоро, вероятно, дойдет до минимума.

Проникшие в печать слухи о том, что дрова выдаются только женатым, не имеют никакого основания, все это чистейший вымысел. Дрова получают

¹ Имеется ввиду коммерческий клуб по ул. Томской (ныне Лермонтова) – в советское время кинотеатр «Пионер». – А. С.

все, кто имеет квартиру без отопления, и должно сказать дрова прекрасные, небывалой для Омска толщины и отличного качества, так что кроме благодарности по адресу заготовителей не остается ничего сказать.

С наступлением зимнего сезона оживилось наше музыкальное общество и, имея во главе новую дирекцию, деятельно хлопочет по подготовке хоров и устройству концертов. Многие из членов-исполнителей, отпавшие от общества при старой дирекции, снова к нему примыкают. Будем надеяться, что обновленное общество, задачи которого должны заключаться в развитии музыкальных вкусов у местной публики, не свернет на торную дорожку заманивания посетителей танцами и картами.

Драматическое общество, о котором так давно ничего не было слышно, тоже возрождается. Избрана уже дирекция, состоящая из председателя г[осподина] Лосевского, директоров г. г[оспод] Григорьева, Михайлова и Кабанова и режиссера г[осподина] Пальчинского. Членов записалось более сорока человек.

С разрешения г[осподина] генерал-губернатора для предстоящих спектаклей совершенно почти приспособлено здание каменного манежа. Устроены два яруса ложь, довольно обширный партер и сцена, по величине почти равная сцене сломанного театра. Дума для устройства манежа дала драматическому обществу взаимообразно 700 рублей и уступила часть леса от разобранного театра, а также отдала декорации, мебель и всю прочую театральную обстановку. В настоящее время истрепанные декорации подновляются и приводятся в приличный вид, а также обновляется и вся вообще обстановка, так что в неожиданно созданном театре будет и чисто, и уютно.

С удовольствием приветствуем возрождение драматического общества, которое оставило по себе добрую память, питаем надежду, что оно, придерживаясь серьезного репертуара, будет, по возможности, избегать постановки произведений современной драматической кухни, которые пекутся, как блины и также пресны, как блины. Лучше хорошее старое, чем плохое новое. Шаблонными произведениями современной драматургии давно набили нам оскомину домашние любители военного собрания, предпочитающие балаганные фарсы и бессодержательные комедии лучшим произведениям Островского, Потехина и Дьяченко. Однажды, впрочем, пробовали эти любители поставить драму, но, увы! Тем, которые привыкли постоянно хохотать и прыгать на одной ножке, трудно было вдруг сделаться серьезными, и драма эта произвела впечатление самого отчаянного фарса.

Содержателя омских аптек и аптечного магазина г[осподина] Розенплентера, столько лет бывшего монополистом и бравшего за свои товары сумасшедшие цены, постигло неожиданное горе: недавно появились

у нас братья Бебенины и открыли москательную торговлю¹. Цены Бебениных оказались вдвое и даже втрое ниже цен Розенплентера, и последнему остается одно из двух – или понизить свой тариф, или закрывать лавочку. Теперь надо ожидать, что найдется какой-нибудь предприниматель и откроет еще аптечку, тогда может быть и здесь спасительная конкуренция понизит баснословную аптечную таксу.

В первых числах мая новороссийским купцом Протормас открывается у нас табачная фабрика. В объявлении, выпущенном по этому поводу, говорится, что в оптовых складах г[осподина] Протормас имеется 60 тыс[яч] пудов всевозможного табаку, и что все работы на фабрике будут производиться паровыми машинами, причем гильзы будут делаться без склейки, а также насыпание табаку в гильзы, вставление ваты, сортировка, счет и укладка будут производиться машиной, что, конечно, важно в гигиеническом отношении. Рабочим обещается легкий труд и хорошее обеспечение. Вообще, обещаний сделано очень много, посмотрим, так ли будет на деле. <...>

Пимен Сибирский. Омские письма // Сиб. вестн. [Томск]. – 1893. – №№ 5, 22, 29.

1894 г.

*М*ногие называют Омск уголком Петербурга; до некоторой степени это справедливо, если вспомнить Тюмень и Тобольск, не говоря уже о других соседних городах вроде Тюкалинска. Город хотя и разбросан, но здесь встречаются великолепные здания, как, например, генерал-губернаторский дом и кадетский корпус; да и помимо внешности, Омск оставляет далеко за собою многие города по количеству полезных учреждений, школ, гимназий, больниц и проч. Здесь есть учительская семинария, одна на всю Западную Сибирь, фельдшерская и ветеринарная школы, издается несколько газет, в том числе киргизская, работают несколько типографий, открыта общественная читальня, библиотека, и существует музей Западно-Сибирского Географического Отдела. Помимо православных церквей, есть церкви иных христианских исповеданий, а также синагога и красивая большая мечеть, с минарета которой в определенные часы дня раздается призывный голос муллы. Благодаря присутствию Степного генерал-губернаторства, здесь живет много чиновников и военных, и жизнь в городе не скучна. В городских скверах два раза в неделю играет оркестр казачьего войска; драматическое общество устраивает в клубе спектакли, а музыкальное общество – концерты; даже здание манежа приспособлено для

¹ Торговля красками, kleem, техническими маслами и другими химическими веществами. – Сост.

театра; кроме того, устраиваются за городом призовые скачки, и вообще в развлечениях недостатка нет.

Внутри города, там, где раньше был вал, стоят в разных местах четверо ворот; стены не уцелили. Это простые каменные арки, выкрашенные в желтый цвет; на одних можно прочитать надпись: «Омскія 1791 года», на других – «Тарскія» и т. д.

Острог находится, по общему сибирскому обычаю, при въезде из России – первым.

Обширная площадь занята ежедневным базаром. Здесь продается все, начиная с хлеба, дров и зелени, кончая мехом и шелковой материей; здесь же торгуют киргизы, у которых можно найти цельную шкуру тигра, китайский фарфор и китайские веера; сюда же пригоняют киргизы верблюдов с разными продуктами и дровами, а на здешнюю ярмарку верблюды приходят целыми караванами, привозя масло, кожи, шкуры и, главное, сало.

<...> Вечер выдался превосходный; солнце только что закатилось, и багрянец неба отражался в Оми, точно в зеркале; по случаю праздника на улицах было много народа, и по речке плавало много лодок, слышались веселый молодой смех и пение. Было еще светло, но луна уже поднялась огромным бледно-розовым шаром, легким и золотистым, почти прозрачным. Бесцельно бродя по городу, я зашел на опустевший базар, откуда открывается прекрасная панорама: в низине зеленеет сквер, а в перспективе возвышается группа лучших зданий города. В сущности, этот сквер – запущенный безлюдный садик, с березами по бокам дорожек и кустами акаций с торчащими стручками; хотя у калитки, сделанной в виде вертящегося креста, я и читал надпись о просьбе траву не мять, собак не водить и т. п., но сейчас же, едва вошел, наткнулся на след лошадиной ступни, оттиснувшейся на дорожке. Посередине сада стоит деревянная сквозная беседка, очевидно, музыкальная, с извилистыми тропинками вокруг, протоптанными усердными слушателями; тут же разбиты правильные дорожки с врытыми в землю скамьями, на которых местные остроумцы расписались неприличными словами. Густые кусты акаций сзади каждой скамейки да кое-где молодой серебристый тополь, цветущий шиповник да березы – вот и весь сквер; а украшение его состояло в том, что трава на газонах была скошена, и пахло свежим сеном; в растоптанных куртинах, конечно, не розы цвели, а росли врассыпную широкие лопухи, да торчал репейник с щетинистыми цветами на маковке, так называемыми «собаками».

Другие скверы содержались в порядке, а на этот почему-то махнули рукой, и доживает он свой век в запустении, точно ссылочный.

Ночь стояла роскошная. Было ясно, тепло, и многим должно быть спать еще не хотелось, потому что среди зтишья где-то пищала гармоника и чей-то голос тихонько подпевал ей:

Ах ты во-ля, моя во-ля,
Золота-я ты мо-я!..

Большая площадь перед кадетским корпусом была вся залита лунным сиянием, точно выткана серебром; когда переходил ее человек, то черная тень от него ложилась в длину всей площади... Кое-где вспыхнет огонек папироски, кое-где сверкнет белое платье или проедет верховой киргиз в меховых шароварах шерстью вверх, все было уместно и хорошо в эту чудную ночь. <...>

Телешов Н. За Урал: из сkitаний по Западной Сибири: очерки. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1897. – С. 134-136, 147-148.

1895 г.

Вон вдали из-за мыска реки показался и город. Это Омск, теперь город военных людей, крупная станция водного и рельсового пути по Сибири. Один из них давно уже прорезал его с юга на север, другой прорезывает его с запада на восток, завязывая узел торговых отношений.

В стороне, на правом берегу, видна вырастающая на голой степи станция, там уже высятся каменные здания, окруженные целым лесом стропил; дальше виден целый лагерь, целый ряд кошемных серых палаток – это лагерь переселенцев, откуда они разбредаются по приволью Сибири. Затем, вдоль берега тянутся казармы, рощи, какой-то пригородок, и вот потянулись ряды серых домиков, все разрастаясь, превращаясь в лучшие, превращаясь в город, перемешиваясь с храмами, с каменными домами. В общем, город деревянный, плохо обстроен, в нем мало садов, он однообразен, но правильные широкие улицы, изредка попадающиеся домики причудливой архитектуры, храмы, стройные минареты татарских мечетей – все обещает, что он обстроится и примет приличный, щегольской вид. Он широко, просторно раскинулся на ровном берегу Иртыша, мы плывем мимо его набережной. Но город не оценил вида могучей реки, отворотился от нее, и на нее только изредка выглядывают домики своими окнами, словно боясь этого простора реки. А, между тем, какая может быть здесь прекрасная набережная, как она могла бы скрасить этот задыхающийся от пыли город, сколько народу она могла бы привлечь, если бы о ней позаботились, устроили ее, оживили зеленью деревьев.

Мы плывем мимо берега, минуем пароходы, баржи, купальни, взвозы, откуда в улицы, над которыми так и стоят целые облака пыли, то и дело поднимаются бочки с водой, тем самым указывая на отсутствие водопровода. Впереди – красивый мыс реки, на нем видна старая, заброшенная крепость. Из-за земляного высокого старинного вала выглядывают, словно спрятавшись в землю, крыши домов, колокольни храмов, стены казенных построек. Это и есть та крепость, которая в начале восемнадцатого столетия,

построенная на месте рыбацких хижин, положила начало этому городу Юго-Западной Сибири.

Мы немного не доезжаем крепости, сворачивая в устье речки Омь, от которой заимствовал себе название город, и подходим к пристани. Отсюда неожиданно открывается прелестная панорама лучшей части города, невольно заставляющая залюбоваться: на высоких берегах реки, разрезавшей город на две части, виднеются ряды каменных и деревянных зданий, мост, красивой архитектуры храм, генерал-губернаторский дом.

Эта речка – прекрасная тихая гавань; здесь сосредоточены пристани пассажирских пароходов, отсюда недалеко до центра города, он виден; здесь омцы [sic!] принимают высокопоставленных особ, когда они посещают их город, здесь же совсем на берегу триумфальная арка безмолвно свидетельствует о посещении этого города Цесаревичем Николаем¹.

Мы выходим на пристань, на берег; услужливый извозчик в пролетке с жестяным номером берется показать нам в течение часа все достопримечательности города; мы садимся, и он, настегивая немилосердно своего «киргиза», летит с нами сначала на высокий пустырь, откуда сразу открывается вид на всю заречную сторону города, где стоит генерал-губернаторский дом; затем извозчик поворачивает мимо запущенного городского сада, где видна только старая беседка, и вот мы на главной улице города, въезжаем на мост и сразу попадаем в пыль широкой немощеной, песчаной улицы, которая, однако, так прилично обстроена каменными домами, что для новичка, слыхавшего о Сибири и сибирских городах и улицах только одни ужасы, она покажется удивительной.

Широкая прямая улица, обстроенная приличными, порой даже роскошными для Сибири каменными и деревянными домами с затейливой архитектурой, оживленная садами, производит впечатление улицы любого российского городка; она даже кажется знакомой вам, если бы не эта тончайшая белая степная пыль, которая вихрем носится за каждым извозчиком, каждой телегой, пешеходом, лезет в глаза, рот, уши, не давая свободно вздохнуть.

Мы проехали по ней вплоть до широкой площади, по средине которой стоит военный храм², а против него щеголяет длинным красивым фасадом самое большое здание города – Сибирский кадетский корпус, где учатся дети казаков, военных людей, коротающих жизнь в Сибири. Это одно из красивейших местечек города. Но как только мы свернули в сторону от этой казовой [sic!] улицы, картина сразу переменилась. Там были тоже широкие, прямые, ровные улицы, но уже не было красивых построек, вместо них тянулись амбары, хижины, старые домишкы чисто деревенского характера, и только изредка, словно затерявшиеся в этой толпе серых, неприглядных

¹ Цесаревич, будущий император Николай II посетил Омск в июле 1891 г., возвращаясь в столицу из путешествия на Восток. – Л. О.

² Свято-Никольский казачий собор. – Сост.

домиков бедных обывателей, показывались приличный домик, храм, мечеть, тотчас же сменяясь жалкими лачугами с обмазанными глиной стенами, кривыми заборами по пустырям.

Видимо, город еще новый, только что обстраивается, видимо, в нем еще не было хорошей хозяйствской руки, что обитатели его еще только заняты мыслью об устройстве своего жилья.

Но оживление улицы вполне выкупает бедность построек. Здесь вам беспрерывно встречаются и татарин с корзиной, и киргиз на лошади, пыльный обоз с товарами, ломовики со своим грузом, пролетки, тарантасики – все это так и мелькает перед глазами, сменяя друг друга, поднимая пыль, покрывающую дома, прохожих, которым решительно от нее некуда скрыться на улице. Здесь торговый, занятый народ, все серые, загорелые лица и тут же кучки переселенцев, которые, не признавая тротуаров, прямо чешут по середине улицы, поднимая целое облако белой пыли.

Но главным центром города оказался рынок. Там была настоящая ярмарка. Целые ряды деревенских возов с дынями, арбузами, огурцами, хлебом, мукой, овощами, сушеною рыбой так и говорят – чем богат край, в чем его избытки. Толпа южан-переселенцев словно застыла в удивлении перед возами знакомых арбузов, и одни из них кричат другим: «Смотрите, смотрите, арбузы, дыни!» – словно еще не доверяя своим глазам, удивляясь, что нашли в суровой Сибири арбузы.

Впрочем, что удивляться таким возгласам простого народа, когда мне случалось, и не редко, видеть даже интеллигентных, образованных людей в России, удивлявшихся тому, что в Сибири есть места, где растут персики и виноград.

На рынке мы нашли всех представителей степного края. Тут были татары-торговцы, тут были халаты киргизов с белыми высокими шапками, тут был и казак с кокардой и красным околышем, с казачкой, расфрантившейся в красные ситцы, тут был и серый поселенец, тут был и местный крестьянин, только еще недавно пришедший из центральной России и сменивший легкие лапти на черные смазные сапоги. Но более всего было переселенцев, которые раскупали десятками калачи, нанизывали их на веревки, перевешивали через плечо и так и несли их к своему лагерю в степь.

Полюбовавшись еще городом, его жизнью, осмотревши крепость, чистенькую женскую гимназию на горе, снявши с города несколько фотографических снимков, мы снова были на берегу, где у пристани уже разводил пары пароход, готовый пуститься с нами в дальний путь – теперь вверх по Иртышу.

Но не подумает читатель, что здесь можно так быстро, только что приехав, тотчас же и отправиться на пароходе куда нужно. Здесь нет срочного пассажирского пароходства, здесь нет ничего подобного Волге, Каме, даже Оке, здесь все суда предоставлены только одной торговле, и первый сносный буксирный пароход с каютами, отправляясь куда-нибудь за

грузом или даже просто таща его на громадных баржах позади, уже имеет претензию сзывать объявлением пассажиров, нисколько не думая о том, насколько он удобен, безопасен, годен для них. И бедный пассажир должен довольствоваться этим, платить высокие цены за провоз, благодаря Бога за то, что ему еще выпала такая оказия.

Многие пароходы прямо отказываются от пассажиров, не желая наживать с ними хлопот; другие, если берут, то показывают, что они делают этим одолжение. Естественно, что при таких условиях здесь еще долго не установится пассажирского пароходства, еще долго сибирякам придется справляться по магазинам и конторам об отходе и приходе пароходов, долго еще придется искать на столбах города случайные объявления об этом и попадать после всего этого в такие ковчеги, где страшно становится за свою жизнь...

Наш пароход в этом отношении оказался новинкой, он шел первым рейсом вверх по Иртышу до г. Семипалатинска с одними пассажирами, желая убедиться на опыте, насколько в настоящее время оживления края, наплыва переселенцев и пассажиров из России возможно иметь срочное пассажирское пароходство по Иртышу. Первый опыт, кажется, обещал быть удачным, так как пароход был переполнен разнородными пассажирами.

В двенадцать часов дня сообщение с берегом было прекращено, и пароход, оставив на берегу густую толпу провожающих, взял снасти, оттолкнулся от пристани и, попрощавшись с берегом и городом оглушительными свистками, которыми наши капитаны так любят давать о себе знать, направился вверх по Иртышу.

Опять замелькали домики набережной, пристани буксирных пароходов, городские улицы, дома, храмы, и, глядя на убегающий от нас город, на тучу пыли, повисшую над ним, невольно приходилось резюмировать свои впечатления, полученные от осмотра города. Впечатление в его пользу. Тридцатитысячное население города, оживление его, торговля, торговый узел путей сообщения – все обещало ему завидную участь среди подобных городов Сибири, о чем говорили и Иртыш, и железнодорожный вокзал, и масса переселенцев, и географическое его положение в крае. И город, который чуть не с первого времени своего существования служил административным пунктом, в котором ютилась только одна администрация края, который называли поэтому «гостиницей» служилых, перелетных людей, благодаря равнодушию которых он и имеет такой растерянный, пестрый вид, должен несомненно стать на будущее время не только административным, как теперь, центром, но и промышленным, торговым пунктом могучего Иртыша и ближайших степей, родины киргизов. <...>

Носилов К. Д. По Юго-Западной Сибири. III. По Иртышу, от г. Омска до г. Павлодара // Естествознание и география. – 1896. – № 4. – С. 459-462.

<...> *Ч*и один, может быть, из сибирских городов (а пожалуй и многих русских) не имеет такой массы чиновничьей интеллигенции, как Омск. А, между тем, спросите, чем «живут» все эти бесчисленные столоначальники, делопроизводители, ревизоры и т. д., им же нет числа? Служба, изредка театр, клуб с картами, домашние вечеринки – и опять же с картами и ... не знаю, что еще. Есть в Омске очень почетное во всех отношениях учреждение – Географический отдел¹, но в нем работает и им интересуется такая маленькая кучка культурных людей, что на общий склад нашей серенькой и убийственно-скучной жизни этот отдел не оказывает никакого влияния. И в этом нет ничего странного. Научные вопросы и в больших русских центрах все еще стоят далеко не на первом плане. <...>

Н-нь. Письмо в редакцию // Степной край [Омск]. – 1895. – 19 февр. – С. 3-4.

1896 г.

*М*όлько два парохода в месяц приходят в Тобольск, направляясь в Омск, и при том в неправильных промежутках времени. Перевоз пассажиров, вообще очень немногочисленных, совершается на буксируемых пароходах, время прибытия которых можно узнать на пристани только накануне или в самый день прихода парохода; продолжительность плавания при этом вполне зависит от количества буксируемого груза. Пароход «Сарапулец», очень мало удобный, довез меня до Омска в пять дней, что считается там самым минимальным сроком плавания между этими двумя городами. Переезд этот мне показался очень длинным. Русские и татарские деревни по берегам Иртыша попадаются очень редко; единственная большая станция на этом пути – город Тара, имеющий 8000 жителей, преимущественно татар. Тара славится своими вызолоченными колоколами; они были вызолочены золотом, в первый раз добытым в Восточной Сибири.

Омск находится на границе Тобольской губернии и киргизской степи. Главным городом этой степи следовало бы считать Акмолинск, но, по причине неудобных путей сообщения, генерал-губернатор и губернатор живут в Омске. Земли, принадлежащие Омску, расположены на территории Тобольской губернии; я должен был их переехать, чтобы посетить киргизский клан Дусена Джанласкина, владельца 5000 голов скота и 40 кибиток (тентов). Киргиз этот на половину цивилизован; он служил волостным старшиною и за эту службу императорскому правительству получил особый жалованный халат. <...>

¹ Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. – Сост.

Нынешний город Омск имеет 40000 жителей; он лежит на обоих берегах реки Оми, в том месте, где она впадает в Иртыш. Крепость и старый город были построены в 1716 году полковником Букольцем [sic!] на правом берегу Оми; с 1786 года старый город начал распространяться и на другом ее берегу.

Омские церкви представляют мало интереса для путешественника. Впрочем, надо упомянуть, что в тамошнем казачьем кафедральном соборе¹ хранится, так называемое, знамя Ермака, принесенное сюда из Березова пять лет тому назад. В то время было празднование трехсотлетия завоевания Сибири, и имя Ермака было дано одному из казачьих полков. На этом знамени изображен св. Димитрий в таком же виде, как принято изображать св. Георгия, но только он поражает не дракона, а татарского царя, выбитого из седла. На базаре в г. Самаре я по случаю купил старинную икону, изображающую именно этот сюжет.

Около кафедрального собора находится одна из тех грубых человекообразных статуй, которые называются «камень-баба». Это один из видов священных камней, которые встречаются не только в южной России, но также и в Сибири, на юге киргизских степей, вплоть до р. Енисея. Одни из этих примитивных изваяний представляют мужчин, другие – женщин. Женские статуи, находимые в южной России, более безобразны, чем сибирские. (Быть может, эта особенность указывает на разницу расы?). <...>

Де Бай, Жозеф. От Волги до Иртыша: (археологическо-этнографическая экспедиция по Приуралью и Западной Сибири в 1896 г.) / Барон де Бай; пер. с фр. Е. Н. Маджи, учитель Тобольской гимназии. – Тобольск: Тип. Епарх. Братства, 1898. – С. 21-22, 29-30.

1897 г.

Dорога от Самары до Омска – самая красивая из тех, что мне довелось видеть в Сибири. В тамошних лесах сходятся Европа и Азия. Когда мы прибыли в Омск, нас очень хорошо принял губернатор, он по происхождению немец². Мы жили два дня в гостинице, и нас закусали клопы.

В пролетке русского извозчика помещаются только один пассажир и два места багажа, поэтому, когда мы сошли с поезда в Омске, нам пришлось взять тридцать повозок, чтобы погрузить свой багаж и добраться до гостиницы. По дороге в гостиницу – сплошная грязь, пешком пройти нельзя, нужно ехать либо верхом, либо в повозке.

Абакари, Салим бин. Мое путешествие в Россию и Сибирь // Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 10. – С 53.

¹ Свято-Никольский казачий собор. – Сост.

² М. А. Таубе – генерал от кавалерии, барон, генерал-губернатор Степного края в 1889-1900 гг. – Сост.

1899 г.

У самого Омска с моста через Иртыш открывается обширный вид вдоль по реке на город, и вскоре после этого поезд останавливается у вокзала. В настоящее время Омск состоит как бы из двух частей: старого Омска, т. е. собственно города, и новой его части, очень быстро выросшей у вокзала железной дороги. Ровная, пыльная дорога ведет со станции в город; на пути в отдалении виднеются громадные арки Иртышского моста¹, а по дороге взгляд вдруг останавливается на чем-то, совсем не вяжущемся с представлением о городе: к удивлению, стоят юрты; целый ряд их назначен для помещения переселенческих партий. Это были первые вестники той бесконечной степи, какую далее пришлось встретить у Павлодара. В Омске предстояло остановиться, чтобы собрать кое-какие справки, явиться к г[осподину] Генерал-Губернатору² и, может быть, подождать ближайшего парохода, отходящего вверх по Иртышу на Семипалатинск. Омск мало чем отличается от обычного типа губернских городов, по крайней мере, по внешности. Местный колорит исчезает с проведением железной дороги, и разве фигура киргиза, проходящего по улицам, напомнит, что это не Европейская, а Азиатская Россия.

Егоров К. Поездка на Экибастузские каменноугольные копи // Уральская железная промышленность в 1899 году: по отчетам о поездке, совершил Высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на Министра Финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. – Факс. воспр. изд. 1900 г. – Екатеринбург, 2006. – С. 258-259.

*Г*ород грязный, город пыльный
Темных улиц сонный град!
Город наш вполне чернильный –
Вот он Омск, любимый град!

Управлений и правлений,
Канцелярий и палат,
Предписаний, отношений...
Вот он Омск, любимый град!

Град с кокардами на шапках
Даже маленьких писцов,
Важных барынь в модных шляпках
И «поношенных» пшиотов;

¹ Железнодорожный мост. – Сост.

² М. А. Таубе. – Сост.

Педагогов бессердечных,
Опечаленных детей,
Град комиссий бесконечных,
Неисполненных затей.

Град посолов нашей думы
И обманутых надежд;
Град, где сильны толстосумы
И могуча рать невежд;

Где училищ не хватает,
Для больных – в больницах мест,
Где одно лицо срывает

.....

Град общественных скандалов,
А над ними – вечный мрак.
Город темных капиталов,
Нажитых Бог знает как.

Где с триумфом открывают
Всякий новый ресторан,
А в магазинах сбывают
То, в чем видится изъян;

Где комиссий санитарных
Обыватель не знал,
Где не раз обоз пожарных
Среди улиц утопал.

Где предвидит обыватель
От пожаров много бед
Оттого, мой друг читатель,
Что к рекам подъездов нет.

Город грязный, город пыльный
Темных улиц сонный град!
Город наш вполне чернильный –
Вот он Омск, любимый град!¹

Митрич В. Д. С берегов Иртыша: [стихотворение] // Сиб. жизнь [Томск]. – 1899. – 19 авг. – С. 2.

¹ Перепев стихотворения П. А. Вяземского «Русский Бог» (1828 г.). – А. С.

Омск в начале XX века: Лейпциг будущего

Конец XIX – начало XX вв.

Главный город [Акмолинской – Е. Т.] области – Омск – имеет до 3-х тысяч домов и около 37 1/2 тыс. жителей. Он был основан с военной целью, в видах усмирения киргизов и защиты русского земледельческого населения области от их хищнических набегов. Торгово-промышленное значение города до сих пор было ничтожно. Теперь через Омск прошла линия Сибирской железной дороги, и потому значение его должно возрасти.

Арефьев В. Описание Сибири: очерки для народ. чтения. Вып. 2. Краткое описание губерний и областей Сибири. – Томск, 1901. – С. 88.

*О*мск лежит под $54^{\circ} 59'$ сев. широты и $43^{\circ} 6'$ вост. долг[оты]¹, на высоте 261 фута над уровнем моря. Почва сухая и песчаная. Со всех сторон его окружают березовые рощи, находящиеся невдалеке от города. Климат умеренный, а воздух хотя чистый и здоровый, но чрезмерное колебание температуры и частые продолжительные ветра летом поднимают тучи пыли, а зимой – снежные бураны. Температура в Омске максимум +36,4, минимум –41,1, абсолютная влажность 5,1, число дней с осадками 309,3. Кроме того, за последнее время замечается раннее наступление холодов осенью и случайные холода ранней весной. Вскрытие Иртыша – около 25 апреля, а замерзание – 20 октября.

Внешним благоустройством город ничем не отличается. Улицы его летом, в сухое время, пыльны, а весною и осенью, после дождей и таяния снега, – грязны; притом город недостаточно освещается ночью. Санитарное состояние очень печальное. Во время половодья рек Иртыша и Оми часто затопляются низменные места города, а, между тем, они заселены очень густо и при отсутствии канализации, и при нечистоплотности городского населения, в связи с указанным густым заселением низких мест, получается печальная картина санитарного положения города.

По переписи 1897 г. жителей – 37.470 д[уш] об[оего] п[ола] (20.106 м[ужского] п[ола], 17.364 ж[енского] п[ола]). По статистическому подсчету 1901 г. 53.050 д. об. п. (28.261 м., 24.789 ж.). За последнее пятилетие количество городского населения увеличилось на 15.580 д. об. п., что объясняется влиянием Великого Сибирского пути на экономическое и торгово-промышленное развитие края. Торговых домов в Омске насчитывается около 25-ти. Всех магазинов и разных торговлей – 400.

¹ От Пулковского меридиана (г. Санкт-Петербург). – А. С.

Окрестности города не лишены некоторого разнообразия и привлекательности. К северу, на расстоянии версты от городской заставы, находится довольно обширная и тенистая «Загородная роща», в которой летом устраиваются народные гулянья. Положение такой рощи вблизи города и на берегу Иртыша, по которому то и дело снуют пароходы, вид с берега на обширную степь с виднеющимися на ней аулами киргизов делает ее весьма привлекательной. К югу от города, тоже на расстоянии версты, раскинулись тенистые березовые рощи, в которых расположены бараки для лагерной стоянки кадетского корпуса и немного далее – Омского резервного батальона. В полуверсте от них находятся так называемая «Санитарная станция», куда на лето переводятся больные военного госпиталя, а еще далее проходит железнодорожный путь и расположены железнодорожные постройки, занимающие громадное пространство. Вблизи их через Иртыш перекинут грандиозный железнодорожный мост в 3/4 версты длиной. В этой части города день и ночь кипит жизнь: снуют маневрирующие паровозы, отходят и приходят поезда, а по Иртышу плывут пароходы, плоты и лодки.

Дегтярев П. С. Город Омск (Акмолинской области): очерк // Торгово-промышленный адрес-календарь города Омска (Акмолинской области), 1903 / П. С. Дегтярев. – Омск, 1902. – С. 2-3.

1900-е гг.

*Р*одился я в Омске в конце прошлого столетия. Хорошо помню город примерно с 1903-1904 гг.

В те отдаленные времена Омск был летом пыльным, весной и в ненастную погоду – грязным городом. Мостовых не было даже на главных улицах, водопровода, уличного освещения – тоже. Во время ветра поднимались тучи пыли, но и в тихую погоду сильно пылили проезжающие подводы. Мельчайшая пыль оседала на листьях деревьев, они в период бездожья делались серыми, росли плохо, погибали.

Весной нередко можно было видеть на улицах застрявшую в грязи по самые ступицы водовозную бочку. И это бывало даже против дома генерал-губернатора. В таких случаях лошадь выпрягали, а бочку оставляли до просыхания почвы, после чего ее откапывали и вытаскивали.

Стоков для весенних вод не было совсем, или они имели малую пропускную способность, а поэтому весной, после многоснежных зим и дружного таяния снега, все низменные части города затоплялись, возникали огромных размеров лужи, которые исчезали только к середине лета. Мы, ребята, сколачивали плоты из досок и, отталкиваясь шестами, плавали по этим мелководным «морям». В частности, ежегодно такое «море» возникало на обширном дровянном складе, который был расположен в самом центре

города, между улицами Дворцовой, Бухгольца, Ильинской и Новой (сохраняю старые названия), ближе к улице Бухгольца¹.

Началась русско-японская война. Мимо наших окон в сторону вокзала потянулись вереницы шлепающих по грязи или скрывающихся в клубах пыли солдат. Воинские погрузки на железной дороге не затихали ни днем, ни ночью. В обратную же сторону тянулись санитарные повозки с ранеными.

Началась революция 1905 г. Забастовки, митинги, казачьи разъезды по улицам города. Вспоминается такой эпизод. Огромная толпа людей возле здания генерал-губернатора пытается приблизиться к парадным дверям, охраняемым городовыми. В это время на башне, что возвышается над зданием, появляется человек, быстро карабкается по флагштоку, ловко обрывает у флага синюю и белую полосы, оставляя одну красную, и также быстро исчезает. Раздаются возгласы: «Да здравствует революция!», а за ними револьверные выстрелы: появляются казаки, толпа разбегается. <...>

После 1905 г. в Сибирь хлынул поток переселенцев из России, многие – из южных губерний Украины. В городе появились первые булыжные мостовые, на улицах стало шумно. Представители иностранных фирм строили склады, наполняя их сельскохозяйственными машинами, зерном и другими товарами.

Особое оживление наблюдалось на городской пристани в устье Оми. Пароходные компании грузили в трюмы пароходов и барж машины и запасные части к ним, выгружали кожи, зерно, масло. Пристань выглядела очень красиво в вечерние часы, когда у ее причалов стояло 2-3 пассажирских парохода, освещенных множеством электрических огней. Но и зимой в устье Оми было оживленно. Весь пассажирский флот зимовал здесь, ремонтировался. Мы, ребята, с большим увлечением бегали по льду, лазали под пароходами, помогали раскачивать меха, раздувая горны многочисленных малосеньких примитивных мастерских и кузниц.

В те времена с верховьев Иртыша в Омск приплывало много плотов с большими плитами дикого камня для строительства тротуаров, с алебастром, арбузами.

Памятна и ежегодная осенняя ярмарка в Омске на площади главного базара (ныне площадь Дзержинского). Сюда с севера и юга, с востока и запада съезжались крестьяне, перекупщики, купцы. <...>

Берников В. В. Воспоминания старожила // Изв. Омского отдела Геогр. о-ва СССР. – 1966. – Вып. 8 (15). – С. 54-55.

Омск из мертвого чиновниччьего городка превращается в бойкий торговый центр.

Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – М., 1902. – С. 263.

¹ Ул. Ленина – Броз Тито – Ильинская – Чкалова; т. е. во дворе гостиницы «Ибис Сибирь Омск». – А. С.

Еще 15 лет тому назад в Омске едва насчитывалось 30000 жителей – теперь же в нем насчитывается до 70000 жителей. До проведения железной дороги [1894 г. – Е. Т.] это был тихий получиновничий и полувоенный город с несколькими учебными заведениями.

Промышленность отсутствовала. Торговля носила чисто местный характер.

Кредитных учреждений почти не существовало, а существовавшие имели самые незначительные обороты.

Дорога все перевернула.

Омск стал сразу значительным торговым пунктом благодаря тому, что лежит на пересечении р. Иртыша железной дорогой.

Появились новые люди, привезшие новые знания, новые промыслы, новые капиталы. Одно за другим открываются кредитные учреждения, торговые предприятия. За Сибирским банком, пионером банковского дела в Сибири, является Волжско-Камский, за ним явились на разведки представители Русско-Китайского и Торгово-Промышленного.

Занимая положение центрального рынка для Степного края с одной стороны и Барабинской и отчасти Кулундинской степи – с другой, Омск быстро сделался центром значительной торговли маслом и жировыми товарами.

По количеству скупаемого и экспортируемого масла, идущего за границу, Омск не имеет соперников. <...>

Обстоятельства складываются очень благоприятно для Омска, и ему улыбается блестящее будущее крупного торгово-промышленного центра для всей Западной Сибири.

Лаптев И. Торгово-промышленные центры Западной Сибири. Омск // Сиб. вопросы. – 1907. – № 32. – С. 16-17, 19-20.

<...> **П**еперь, когда жизнь в Сибири повсюду перекраивается на новый лад, когда характеры сибирских городов изменяются, и Омск на пути к преобразованию. <...>

Теперь через Омск проведена железная дорога, и пароходы стали ходить между Омском и Семипалатинском. За Омском начинает упрочиваться слава будущего торгового центра. Московские купцы избрали его складочным местом своих товаров, а иностранные фирмы устроили здесь свои конторы, отчасти для продажи сельскохозяйственных машин, отчасти для покупки масла. Из военного лагеря Омск стремится превратиться в купеческий пакгауз, дробь барабана хочет смениться щелканьем счета.

Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. – С. 251.

Центр. Городской голова Остапенко в 1896 году поехал на Всемирную выставку в Париж. Там он увидел в качестве экспоната железный мост. До этого в Омске через реку Омь существовал один деревянный мост. Сибирские инженеры переделали его. Он стал разводным и пропускал суда на зимовку к деревянному мосту, тогда понтонному, просуществовавшему до 1898 года. Так омичи получили французский мост.

Перейдя с левого берега Оми на правый, мы попадали на главную улицу Омска – на Любинский проспект (ныне ул. Ленина). Справа постройки сохранились до сих пор почти те же, что были 40 лет назад. Слева резко все изменилось. Здесь была тогда березовая роща. Она начиналась сразу у моста и называлась Любиной рощей. Здесь было место гуляний омичей в праздничные дни. В начале 1900-х гг. рощу вырубили и началось строительство. Первыми выросли торговые корпуса Саввы Морозова и компаний, затем здания Жирардовских мануфактур, несколько позже «братья Овсянниковых и Ганьшиных» построили универсальный магазин – ныне Омский медицинский институт [в настоящее время университет – Е. Т.]. Любина роща была снесена. Лишь от моста до теперешней ТЭЦ¹ по берегу Оми тянулись заросли старых ив и других деревьев. Этот уголок носил название Малашкиной или Марьиной рощи. Позднее, частично вырубленная и с уменьшенной площадью, роща была благоустроена и стала называться «Детским садом». После 1908 г. здесь построили кинотеатр «Гигант», а сад переименовали в «Аквариум».

Против западного края рощи находился деревянный театр – цирк Сичкарева, существовавший до мая 1909 г.

Любинский проспект выходил на базарную площадь. Слева ее ограничивали здания Омской женской гимназии и «Красные казармы». (Нового театра тогда не было, его открыли в 1905 г.). На севере и востоке площади были здания интендантства, а от них к югу шел спуск «Сенной взвоз». На площади находились обжорный и мясные ряды, имевшие специальные постройки. Позднее были выстроены и торговые корпуса. В 1913 г. закончено постройкой каменное здание торговой биржи (ныне автодорожный институт)². От базарной площади на север шли Скорбященская улица (ныне ул. Гусарова) и параллельно ей – Бутырская улица.

Бутырки. Всю северную часть города прорезывала главная улица Бутырская (ныне ул. Герцена). Она выходила на тракт, по которому в Тобольскую каторжную тюрьму гнали арестантов из московских Бутырок. Соседняя улица Скорбященская – улица скорби – называлась так потому, что здесь проходили многие несчастные люди: каторжники, ссыльные, заключенные.

Застроившись, эта часть города получила название Бутырского форштадта, а омичи ее назвали «Бутырками».

¹ ТЭЦ-1 просуществовала до 1988 г. – Сост.

² С 1996 г. в этом здании располагается областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. – Сост.

На Бутырках проживали мелкие торговцы, лавочники, мещане, домовладельцы. Последние сдавали дома служащим, занимались извозом, имели займы. На окраине жили кузнецы, мастеровые, немногочисленные рабочие.

После осенних дождей улицы становились непроезжими. Бывало завязнет телега с кладью на Скорбященской улице, кладь снимут, лошадь выпрягут, а телегу откопают лопатами, когда грязь подсохнет.

Летний полдень. Над Бутырками в поднебесье летают стайки голубей. На крыше дома стоит человек. Большую черную бороду разевает ветер и играет длинными полами форменного расстегнутого сюртука. Заложив два пальца в рог, человек свистит и смотрит в небо, а другой неистово машет тряпкой на длинном шесте... Это пристав Бутырского полицейского участка Чирков забавляется голубиной охотой. У дома, где помещается участок, стоят городовые, мальчишки. По соседству на гребне высокого сарая-голубятни подражает Чиркову 60-летний старик Южаков. «Из ума выжил», — говорят прохожие обыватели.

На Рождество утром и вечером Чирков разъезжает по Бутыркам на легких санках и ловит мальчишек — «христославцев» — с красными звездами, забирая и звезды, и «выручку».

На пасхальной неделе на улицах устраивались качели, слышались звуки гармошки. Парни около домов катали яйца. После Пасхиправляли свадьбы. Они сопровождались обрядами, тогда присущими всем сибирякам-старожилам. Нередко можно было видеть ехавших рысью по улице одну или две телеги. На них стояли и пели, приплясывая, женщины с банными вениками, украшенными лентами. Это везли из бани невесту. Из церкви уже ехал целый свадебный поезд часто из 10-15 экипажей.

Странный вид на Бутырках иногда имела и похоронная процессия, двигавшаяся на Шепелевское кладбище. В большом мешке из сетки на крышке гроба сидели голуби. Когда гроб опускали в яму, близайшие друзья покойного бросали голубей из сетки в могилу. Они взлетали снова вверх и улетали в голубятню покойного. Так хоронили голубятников, которых на Бутырках в те времена было великое множество. Такие похороны голубятника я наблюдал еще в 1939 году. <...>

Качагуры. После постройки военного госпиталя, на правом высоком берегу Оми начала вырастать новая улица. Она южным концом упиралась в забор большого госпитального сада, поэтому ее называли «Госпитальной». Ссыльные поляки присвоили этой улице свое название — Качагуры, что значит «Утиные горы». Поводом к такому наименованию послужило то обстоятельство, что с левого берега, в те времена сильно заболоченного, на правый, возвышенный, летали дикие утки.

Поляков не стало, но старожилы помнят это название, сделавшееся потом ругательным словом. «Ах, ты качагурница!» — ругались торговки. «А вы с Госпитальной!» — говорила своей сопернице полуинтеллигентная мещаночка. Те и другие этими словами старались оскорбить друг друга.

Многие улицы Омска теперь переименованы, а Госпитальная осталась. Не изменив своего названия, улица резко изменила свой быт и облик. Начи-

ная с [18]80-х годов, Госпитальная жила своей особенной жизнью. Днем она была тихая, почти безлюдная. Только наблюдательный человек мог заметить некоторые особенности. На дверях подъездов домов были «глазки» – круглые отверстия для наблюдения за улицей, у крылец стояли два невысоких столба для фонарей. И лишь наступал поздний вечер – улица преображалась. Она ярче освещалась, чем даже Любинский проспект, и напоминала железнодорожный перрон. У каждого подъезда зажигались фонари, из окон сквозь щели ставень пробивались лучи света. К домам подъезжали извозчики, приходили люди. Внутри гремели разбитые пианино, пиликали гармошки и слышались пьяные голоса. Здесь находились публичные дома.

Качагуры славились еще кулачными боями на льду Оми, драками и скандалами. По воскресным дням, на святках и масленице на Оми сходились два враждовавших лагеря: Качагуры и Лугаши. Последние были жителями левого лугового берега Оми. Бой завязывался подростками, за ними вступали парни, наконец, наблюдавшие за «полем боя» взрослые мужчины не выдерживали и в качестве подкрепления «шли в атаку». После побоища были раненые и реже убитые. «Жесточайший бой» происходил в 1912 году. Полиция, конная и пешая, оказалась не в силах ликвидировать «Ледовое побоище».

Качагуры – грязная страница в истории старого Омска. Теперь лишь гнилые пеньки от фонарных столбов, да кое-где сохранившиеся «глазки» в дверях напоминают прошлое Госпитальной.

Казачий форштадт. Казачий форштадт долгое время был центральной частью города. Его население состояло из казаков. Здесь жили преимущественно офицеры, чиновники Сибирского казачьего войска. Поэтому и улицы имели характерные названия: Войсковая, Полковая, Конюшенная, Лагерная. Другие, как Путинцевская, Русиновская, Старковская и Плотниковская, назывались по фамилиям генералов-атаманов отделов казачьего войска. Главная улица Атаманская (ныне ул. Республики)¹ являлась продолжением за мостом Любинского проспекта. По постройкам это был лучший форштадт Омска. Самым старым и большим зданием был Сибирский кадетский корпус, построенный в 1813 г.² Затем выделялся дворец Степного генерал-губернатора и атамана Сибирского казачьего войска, построенный в 1859 г., занимавший усадьбу с садом теперешнего Областного музея³. К югу находилась Казачья площадь. Почти всю центральную часть ее занимал Казачий военный собор, в котором до 1918 г. хранилось знамя Ермака Тимофеевича – завоевателя Сибири – а также старые знамена Сибирского казачьего войска. Собор был примечателен еще тем, что в нем, в специальном склепе под алтарем, в литом цинковом застекленном гробу находился бальзамированный труп генерал-майора Чиркова – одного из атаманов отдела казачьего войска. Находчивый сторож

¹ В настоящее время ул. Ленина. – Сост.

² Учрежден в 1813 г., построен в 1826 г. – А. С.

³ Областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля; здание построено в 1859-61 гг. – Сост.

собора, допуская любопытных в усыпальницу и взимая с них плату, обеспечил себе постоянный доход. Впоследствии, когда собор переделали, случайно обнаруженный склеп был ограблен, а мумию похоронили на Казачьем кладбище.

К востоку от Казачьего собора шла улица, называвшаяся Никольским проспектом, по имени Никольского собора (ныне ул. Красных Зорь). Она заканчивалась въездом на Казачье кладбище. К северу и югу от кладбища среди мелких перелесков стояли мельницы-ветрянки, существовавшие до 1912 г. Восточная окраина (ныне ул. Куйбышева, а ранее Скаковая – вела на ипподром) была населена татарами, реже казахами. Торговые предприятия сосредоточивались на площади Казачьего базара (ныне Казачий рынок). Площадь с тех времен изменилась мало.

Казачий форштадт являлся исключительно местожительством военного казачьего сословия и только после 1905 г. стал заселяться разночинцами.

Освещение города. Конец девяностых годов [XIX в. – Е. Т.]. Сентябрьская ночь спускается над Омском. Фонарщики с небольшими лесенками и бачками керосина заправляют и зажигают немногочисленные фонари на углах центральных улиц.

9 часов вечера. Из закрытых наглухо ставнями окон иногда в щели проникает свет керосиновых ламп. Время от времени слышится бой колотушки. Этоочные сторожа дают знать гражданам Омска, что они не спят, а оберегают их мирный сон. У каждого сторожа на поясе висит трещотка. Она пускается в ход, если где-либо в городе случится пожар. К трещотке, поднявшей первой тревогу, присоединяется треск второй, третьей... Через несколько минут на пожарных каланчах города ударяют в набат постовые пожарники. Начинается суматоха.

В 10 часов на улицах можно встретить странные обозы из 3-5 бочек. На первой бочке тускло светит фонарь. На работу выехали «золотари» – так в Сибири зовут асептизаторов.

До 1905 г. Омск с наступлением ночи погружался во мрак. Потом улицы стали освещаться немногочисленными фонарями «Россия» системы Галкина. Эти газокалильные фонари были сравнительно дороги, требовали больше горючего и квалифицированных фонарщиков. Неудивительно, что «отцы города» старались экономить на освещении за счет лунных ночей.

Появление в Омске электроосвещения относится к 1905-1906 гг. Омская купчиха Мария Шанина устроила первую электростанцию для освещения своего магазина (ныне универмаг) и жилого особняка (теперь вендинговый центр). Вскоре была построена электростанция при Общественном собрании. Около 1907-1908 гг. городской театр, выстроенный в 1905 г., устроил свою электростанцию.

В 1909 г. немец Поль построил небольшую электростанцию с ветряным двигателем. Он уже продавал электроэнергию Кадетскому корпусу и немногочисленным частным лицам. В 1910 г. Кадетский корпус выстроил свою электростанцию. Немногочисленные кино, называвшиеся тогда «кин-

матографами» или «биографами», также имели свои маленькие электростанции. Так в Омске появилось электроосвещение.

Дорога к Великому океану. <...> В 1892 г. начались работы по прокладке пути от Челябинска до Омска. Небывалое торжество было в Омске, когда 24 августа 1894 г. на левый берег Иртыша пришел первый поезд. Здесь теперь станция Куломзино. Но тогдашний паровоз был мало похож на современный. Его труба напоминала кухонный чугун. У паровоза было всего шесть колес. Поезд состоял из десяти классных вагонов. Он был украшен еловыми ветками. Оркестр Сибирского казачьего войска сыграл «Встречный марш». После бесплатного проезда пассажиров для «обката пути», в 1895 г. дорогу на перегоне Омск-Петропавловск пустили в эксплуатацию. На этом участке ходили два поезда в неделю со средней скоростью одиннадцать верст в час. За год перевезли 211 тысяч пассажиров. В 1896 г. перевезли уже 415 тысяч пассажиров, а в 1898 г. – 1 млн. 50 тысяч человек.

Первый бык железнодорожного моста через Иртыш был заложен в 1895 г. Строительство моста закончилось к началу 1896 г. Прокладывать же дорогу на восток, от Иртыша до Оби, начали раньше – в 1893 г. С 17 марта 1896 г. началось полное движение по Омской железной дороге <...>.

Карлушка. 25 августа 1894 г. на левый берег Иртыша пришел первый поезд в составе десяти пассажирских вагонов. Омск стал оживать – открылся Великий Сибирский путь. Началось строительство вокзала ст. Омск. Около новой станции стали селиться разные люди, рабочие строительства дороги, торговцы. Но земельные участки около вокзала принадлежали казакам. Они-то первыми и заселили выгодные по местоположению наделы. В 1898 г. здесь возник «Атаманский» или «Царский» хутор, впоследствии выросший в современный Ленинск.

Четыре версты отделяли ст. Омск и хутор от города. Пустырь, поросший мелким кустарником и бурьяном, буераки делали связь неудобной да и небезопасной. В 1902-1903 гг. была проложена так называемая городская ветка. Поезда по ней без остановки курсировали с окраины города до ст. Омск. Там, где сейчас воинская площадка¹, жил начальник ст. Омск. С некоторых пор у его дома поезда стали делать регулярные остановки. Сын начальника станции Карлуша учился в городской гимназии. Поезд останавливался, чтобы забрать его. Незнающие пассажиры спрашивали:

- Почему остановились?
- Да это Карлушка, – отвечали завсегдатаи.

Так получил название полустанок «Карлушка», сохранившийся до наших дней. Не осталось только на этом месте старого павильона с вывеской.

Шухов И. Картины старого Омска: (из воспоминаний) // Омский альманах. – Омск, 1945. – Кн. 5. – С. 82-87.

¹ Район площади Серова. – А. С.

1900 г.

Омск, центральный город Акмолинской области, расположен на р. Оми и состоит почти исключительно из деревянных построек. Из 3700 домов в Омске только 81 каменный. Своими широкими немощеными улицами, слишком однообразными деревянными постройками, досчтатыми тротуарами Омск наводит какое-то уныние и походит более на казачью станицу, чем на центральный областной город. В Омске с 1879 года в тюрьме находился автор «Записок Мертвого дома»¹ Ф. М. Достоевский. Знаменитый «Мертвый дом» стоял на краю крепости, у самого вала. Это было деревянное здание, окруженное высоким забором. Я поинтересовался судьбой Мертвого дома и спросил одного из местных жителей Омска, уцелело ли это место заключения, оказалось, «Мертвый дом», как разрушившийся от ветхости, окончательно разорен, и на его месте расположились новые здания. В Омске 13 церквей, 1 католический костел, 2 синагоги, 1 магометанская мечеть, 29 учебных заведений, кадетский корпус, мужская и женская гимназии, 3 библиотеки, 3 книжных магазина, 4 типографии и 5 периодических изданий. Станция Омск, одна из лучших и красивых сибирских станций, расположена в 3 верстах от города. При станции около 80 построек для разных железнодорожных потребностей, громадное паровозное здание и врачебно-питательный переселенческий пункт на 1500 человек. Насколько велико движение переселенцев по этому тракту можно судить из того, что в период наибольшего передвижения в этом пункте скоплялось до 4 тыс. человек. За неимением места в пункте расставлялись тогда киргизские юрты. Со станции Омск ежегодно отправляется более миллиона пудов разного груза.

Леонов М. Л. По Сибири от Москвы до Сретенска: путевые заметки. – М.: Типо-лит. А. С. Яковлевой, 1903. – С. 28-29. – Перед загл.: Максим Горемыка (М. Л. Леонов).

1901 г.

Сам город расположен в трех верстах от станции, как раз в углу, при впадении р. Оми в Иртыш. Новая гостиница в Омске оказалась весьма солидной: в ней были опрятные и удобные номера, отопление водяное; но так как в городе не устроен еще водопровод, то приходится подвозить в дом ежедневно по двадцати и более бочек воды. Можно было воспользоваться ванной, что вместе с бельем стоило рубль.

Когда я вышел на немощеную улицу, то меня крайне поразила непролазная грязь: нельзя было спуститься с дощатого тротуара, не рискуя

¹ Автор «Записок из Мертвого дома» находился в Омском остроге с 1850 по 1854 гг. – Сост.

увязнуть в крайне липкой почве. Несмотря на то, что в Омск переведена была резиденция генерал-губернатора, что город служит средоточием управления Степного края, что это – самый населенный город Тобольской губернии, весь он состоит большей частью из деревянных домов, и кое-где лишь попадаются каменные здания общественных учреждений, вроде мужской и женской гимназий, технического училища, фельдшерской школы, да сверх того еще несколько частных каменных домов. А, впрочем, за последние годы этот служивший в прежнее время пустым углом, с преобладанием чиновничьего люда, город, под влиянием парового транспорта стал видимо изменять свой облик. В нем появились банки, конторы разных торговых фирм, заводы; сюда наезжают коммивояжеры, купцы не только русские, но также иностранные. Образовавшийся в трех верстах от Омска поселок Царский-Хуторок разрастается изо дня в день.

Добравшись по грязи кое-как до деревянного моста, перекинутого через речку Омь и, перейдя на другой берег реки, я по раскинутому вблизи саду пробрался на прямую улицу и увидел перед собой не очень высокие, каменные, желтоватого цвета ворота, похожие на триумфальную арку. На них под карнизом значится надпись: «Омская 1791 года»¹. Я вошел в бывшую омскую крепость, выстроенную на защиту русских поселенцев от нападавших на них в былое время туземцев. Пройдя с сотню шагов по прямой улице, я направо увидел обширные каменные казармы. Далее, наискось против них, стоит небольшой дом дисциплинарной роты, перед которым прохаживался солдат с ружьем. Здесь, как уверял хозяин гостиницы и как предполагают местные жители вообще, и находилась, будто бы, тюрьма, в которой протомились четыре года на каторге наш славный романист Достоевский и поэт Дуров. Однако, такое предположение оказывается неверным, в чем легко убедиться по описанию в «Записках из Мертвого дома» Достоевского. Там именно сказано: «Острог наш стоял на краю (а не внутри) крепости, у самого крепостного вала». В настоящее время на этом краю крепости, на месте бывшего Мертвого дома, стоят новые здания.

Проходя далее, я внутри упраздненной крепости, помимо казарм, заметил еще несколько каменных домов военного ведомства, а именно – военного суда, больницы, интендантства и пр. Таким образом, внутренний район лишенной прежних стен крепости до сих пор сохранил свой воинственный облик. А далее, на другом конце оказались еще другие, такие же, как виденные мной прежде, каменные ворота с надписью: «Тарская 1791 г.»². Эта арка фронтом обращена к небольшому, лежащему по направлению к северу, на левом берегу Иртыша, городу Тара.

В начале своего существования Омск служил казацкой станицей, и казаки выстроили здесь свою церковь, а именно – Никольскую. Посетив эту казачью церковь во время совершившегося в ней молебна, я обратился к

¹ Во второй Омской крепости было четверо ворот – Омские, Тарские, Тобольские, Иртышские, построенные в 1791-1794 гг. – Л. О.

² Ошибочно назван 1791 г., на воротах – 1792. – Л. О.

пожилому дьячку с вопросом, где находится помещенное здесь казаками знамя Ермака¹. Приветливо улыбнувшись, дьячок подвел меня к левому краю алтаря и указал на стоявшую здесь высокую хоругвь. На блестящем бронзовом древке насажена такая же бронзовая красивая рама, в которую и вставлено не очень большое старое знамя, перевезенное усердными казаками из Березова. На одной стороне красками изображено, как Архангел Михаил поражает копьем дьявола, а на другой – как святой Дмитрий низвергает в пропасть Кучума.

На другой стороне улицы, против храма, вытянулось довольно длинное каменное выбеленное здание с широкой лестницей, на платформе которой высилось шесть белых колонн, а над ними значилась надпись: «Сибирский кадетский корпус».

Проходя берегом Иртыша вниз по течению, я набрел на базарные ряды, раскинувшиеся на несколько возвышенной площади. Эти ряды своими лавочками и шалашами напомнили мне расположенные, по воскресным дням, рынки в Москве на Сухаревской площади. За чертой города, куда я вскоре вышел, находился поселок, при котором в разных концах возвышалось около двадцати ветряных мельниц с вертящимися крыльями. Эти мельницы, как мне говорили, воздвигнуты прибывшими из России переселенцами.

В полуверсте от железнодорожной станции посетил я переселенческий пункт, подобный челябинскому, но не в таких обширных размерах. Тут, на отгороженном довольно просторном дворе, стояло всего две большие срубные избы, предназначенные для переселенцев; а сверх того, в особенном доме помещалась скромная библиотека. Снаружи, за оградой, на площадке было раскинуто с дюжину киргизских юрт, крытых темно-серыми кошмами. Летом они также служат приютом в случае чрезмерного накопления переселенцев. Рядом с этим пунктом расположен казенный склад земледельческих машин и орудий. <...>

В особом здании города помещается Западно-Сибирский отдел Русского Географического Общества. В издаваемых им записках сообщаются интересные сведения по исследованиям Западной Сибири. В том же здании этого отдела помещаются музей, библиотека и метеорологическая станция. По поводу последней заметим, кстати, что комитет сибирской железной дороги за последнее время снабдил значительными средствами метеорологические станции вдоль рельсового пути и вокруг Байкала, положив, таким образом, прочное начало организации правильной метеорологической службы в Сибири. Такое целесообразное распоряжение комитета имеет главной целью снабжать железнодорожное начальство заблаговременно предостережениями касательно угрожающих метелей вдоль рельсов и бурь на Байкале.

В том же отделе Географического Общества истекшей зимой производились научно-популярные чтения, сбор с которых назначался в

¹ В Казачий Никольский собор знамя Ермака было перенесено 12 апреля 1883 г. – Л. О.

пользу потерпевших от прошлогоднего неурожая. Всего было прочитано около двадцати лекций. В них принимали участие местный врач, учитель гимназии, метеоролог, служащий при здешней станции, и преподаватель кадетского корпуса. Предметами для чтения служили: «Пищевые продукты», «Атмосфера земли», «Жизнь Радищева», «Политическое деление Африки», «Дыхательные органы человека». Однако наиболее уместной и полезной для Омска оказалась лекция под заглавием: «Принципы оздоровления городов вообще и, в частности, по применению к городу Омску». Лектор весьма основательно выяснил при этом невозможные санитарные условия Омска с его непролазной грязью и крайне испорченной водой. Выводы почтенного лектора могли бы, пожалуй, послужить полезным указанием не только для Омска, но вообще для всех немощеных городов Сибири.

Пробыв в Омске два дня, я в одиннадцатом часу вечера поехал далее по железной дороге.

Циммерман Э. По великой Сибирской железной дороге // Вестн. Европы. – 1903. – № 1. – С. 124-128.

1905 г.

*М*естоположение Омска, при слиянии двух рек, на значительно высоких берегах – очень красиво. Обилие и близость питьевой воды первое время поражает туриста. Ему вспоминается, например, город Одесса, где питьевую воду добывают на расстоянии 60-ти верст из реки Днестра. Правда, там действует грандиозный водопровод; но каковы должны быть технические усовершенствования, каковы расходы, какова энергия людей, чтобы беспрерывно питать водой полумиллионное население южной столицы. В Омске прекрасная мягкая вода под рукой... Таким образом, открытое местоположение города и легкий доступ к воде как главные условия, предъявляемые к человеческому населению, вполне обеспечивают в Омске нормальное развитие благоустройства города без особых затрат и жертв. Но, пристальнее всматриваясь в условия жизни столицы Западной Сибири, турист приходит к заключению, что эти условия скорее напоминают киргизские стойбища (или остановки) в степи, чем значительный умственный и административный центр.

Туристу в Омске на квартире отказали в воде для умывания.

Льет дождь, и водовозы не везут воду, так как к реке нет путей и неустроено плотов, – объясняют туристу; когда сухая погода – другое дело, – воды сколько угодно.

«Ну, точно на киргизском стойбище, – подумал турист, – все предоставлено стихиям! Странный народ! Неужели за триста лет существования города нельзя было устроить подъезд к реке?».

– «Триста лет, триста лет!» – повторял турист, направляясь лично обозреть подступы к воде.

Первое время он шел быстро по деревянному тротуару, затем при переходе на другую сторону улицы не оказалось перекладин. Турист остановился. На нем по сезону мелкие галоши. Но омские обыватели смело, он видит, лезут по колено в грязь... Турист колебался.

– Не подвезти ли, барин? – подвернулся извозчик. – Спасибо, спасибо, вези!

Поехали к пристаням. Подле водокачки взмыленная лошадь остановилась. Экипаж погрузился в клейкое месиво до половины колес. Извозчик резко стегнул благородное животное кнутом. Лошадь стала на дыбы, рванула вперед; что-то затрещало. Лошадь с оглоблями побежала вперед. Извозчик с козлами опрокинулся в грязь.

Турист вынул из кармана фотографический аппарат и мгновенно, не слезая со своего разбитого трона, получил снимок крушения...

Извозчик, прилаживая оторванную часть экипажа с приведенной лошадью, чесал в затылке и кого-то бранил...

Туристу стало жаль его... Лошадь измучил, экипаж обломал; ну где тут думать о заработке?!

– Вот что, друг! – обратился он к извозчику. – Я пойду пешком, но тебе уплачу двойную плату, сделай только маленькое одолжение... Вот тебе аппарат, сними меня! Отойди, наведи аппарат, щелкни вот так и готово!.. Извозчик повиновался.

Через несколько минут турист шагал по грязи уже без галош, потерянных, и сам не знает где, утешая себя, по крайней мере, двумя фотографическими снимками...

Уже вечерело, а наш неудачник все шагал из улицы в улицу, в беспокойстве ища свою квартиру. Он заблудился. Усталый, весь в грязи, проходил он мимо какого-то большого освещенного здания. Вдруг аплодисменты, крики: браво! – что такое?

– Здесь чествуют переизбрание на новое 4-летие главу городских благоустроителей... – сообщил какой-то пешеход.

«Поистине, киргизское стойбище!.. – подумал турист и закричал неистово: – «Извозчик, извозчик!!!».

Кое-как, при помощи возницы, разыскал он поздно ночью свою квартиру и, обуганный хозяйствкой за «позднее шатание», повалился в изнеможении на ночлег.

Долго он не мог уснуть. То вставали перед ним изящная, нарядная Тюмень, то унылый с вздрагивающей губой извозчик у водокачки, то просторные здания в изобилии раскинутых в Тюмени народных школ, то Омское открешивание от учебного заведения, о чем он слышал еще на пароходе.

Тут вспомнил он слова поэта:

Ты и могучая,
Ты и бессильная!..

Удивительное явление в мире – матушка Русь!.. Все, все сходит с рук, как с гуся вода...

Как бы ни сложились условия жизни, как бы ни трудно пришлось россиянину – он тряхнет головой и промолвит: «Да, ничего!..».

В Омске это «ничего» совершаet неподражаемые сюрпризы, напрашивавшиеся в «Стрекозу»¹.

Сибири предложено открытие Ветеринарного института. В Омской думе рассматривается вопрос: следует ли просить об открытии его в Омске или прокатить вопрос на «вороных»?²

Голоса некоторых гласных лились, как трели соловья. Говорилось о значении ветеринарной науки для Степного края, где скотоводство и овцеводство составляют главное занятие населения, упоминалось о скотских повальных болезнях, разоряющих скотоводов, об их невежестве, о безусловной желательности внести научный свет в обиход киргизов – этих природных табунщиков и т. д., и т. д., – выставлялась, наконец, на вид всесторонняя польза для Омска от одного лишь присутствия в нем высшего учебного заведения, и что же?

– Да «ничего»: прокатили на вороных!!! Не надо! – и все тут рассуждение.

Заштитник проекта вылетел из думы как крыловский соловей за тридевять земель. Ну, а потом?

– Да «ничего» – стал ходить в думу, как ни в чем не бывало!..

Турист со всеми этими думами вовсе не спал и с рассветом, «ничего» не успев обозреть, покинул город...

– Пусть изучают Омск другие туристы, – думал наш печальник, ныряя экипажем из одного грязного ухаба в другой. – Тут нужны отвага, горланистая речь, высокие сапоги и необыкновенное терпение; не по мне такая задача.

Пожалеем его, бедолагу. Не лучше было бы начать турне с Омска и закончить Тюменью?

26 июля 1905 г., г. Омск.

Л-в. Дорожные впечатления: Тюмень, Тобольск, Омск // Степной край [Омск]. – 1905. – 30 июля.

1907-1908 гг.

Сибирская весна коротка, и солнце уже заливает зноем нашу тихую улицу. Эту улицу образуют одноэтажные деревянные домики, иногда покрашенные охрой в грязно-желтый цвет. Почти каждый дом имеет

¹ «Стрекоза» – еженедельный художественно-юмористический журнал с карикатурами либерального направления. Издавался в Петербурге с 1875 по 1918 гг. – Сост.

² Т. е. накидать в урну для голосования черных шаров, проголосовать против. – А. С.

выходящее на улицу парадное крыльцо и, уж обязательно, каждый дом имеет крепкие ставни, запирающиеся на ночь болтами.

Каждый дом отделен от другого длинным досчатым забором, за которым расположены: огороды, сараи, пустыри. Рядом с домами и вдоль заборов проложены узкие деревянные тротуары. Между заборами и тротуаром растут чахлая травка, желтые цветы, одуванчики. А вся проезжая часть улицы заполнена мощным слоем пыли, если стоит засуха, или глубокой, непролазной грязью, когда пройдут дожди.

Налево от наших ворот, за флигелем хозяйки, конечно после забора, стоит дом, в котором живут Раленбеки, потом дом Кучевских, потом угловой дом с магазином, где продаются золотая и серебряная бумага, открытки с блестками, облатки, переводные картинки и многие привлекательные вещи. За магазином нашу улицу пересекает Загородный проспект.¹ На нем стоят столбы с густой сетью телеграфных проводов. Эти столбы всегда интересно гудят, если приложить к столбу ухо.

По этому проспекту мы ездим в Загородную рощу, а наша улица, кстати, она называется Надежденской², после пересечения проспекта слегка поворачивается вправо. Если пойти по ней дальше, то можно прийти на пустынную площадь.

Площадь эта очень большая. Часто ветер поднимает на ней тучи пыли, засыпает глаза. На этой площади стоит церковь³. Ее купол и крыша колокольни покрыты блестящими ромбовидными плитками. Бабушка говорит, что это белая жесть, но мне кажется <...> что это «слюда». Так мы называем кристаллы гипса, которые иногда выкапываем из глины около нашего каретника.

Недалеко от церкви, за полосой чахлой травки стоит белый двухэтажный каменный дом. Некоторые окна у него за железной решеткой. Это казначейство. <...>

Движение по нашей улице, если не считать коров, возвращавшихся вечером из стада, не было никакого. Прямо против нашего крыльца строили мы из пыли длинные насыпи, клали на них жестяные рельсы и пускали по ним маленькие заводные паровозики с вагончиками.

И никто никогда не мешал нам в этом. А, если и случалось какому-нибудь извозчику чудом заехать сюда, то он осторожно объезжал нашу постройку или останавливал лошадь и вместе с седоком долго дивился на нашу затею.

Правда, иногда случалось, что по улице проходили солдаты или арестанты, которых вели на баржи, чтобы отправить куда-то далеко, но это было уже событие. <...>

Порою на том же самом Загородном проспекте вдруг возникал грохот и треск, вроде пулеметной стрельбы. Услышав это, мы, мальчишки, со всех соседних кварталов, бросив все дела, немедленно сбегались на шум, стремясь

¹ Ул. Капцевича (Красный Путь). Видимо, неофициальное название. – А. С.

² Ныне ул. Чапаева в Центральном административном округе. – Сост.

³ Успенский кафедральный собор. – Сост.

не прозевать интересного зрелища. Этот грохот и треск означал, что по проспекту, поднимая слепящие тучи пыли, «мчалось» новое изобретение человеческого гения – автомобиль!

«Мчался» он, правда, лишь чуть-чуть быстрее обыкновенного извозчика, и это позволяло нам целый квартал, а при удаче и два, сопровождать его громким «Ура-а!», пока наше место не занимали мальчишки следующих кварталов. <...>

Как-то незаметно <...> самостоятельно я научился ходить в мелочную лавку к Пояркову. Поярков торговал и пряниками, и керосином, и солеными огурцами, и колбасами, и халвой. Здесь на медные копейки можно было приобрести множество вкусных, большей частью запретных вещей, как-то: конфеты «Раковая шейка», ириски, «Жевательная»; и, наконец, самое замечательное и строго запретное – съедобная «кожа», которая казалась нам на вкус непревзойденной прелестью. Покупать, а тем более есть ее нам категорически запрещалось ввиду весьма сомнительной чистоты, а лучше сказать, несомненной нечистоты ее изготовления.

Делалась эта кожа, вероятно, из крепко спрессованных высушенных фруктов. Продавалась она листами размером чуть меньше страницы ученической тетради. Купив такой лист, не помню уж, за одну или две копейки, мы, ребятишки, тут же разрывали его и делили на всю компанию. После довольно длительного жевания кожа эта во рту размягчалась и приобретала кисло-сладкий вкус. В то же время она окрашивала губы, язык, десна и даже зубы в синий цвет, что обычно и разоблачало наше преступление. <...>

Кирпотин Н. С. Время моего детства // Культура: немцы Сибири [Омск]. – 2009. – № 1 (17), окт. – С. 145, 152, 153.

1908 г.

...*В* четыре часа дня показался Омск. Он раскинулся на песчаной равнине. Нас встречал офицер полиции. Немногим более двенадцати часов потребовалось на то, чтобы преодолеть расстояние в 390 километров от Каинска до Омска. Мы въехали в Омск в часы воскресного гуляния. По дощатым тротуарам спокойно двигалась людская масса горожан, судя по всему, одетых в свои лучшие платья. Они вышли подышать свежим воздухом. Шествовали офицеры и чиновники при полном параде со своими семьями, ведя за руку детей. Ощущалась атмосфера провинциального города на отдыхе. Затем мы перешли по прекрасному мосту через Омь вблизи ее слияния с Иртышом. По берегам растянулись судоремонтные мастерские, у причалов стояло несколько больших пароходов, которые плавают летом по Иртышу вниз до Тобольска и вверх до Семипалатинска.

Мы увидели картину активной хозяйственной деятельности на современном уровне, которая подействовала на нас как открытие: показалось, что мы уже в центре Европы. Иркутск предстал перед нами политическим центром, Томск – интеллектуальным центром азиатской России, здесь же, в Омске, сосредоточилась коммерческая деятельность. Омск – центр промышленный. На пристанях мы видели только машины, тысячи их были готовы к отправке в нетронутые степи Кулунды и Наимана. Это были новейшие машины, которые выпускала промышленность для сельского хозяйства – даже те из них, к которым с предубеждением относились как к новшеству во многих цивилизованных странах Европы.

Перестраивать сложнее, чем строить заново. Омск строит заново. Необъятные просторы «черных земель», которых до сих пор совершенно не касался человеческий труд, уходят под глубокую вспашку американскими двухлемешными плугами, засеваются новейшими сеялками и обрабатываются самыми совершенными машинами, которые для этой цели придумала цивилизация. Омск получает и продает более чем на 20 миллионов марок сельскохозяйственных машин для вновь возделываемых пахотных земель. Даже киргизы, которые никогда не держали в руках какие-либо сельскохозяйственные орудия, отправляются по Иртышу до Омска, чтобы купить машины. И начинают с лучшего, что имеется. Многие виды промышленности, которые здесь были почти неизвестны, возникают и приобретают значение на мировом рынке.

Специальный поезд, составленный из вагонов-ледников, ежедневно пересекает границы Сибири и перевозит свежее масло, две трети которого попадает на английский рынок. В последние годы область между Омском и Курганом вывозила масла на сумму около 100 миллионов марок. Сибирь преданий, безотрадное место ссылки, снегом и льдом покрытое место обитания голодных волчьих стай больше не существует, если она вообще когда-нибудь существовала. Она предстает перед нами краем, в котором значительно больше предприимчивости и богатства, чем в России. Никто теперь не может без оговорок сказать, какое у этого края будущее, если мы являемся свидетелями такого его пробуждения. <...>

Барцини Л. Итальянцы в Омске / пер. с нем. И. Кирющенко // Ом. правда. – 1989. – 3 февр.

1909 г.

Омск вообще отличается исключительной индифферентностью к животрепещущим общественным вопросам. <...> Даже вопросы городского самоуправления, уж, казалось бы, самые насущные вопросы, почти не интересуют не только население, но и самих отцов города. Вот уже шестое

заседание [городской думы – Е. Т.] в течение февраля не может состояться за неприбытием достаточного числа гласных.

Словом, город, несмотря на массу населения и бойкость торговли, а также несмотря на то, что Омск является одним из главнейших узловых пунктов Западной Сибири, – спит непробудно. <...>

А-ть. Сибирские письма. Омск // Сиб. вопросы. – 1909. – № 10. – С. 21-22.

Грустную картину представляет из себя жизнь г. Омска: серое, нудное обывательское существование изо дня в день; безнадежные сумерки; никакого просвета впереди. Обыватель окончательно заснул, а немногочисленная интеллигенция погрузилась в квietизм. Всякая общественная работа замерла: местное «Общество попечения о начальном образовании» закрыто генерал-губернатором с год тому назад и все имущество его перешло в ведение городской думы, где и находится без всякого употребления в качестве мертвого капитала. Благодаря закрытию «Общества» город не имеет в настоящее время ни одной воскресной школы для стотысячного населения. Принадлежавший «Обществу» детский сад – единственное место, где дети могли летом отдохнуть от пыли и поиграть, а зимой покататься на коньках, – этот сад сдан думой под кафе-шантан местному ресторатору. Словом, единственное в гор. Омске просветительное «Общество» разгромлено совершенно.

О существовании «Географического общества» забыли, кажется, даже члены правления его. «Медицинское общество» изредка собирается для обсуждения своих узкопрофессиональных вопросов. «Сельскохозяйственное общество» спасает от спячки затянутая им выставка в гор. Омске в будущем году, о которой уже сообщалось на страницах «Сибирских вопросов»¹. Но всю работу по организации выставки ведет, собственно, не «Общество», а избранные им выставочный комитет и комиссариат. И с первых же шагов их деятельности стал чувствовать недостаток знающих работников, людей инициативы, энергичных.

Несколько взбаламутили застоявшуюся общественную жизнь недавно бывшие здесь выборы в городскую думу, еще не законченные и до настоящего времени. Омский обыватель терпелив: безропотно глотает пыль, тонет в грязи на городских улицах и площадях, ломает себе ноги в темные вечера (освещение не всегда полагается), пьет грязную воду и т. д., и т. д. Но всему бывает конец. Пришел конец и обывательскому долготерпению. Перед выборами зашевелились, заволновались. Критиковали деятельность старой думы или, вернее, преступную бездеятельность ее (бывали случаи, когда дума по три раза подряд не собиралась в законном числе), указывали на недостатки и злоупотребления в городском хозяйстве, составляли и

¹ В 1911г. в Омске по инициативе Омского отдела Московского общества сельского хозяйства были открыты Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка. – Л. О.

рассылали списки новых кандидатов, устроили несколько предвыборных собраний, вырабатывали проекты городских реформ. Две местные газеты также горячо вели пропаганду за «реформистов».

Но... мещанин победил. Оказался переизбранным почти весь старый состав. Из группы прогрессистов прошли единицы. Путившее глубокие корни кумовство и «радение родному человечку» одержали верх над случайными предвыборными группировками кучки прогрессистов. Явившиеся к урнам четыреста избирателей из 4 тысяч, обладающих соответствующим цензом, продиктовали свою волю остальным 96-ти тысячам городского населения, не имеющим избирательных прав.

Дополнительные выборы, конечно, не изменят уже определившегося состава «новой» думы. Неожиданный результат выборов и несбывшиеся надежды на обновление повергли всех в уныние. Опять приходится надолго мириться с ужасающим неблагоустройством города и годами ждать водопровода, электричества, мостовых и трамваев.

Много терпит обыватель от городского управления, но не сладко ему приходится и от администрации. Местный генерал-губернатор Шмидт¹ «действует»: издает постановления, запрещает, разносит, повелевает. Омский «Союз Михаила Архангела» находится под его покровительством. Само собой разумеется, что газеты ведут себя «тише воды, ниже травы», так как в противном случае им обещаны немедленное закрытие и высылка редакторов. Знаменитое в наши времена: «Вышлю в 24 часа» наполняет трепетом робкие и неробкие сердца, и обыватели предупредительно ведут себя в полном согласии с предначертанными свыше регламентами.

Шмидт – просвещенный генерал, и плоды его «просветительной» деятельности на лицо. «Общество попечения о начальном образовании в г. Омске» закрыто со всеми его учреждениями: школами, детским садом и т. д. Еще до закрытия у преподавателей кадетского корпуса отбирали подписки, что они не будут состоять членами этого «Общества»: настолько властям казалось опасным разрешить педагогам работать на пользу народного образования! Преподавателям мужской гимназии было категорически заявлено (в присутствии учащихся!), что при малейшем уклонении их от норм и правил, «подлежаще утвержденных», они будут высланы в 24 часа.

Хотя военное положение в гор. Омске недавно заменено чрезвычайной охраной², многие обязательные постановления сохраняют свою силу. Имеется специальное постановление даже для учащихся, отданных этим постановлением чуть-ли не под надзор полиции.

«Просвещенный» Шмидт отменно любит все русское, и отныне, по его распоряжению, все вновь образующиеся селения российских переселенцев: малороссов, латышей и др. народностей должны носить исключительно русские названия. <...>

¹ Е. О. Шмидт – генерал-губернатор Степного края в 1908-1915 гг. – Сост.

² В 1905-1909 гг. в России действовали правила о военном положении, позже – чрезвычайной и усиленной охране. – Сост.

Вот до каких курьезов доходит рвение низших агентов власти при соответствующем направлении курса в высших сферах!

Давыдов П. Сибирские письма. Омск (Обывательская жизнь) // Сиб. вопросы. – 1909. – № 39/40. – С. 26-29.

В настоящее время Омск становится центром всяких сельскохозяйственных предприятий и всевозможных экспериментов в этом направлении. Здесь несколько складов сельскохозяйственных машин; здесь до известной степени биржа для продажи лошадей, покупки шерсти, хлеба и т. д. Город, говорят, быстро растет и в недалеком будущем должен обогнать и Томск, и Иркутск. «Если бы не военное положение, – говорят омичи, – то ли еще было бы из нашего города». Омск – единственный город на линии железной дороги, который в настоящее время имеет немало шансов на процветание.

Попов И. И. По Сибири // Сиб. вопросы. – 1909. – № 29. – С. 19-20.

1910 г.

Я пришел к заключению, что Омск возможно легко сделать настолько привлекательным садами и насаждениями, что лет через десять он будет служить для Западной Сибири образцом в этом роде. Как в Ригу, знаменитую своими садами, наезжает для осмотра масса лиц из России и даже заграницы, так и в Омск будут тогда ездить из всех концов Сибири знакомиться с садоводством.

Лассман.

Цитируется по: Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. – Омск: Кн. изд-во, 1960. – С. 90.

<...> **Я** хорошо помню этих казахов, продававших кумыс на улицах и мясо на базарах, этих всадников в цветных малахаях на лисьем меху, этих наездниц на верблюдах – казашек в зеленых и фиолетовых бархатных шубах и в шапочках с перышками птиц. Но наряду с этими детьми природы я помню и торговавших на том же Казачьем базаре одетых в гоголевские свитки украинцев и кутающихся в сибирские тулупы рыжих немцев-колонистов. И помню разговоры о том, что масло лучше всего брать у латышей, а яйца у эстонцев. Эти воспоминания трудно согласуются с энциклопедическим словарем, утверждающим, что в эти годы вокруг Омска обитали только русские и казахи. Возможно, что на омских базарах торговали не только из Омского, но и из других уездов, но, во всяком случае,

недалеких от города, потому что я знал: до немецких колоний за Иртышом рукой подать, туда летом горожане ходили чуть не пешком собирать землянику в березовых колках той лесостепи, которая обозначалась на старых картах как кочевья киргиз-кайсаков.

В начале двадцатого века с проведением железной дороги Зауралье быстро заполнялось переселенцами из Европейской России, из Украины, из западных районов, и вполне естественно, что Омск и его окрестности быстро меняли свой энциклопедический облик. И я с уверенностью могу сказать, что в том же 1910 году Омск представлял собой скопище людей не двух, но по крайней мере двенадцати национальностей. Но, выписывая эту длинную и, по существу, совершенно правильную фразу, я все же не даю никакого представления о том, как выглядел въявь этот плоский, купающийся в соленой пыли гигантский пшеничный блин-город. Взять хотя бы тот же Никольский проспект, эту немощеную, глинисто-пыльную летом, весной и осенью – глубоко слякотную, а зимой – волнообразно-сугробную улицу между Казачьим садом и Казачьим кладбищем, ту самую улицу, на которой мы жили. <...>

<...> Иртыш привлекал меня не столько как место для купания, собирания камней или ловли рыбы, сколько как приют кораблей. Великанши-баржи, когда их извлекали на берег для ремонта, казались мне Ноевыми ковчегами с библейских иллюстраций Доре. А с каким восхищением смотрел я с железного моста¹ на пароходную пристань в устье Оми, на стоящие у дебаркадеров белые, пахнущие чистым паром пароходы «Европа», «Азия», «Витязь», «Баян», «Михаил Плотников», «Феликита Корнилова», «Андрей Первозванный» и, наконец, «Товарпар», носивший на кожухах колес это эффектное, уже вполне в духе двадцатого века телеграфное сокращенье названия товарищества пароходства и торговли. Это были двухпалубные пассажирские суда, но часто с иртышских верховий с озера Нор-Зайсан и чуть ли не с границы Китая приходили и однопалубные, мелкосидящие товаропассажирские пароходы. И наоборот, с низовьев Оби, чуть ли не с Карского моря, изредка поднимались до Омска черные, высоконосые, с мачтами, приспособленными для ношения парусов, служебные и купеческие кораблики, названий которых я не помню. <...>

Это [Атаманская улица – Е. Т.] была, кажется, даже и тогда мощеная булыжником, людная улица, соединяющая центр города с вокзальчиком городской ветки. На Атаманской были кое-какие магазинчики, а главное – фруктовые подвальчики, где продавались кишмиш, чернослив, рожки и громоздились ароматные пирамиды крупных верненских яблок и продолговатой крымской кандили.

Мартынов Л. Воздушные фрегаты: новеллы. – Омск: Кн. изд-во, 1985. – С. 16-17, 19, 39.

¹ Железный мост через Омь открыт 7 июля 1903 г. Другие названия моста – «Французский», «Парижский». Разобран в 1966 г., сейчас на его месте мост «Юбилейный». – Сост.

Бесцельно я бродил по пыльным улицам города, который, по словам торговцев, скоро станет русским Лейпцигом. Торговые склады, филиалы московских мануфактуристов, жировая ярмарка, обещающая ежегодный оборот на сотню миллионов рублей, центральный железнодорожный узел, связующий радиально все четыре зоны Европейской и Азиатской России – все это говорит за то, что Омск в самом непродолжительном времени будет представлять из себя живой, бойкий торговый город с асфальтовыми улицами, электрическим освещением, трамваями, метрополитеном. А пока... те же облака пыли на улицах, превращающейся после хорошего дождя в море невылазной грязи; то же скучное освещение, не разгоняющее ночного мрака и в двух шагах; те же трандуплеты и извозчики гитары, служащие единственным средством передвижения; та же крикливая торговая сутолка, напоминающая толчок, та же переселенческая бестолочь, убивающая будущего колонизатора и материально, и морально; те же караваны верблюдов и отары овец, поднимающие тучи едкой пыли и оглушающие ревом уши обывателей...

Яковлевич. Из сибирских скитаний. IV. Кооператор // Сиб. вопросы. – 1910. – № 50-52. – С. 3.

1900-е – 1911 гг.

Омск – город без прошлого, вернее, с печальным прошлым, тоскливым и однотонным, как осеннеое небо. <...> Омск – город бюрократический, «не излюбленный» по преимуществу. Основанный в 1716 году, он в 1810 насчитывает едва 488 душ¹. Потребовалось столетие, чтобы Омск разросся до полутора тысяч жителей! Физиономия города определилась с первых шагов. Все население его было исключительно военно-служилое; «подлого народа», купцов и разночинцев не было. Комендантский дом, дом для инвалидов и комендантская канцелярия – единственные здания будущего Омска.

Окруженный пустынями и степями, откуда только с целью грабежа набегали изредка полудикие орды киргизов, Омск никогда не был торговым городом. Богатого купечества и сильного мещанского общества здесь не было; значительный процент населения составляли отставные чиновники, офицеры и солдаты. Жизнь в Омске была самой дешевой в Сибири; все чиновники здесь коротали свой век на скучные гроши пенсии. Город Акакиев Акакиевич, Омск был мертвым городом. Полковой бал, пунш и фейерверк у коменданта – радости, дальние которых не шла сонная мысль обывателя. И если здесь изредка «чинили комедию», то шум шел в сибирских газетах:

¹ Видимо речь идет о податных городских сословиях (купцах, мещанах и т. д.). Вместе с военными население Омска в этот период никак не менее 9000 человек обоего пола. – А. С.

признаки жизни в чиновничьем городе! Человек в Омске ценился только как поручик, генерал, статский советник. Город без общества, без общественной жизни; город сослуживцев, зараженный формой, дисциплиной, инстанцией...

Жизненный нерв Омска – награда, наградные! Интрига оживляла мертвую атмосферу. «Какой-нибудь А., жестикулируя и бросая молниеносные взгляды направо и налево, грозно заявляет, что ежели Б. получит 200 рублей наградных, а ему А. дадут только 175 р., то это будет страшное «свинство» и «ни на что не похоже», и ему тогда остается только плюнуть на все и бросить службу!».

Существовать «вне службы», жить без местечка, без 20-го числа, быть человеком, не будучи чиновником, – для Омска было неприлично, стыдно...

Омск ничего не производил; он потреблял и расходовал. Канцелярский и военный, он не мог жить без плошек для иллюминаций и свеч для канцелярий: три завода заботились об этом.

«Почтовая станция», «гостиница», «город отставных чиновников» – вот прошлое Омска, прошлое до «Великого Сибирского пути».

Железная дорога прорезала Сибирь. Свисток локомотива пробудил жизнь, точнее, – мечты о жизни. Омск – на выгодном месте. С юга на север Сибири – Иртыш; с запада на восток – магистраль дороги. Точка их пересечения – Омск – оживает. Растут городские сословия, чиновник растворяется в массе. Вывески канцелярий теряются среди торговых контор и складов, растут фабричные и заводские трубы. 113 омских заводов и фабрик с производительностью в 1181400 р.! Грузооборот Омска в 1909 году превышал 15 миллионов пудов; земельные сделки до 100 и более рублей за десятину!

Будущее Омска блестяще, полно заманчивых перспектив; они основаны на цифрах: из Омска вывезено масла в 1900 году 224 тысячи пудов, в 1904 г. – 451000 пудов, в 1907 г. – 540000 пудов и в 1909 г. – уже 628000 пудов. 67,5 % всей вывозимой из Западной Сибири шерсти приходилось в 1903 г. на долю Омска. Падают степные ярмарки, торговля переходит в города при железной дороге, Омск среди них занимает первое место. Масло, шерсть, кожи, жировые товары. Московские купцы избирают Омск складочным местом своих фабрикатов, иностранные фирмы устраивают здесь свои конторы. Банки Омска выдают: по учетам [векселей – Е. Т.] в 1900 году 1380000 рублей, а в 1909 г. – 7684000 р.; по ссудам различных наименований в 1900 г. – 1008000 рублей, а в 1909 г. – 12478000 руб.

Капитал пришел в Сибирь; Омск – его штаб-квартира. Рубль интернационален и деятелен; он прогоняет спячку и стягивает под свои знамена работников всего мира; и не для украшения теперь в Омске разеваются консульские флаги Дании, Швеции, Англии, Германии и Северо-Американских Штатов!

Теперь в Омске 116000 жителей, две ежедневных газеты, 17 просветительных, ученых и профессиональных обществ, 2 городских общественных библиотеки, 8 средних учебных заведений, 16 городских

начальных школ. Но Омск еще в будущем. Тюменская дорога даст ему новые силы. Менделеев говорил, что центр России переместится к Омску.

«Мертвый дом», «город Акакиев Акакиевичей» в прошлом, Омск – Лейпциг будущего.

[Хохряков А. Е.] Лейпциг, Афины и Иркутск // Сиб. вопросы. – 1911. – № 35/36. – С. 1-3. – В конце текста: А. Х.

1910-е гг.

Самый населенный город Сибири, Омск, своим быстрым экономическим развитием обязан своему великолепному географическому расположению на пересечении магистрали с Иртышом, по которому из всей Семипалатинской области к нему направляются хлеб и продукты скотоводства. Как ближайший к Европейской России центр Сибири со столь счастливым географическим положением, Омск сделался центром громадных операций по скупке сибирского сырья и обширных складов фабрично-заводских товаров и сельскохозяйственных машин.

Головачев П. М. Экономическая география Сибири. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. – С. 164.

По сравнению с Тарой и Тобольском, Омск – огромный город. В нем было сто тысяч жителей! Сто тысяч! <...>

В Омске впервые я увидел железную дорогу. Зеленые красавцы паровозы с красными колесами. Темно-синие и желтые вагоны – это скорые поезды. Мы встречали и провожали их на вокзале. И пристани омские были оживленней. И главная улица – Любинский проспект – была вымощена серым булыжником. По городу ездили верхом на лошадях чубастые казаки. А в руках их были пики. Над городом иногда висела «колбаса» (стратостат). Под ней – корзинка, в корзинке – счастливейший человек: он выше всех и видит все. В Омске были два синематографа – «Прогресс» и «Иллюзион», цирк, театр.

В Омске я впервые увидел самолет. Это была «этажерка» – биплан. В 1912 году летал на ней бесстрашный авиатор Васильев. Он поднимался с ипподрома. Делал несколько небольших, невысоких кругов и опускался туда же. <...>

Уфимцев В. Говоря о себе: воспоминания. – М.: Сов. художник, 1973. – С. 22.

1911 г.

*Д*ень ясный, слегка морозный. Ныряют по ухабам извозчики сани, мелькают невысокие деревянные, раскрашенные домики вокзального пригорода. Слева широкой и белой пеленой, так же как и Обь, уходит на север Иртыш. На правом берегу его впереди острыми пиками торчат немногочисленные фабричные трубы и церковные и пожарные башни.

Вот справа обширный с бедной растительностью лагерный парк, с низенькими белыми бараками... Просторная площадь, кое-где окруженная начавшимися строениями. А правее от лагеря, в начале Казачьего форштадта, на ровно раскинутом обширном плацу, грациозно красуются легкие, стильные и нарядные павильоны различных величин и архитектур: то будущая промышленная выставка¹. Вот и теплые оранжереи, где уже посеяны и растут садовые, огородные, лесные и полевые злаки... хорошо! – вот думаю: все это в июне оживет, принарядится и зашумит, наводненное людьми и экипажами.

Вот и Казачий форштадт с его низенькими полусельскими строениями. Проехали.

Кадетский корпус!.. О, да... Это нечто, граждане, страшно-каменное и серое... Почти за сто лет много здесь воспитано воинственной молодежи. Вспоминаю, что действительно, от времени основания б[ывшего] «войскового училища» в 1913 году исполнится сто лет. И еще вспоминаю, что наш Г. Н. Потанин здесь получил первые свои знания, здесь он маршировал с красными погонами и здесь его «муштровали», готовя к военным подвигам...

А вот и ящикообразный генерал-губернаторский дворец с четырехугольной башней на крыше... Вкус у господ строителей был неважный!..

– Вас куда прикажете? – спрашивает извозчик. – За Омь?

– За Омь!

Хороший железный мост и совсем московский уголок – Любинский проспект, кишащие людьми и экипажами... Это – самое сердце города Омска. Под мостом обширный каток, а в Оми, узенькой и кривой речке с крутыми берегами, бесконечная цепь замороженных пароходов и барж...

На Любинском, состоящем из двух рядов преимущественно двухэтажных каменных домов, – все магазины. Коротенький проспект кончается быстро, а после подъема на горку начинается все та же большая деревня с бестолково раскинувшимся базаром... Только слева, перед началом старых крепостных построек, солидно красуется роскошное здание городского театра...

¹ Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка проходила в г. Омске с 15 июня по 15 августа 1911 г. – Сост.

— Вот в Томске бы такой же!.. — завистливо думаю. — Не плакали бы антрепренеры, которых Томск так щедро награждает убыtkами...

Дальше кафедральный собор, тяжелые, скучные здания казенных учреждений, а немного дальше, против массивного рыжего корпуса казенной монополии, и квартира моего товарища.

Отсюда виден уже и конец города.

Останавливаюсь.

Первое, что должно привлекать туриста, — это музей географического общества. Здесь вы сразу попадаете в осколки степной, преимущественно киргизской старины. К сожалению, музей этот почти не посещается публикой, потому что полное отсутствие интереса к своей стариине в сибирском обществе типичная черта.

Второе — это театр... В нем постоянно довольно приличная труппа, и за последние годы часть омской публики в достаточной степени развила свои театральные вкусы. Но этой публики очень немного. Большинство же публики такой, которая приходит в театр или случайно, или на такого рода представления, жажды к которым изобличает в ней дурные наклонности... Омскую публику можно разделить на четыре категории: военные, чиновничество, коммерсанты и пестрая, смешанная с мещанством толпа.

Театральная аудитория, таким образом, составляется из всех этих сословий, но в то же время каждое из этих сословий имеет еще и свои общественные развлечения: у военных есть военное собрание, где танцуют и играют в карты; у чиновников есть общественное собрание, где танцуют, играют в карты и устраивают маскарады; у коммерсантов есть коммерческое собрание, где танцуют, играют в лото и в карты и устраивают спектакли и маскарады. К услугам же пестрой толпы есть много иллюзионов, зал вольно-пожарного общества и, наконец, изредка театр.

Есть еще и отделение Императорского музыкального общества, которое, несмотря на обычные в таких учреждениях обывательские разногласия, за 30 л[ет] своего существования создало довольно порядочный контингент музыкантов. Музыкальные вечера устраиваются редко, но охотно посещаются самой изысканной публикой и выполняются очень хорошо.

Но никаких литературных обществ и кружков в городе нет, и в этом отношении Омск представляет собой унылую картину...

Да и с газетами Омску не везет. Все более прогрессивные и серьезные газеты немедленно закрывались и лучшие сотрудники высыпались, а остающиеся газеты щадились при условии угодничества начальству и в лучшем случае «держали нос по ветру»... Руководящие статьи в такие газеты диктовали по телефону из надлежащих учреждений...

Бывали случаи, что приходит в редакцию, например, тот же протоиерей Голосов¹, дает свою «статью» самого «кровожадного» содержания и тоном приказания говорит:

¹ Александр Голосов — настоятель Успенского кафедрального собора, законоучитель в первой женской гимназии Омска, организатор местного отдела черносотенной организации «Союз русского народа». — Сост.

— Для воскресного номера! — и держащие нос по ветру печатали...

Случалось как-то, что один из редакторов напечатал такую статью под заглавием «стороннее сообщение» и представил автору счет, назначив по пятьдесят копеек за строчку... Но из этого вышло то, что потом редактора так «доехали», что он и теперь, вероятно, помнит, что значит не слушаться начальства... Так говорят очень свежие предания.

Но в Омске все-таки нашелся отважный редактор и еще очень недавно в первых номерах «Сибирской строки»¹ вскрыл такой нарыв из омской хроники, что зловонный фонтан окатил ни одного из почтенных ревнителей благочестия...

Правда, издание это тотчас же было закрыто, а редактор замурован в каменные стены, но и «ревнители благочестия» общественным мнением все-таки уже пригвождены к позорному столбу... Читатели-сибиряки, вероятно, достаточно наслышались об этом «вскрытии», имя которому «Голосовщина», т. е. систематическое растление гимназистов преподавателем Закона Божия.

А не будь этого отважного редактора, м[ожет] б[ыть], единственного в Омске, «хорошие» педагогические приемы до сих пор бы здравствовали, как здравствует, несомненно, еще многое, о чем не могут проронить слово местные газеты.

Но неуспех омских газет объясняется еще и колossalной некультурностью омского населения...

О степени культурности омского общества можно судить по следующему.

Почти единственная библиотека имени А. С. Пушкина посещается таким ничтожным количеством читателей, что для Омска с 80-тысячным населением это смешно. Книжных магазинов в Омске всего два: это магазин в частной квартире г[осподина] Александрова и побольше, на Любинском проспекте, какого-то еврея, который даже сердится, когда у него спрашивают книги:

— Какие книги? Вы видите, что у меня нет книг? У меня писчебумажный магазин; это только на вывеске стоит «книжный»... Разве в Омске можно торговать книгами? Здесь совсем не интересны книги!..

И действительно, книжный магазин Александрова, имеющий некоторый запас новейших книг, редко видит в своих стенах покупателя... А имеющиеся книжные киоски торгуют исключительно лубочными изданиями и открытками...

Большие надежды в смысле культурного отрезвления Омска возлагаются на предстоящую выставку...

Насколько оправдаются эти надежды и насколько промышленная выставка может подействовать на ум и сердце омичей, пока судить преждевременно...

¹ Общественно-литературный юмористический журнал под редакцией С. К. Воронкова издавался в Омске в 1910 г. Вышло шесть номеров. — Сост.

Но скажем в заключении, что пока этого не только не чувствуется, а напротив, заметно возвышение других, более плотоядных инстинктов: купцы печатают о рекламе и сбыте залежавшихся товаров, сластолюбивые чиновники – о приезде роскошного шантана с букетом пикантных певиц, дамы готовят изящные туалеты. Домовладельцы, потирая руки, собираются вдвое увеличить и без того дорогую квартирную плату, а средняя публика жаждет дешевых зрелищ. И даже некоторые из редакторов не чужды нескромных мечтаний о... большом притоке объявлений.

Словом, Омск ждет богатых и знатных гостей, а что будет им показывать, кроме жадного невежества, покажет недалекое будущее...

[Гребенников Г.] По городам Сибири: В Омске // Сиб. жизнь [Томск]. – 1911. – 23 февр. – В конце текста: Алтаич.
Цитируется по: Сиб. огни. – 2012. – № 11. – С. 149-151.

За Омском установилась прочная репутация «пыльного, грязного, азиатского города», и эту репутацию он неукоснительно поддерживает. Осенью его неблагоустройство превращается в настоящее общественное бедствие, требующее вмешательства самого губернатора. Городское же самоуправление в такие моменты стушевывается, предоставляя, по словам «Омского вестника», каждому обывателю по своей инициативе искать путей сообщения по улицам, превратившимся в сплошные лужи.

В исключительных случаях омская управа дает знать о себе «мудрым» распоряжением перегнать с одной улицы на другую «море жидкой грязи»... В итоге такой деятельности – застрявшие водовозы, увязшие прохожие. <...>

Интересен доклад о положении окраин Омска, представленный омской управе г[осподином] Ивановым-Царевым.

Население окраин исчислено докладчиком в 3082 человека. Об их жизни он рассказывает так: «На прогнившем, обращенном в свалку нечистот и постоянно загрязняемом сотнями живущих малокультурных людей участке рождаются и растут дети». Смертность детей громадна – 40 % ... Живут здесь все в землянках. Большинство населения – 54% – алкоголики. Пьянство здесь невероятно; сильно развита тайная продажа водки.

Д. С. Неустройство сибирских городов // Сиб. вопросы. – 1911. – № 47-49. – С. 12-13, 14.

1910-1912 гг.

Омск, областной город Акмолинской области, в короткое время резко изменил свою убогую, «приказную», времен пребывания в нем Ф. М. Достоевского, физиономию. Теперь это уже торговый, с широким будущим, большой сибирский город, насчитывающий до 128 тысяч душ насе-

ления, раскинувшийся верст на 5-7 вдоль берега исторического Иртыша, с 10 тысячами разного рода зданий, из которых каменных свыше 500. Небольшая площадь перед собором в центре города обрамлена рядами каменных построек, выкрашенных преимущественно белой краской. Здесь помещаются генерал-губернаторский дом и самое крупное здание в Омске – первый Сибирский кадетский корпус. С пригорка – перед собором – открывается за Омью вид на короткий, застроенный невысокими, красивой архитектуры, каменными зданиями – главную артерию города – Любинский проспект. Здесь же на Оми, у пристани, бьется и главный пульс торговой портовой жизни Омска: грузятся и разгружаются большие пароходы волжского типа, снуют взад и вперед груженые подводы, совершаются крупные торговые сделки. <...> Омск служит в настоящее время складочным местом для снабжения всеми видами торговли как оседлого, так и кочевого населения обширного Степного края. В городе открыта специальная торговая биржа и работает большое число частных коммерческих банков. Обороты только по операции учета векселей всех находившихся в 1911 году в Омске кредитных учреждений выражались суммой свыше 10 миллионов рублей. Многие московские и лодзинские фирмы, не говоря уже о заграничных, имеют в Омске свою постоянную клиентуру. Омск является также поставщиком на всю округу земледельческих машин и орудий, которых здесь ежегодно продается более чем на 3 миллиона рублей. Из предметов торговли Омска заслуживают особого упоминания масло и скот; последний в живом виде поступает отсюда на московский и даже петербургский рынки.

Фабрик и заводов в Омске к 1911 году насчитывалось 182, с суммой производительности в 3700000 рублей. Торговых заведений было в то же время около 1000 с оборотом в 21,5 млн. рублей. Разных учебных заведений – 64, с 8,5 тысячами учащихся. В городе имеются, кроме того, новое здание городского театра и старый деревянный театр, переделанный из цирка¹. Издаются три газеты. В 1911 году Омск был избран для устройства в нем первой Западно-Сибирской выставки.

Несмотря, однако, на торгово-промышленный рост города, благоустройством он все же еще похвастать не может. Расположенный на ровной песчаной местности, Омск открыт веянию частых и продолжительных степных ветров, отчего горожане сильно страдают в сухое время от пыли. Наоборот, в дождливую погоду улицы Омска, все еще незамощенные (кроме центра города), становятся малопроезжими. Ни водопровода, ни удовлетворительного освещения, ни благоустроенных садов в городе еще не имеется. Местом увеселительных прогулок служит тенистая загородная роща, откуда красивое зрелище представляет расположенный полукругом по берегу Иртыша Омск. С обрывистого песчаного городского берега Иртыша открывается безграничный степной вид на луговой берег реки, теряющийся вдали на фоне голубого небесного свода.

¹ 24 сентября 1905 г. в Омске было открыто новое здание театра. До этого представления устраивались в цирке П. К. Сичкарёва. – Л. О.

К числу достопримечательностей Омска относятся уцелевшие остатки стены былой Омской крепости с четырьмя характерными крепостными воротами, и Никольская церковь, в которой хранится знамя, по преданию, принадлежавшее завоевателю Сибири – Ермаку.

Турчанинов Н. В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 296-299.

1913 г.

На совещании¹ было ярко и выпукло обрисовано главное преимущество Омска перед Барнаулом на право получения Института, это большая культурность Омска и его положение в центре Западной Сибири и в центре главных путей сообщения.

Омск расположен в узле Великого Сибирского пути и второй Сибирской железной дороги Тюмень-Омск, и на р. Иртыш, который является срединой (по географическому расположению) водной артерии всей сети Обь-Иртышского речного бассейна. Недостатков у Омска, как пункта наиболее пригодного для открытия Института, оказалось немного, да и те не столь существенны, а именно указывалось: на однообразие естественно-исторических условий лесо-степной черноземной полосы, в которой расположен г. Омск, тогда как недалеко от Барнаула находятся и другие естественно-исторические зоны – предгорья, горы и каштановая степь. <...>

Но если даже ставить в минус Омску, что у него нет близко гор и сосновых боров, то все же этот минус сполна покрывается теми несоизмеримо большими преимуществами, которые имеет Омск перед Барнаулом – это его культурность и центральность положения. Если оставить в стороне Томск, то первым городом Западной Сибири является г. Омск. По количеству средних учебных заведений и по числу жителей Омск занимает первое место в Сибири, – он имеет 14 средних учебных заведений и 7 специальных. Число жителей Омска – 125 [тысяч – Е. Т.], а с пригородными до 160 тысяч человек.

Омск является центром для сельскохозяйственных съездов, съездов биржевых комитетов, маслоделов и маслоэкспортеров. В Омске помещается Совет съездов маслоэкспортеров, имеется несколько обществ – Общество сельских хозяев, врачей-медиков и ветеринаров, затем научные и просветительные общества: Географическое, О[бщест]во Просвещения и Изучения Сибири и проч. В Омске помещаются главные для всей Сибири конторы фирм, торгующих сельскохозяйственными машинами и орудиями, принадлежащими молочного хозяйства и продуктами его, главным образом

¹ Совещание сибирских членов законодательных палат, делегатов от сибирских городов и представителей центральных ведомств по вопросу открытия Первого Сибирского сельскохозяйственного института состоялось в г. Санкт-Петербурге 21-24 января 1913 г. – Сост.

маслом. В научно-агрономическом отношении Омск также стоит выше остальных городов Западной Сибири, – в Омске уже имеются среднее сельскохозяйственное училище с гидротехническим отделом, опытное поле, сельскохозяйственная машиноиспытательная станция, древесный опытный питомник, лаборатория по молочному хозяйству, сельскохозяйственный музей и библиотека при местном обществе сельских хозяев, агрономическая организация Департамента Земледелия, агрономическая организация Сибирского казачьего войска и Переселенческого Управления, Управление Государственными имуществами, и Переселенческое Управление с целым кадром гидротехников, топографов и землемеров.

Сам город начинает обстраиваться с каждым годом все сильнее и сильнее. Если в 1911 году недвижимые имущества в городе оценивались в 13366729 руб., то в 1913 году они уже оцениваются в 15900000 рублей. Городским Управлением сделан заем в 2 миллиона рублей на устройство водопровода и мостовых; водопровод уже наполовину сооружен; расход по устройству мостовых в 1913 году исчислен в 142520 рублей. Бюджет города с 530734 руб. в 1911 году поднялся до 835400 рублей в 1913 г., т. е. за два года повысился на 26,8%. По расходной смете 1913 года на благоустройство города определено 213916 рублей, или 25,6%, на народное образование 154998 рублей, или 18,6% и на медицинскую, ветеринарную и санитарную часть 96876 руб., или 11%.

Все вышеприведенные данные с полной очевидностью указывают на то, что будет вполне справедливо наградить научным агрономическим центром г. Омск, который при том же в 1916 году будет праздновать двухсотлетие своего существования.

Балиев В. Западно-Сибирский с.-х. институт // Нужды зап.-сиб. сел. хоз-ва. – 1913. – № 1 (28 марта). – С. 12-14.

*Б*есплодно прошатавшись день, я к вечеру выходил на Любинский проспект, к пристаням, магазинам, базару, долго ждал чего-то на Железном мосту через Омь. Затем поднимался к белому дворцу генерал-губернатора. Казаки стояли на часах. Из каменных ворот высакивали лихие пары коней.

Ночью освещался только один Любинский, остальные улицы города лежали во тьме. Ноказалось, что бесконечное число мундиров, усеянных блестящими пуговицами и погонами, хорошо освещает город. Его наполняли чиновники Степного генерал-губернаторства, штаба, суда, интендантства, артиллерийского управления, казачьи офицеры, ученики кадетского корпуса, гимназий, учительских семинарий. Они ждут богатства, ждут, не обращая внимания на город, где нет ни одного дерева, нет мостовых, дома не белят, не красят, кругом грязь.

Иванов Вс. В. Похождения факира: роман // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1960. – Т. 6. – С. 189-190.

За последнее время и в России, и особенно за границей большим вниманием муниципальных деятелей пользуется идея о расширении и урегулировании городских улиц, садов и площадей. <...>

Омск может себя считать счастливым, что он слишком молодой город и распланирован не так тесно, как старинные города. Правда он распланирован не так уж удобно, но с общим планом его можно мириться. Неудобство его заключается в том, что нет радиальных улиц в южной части города, – почти все пересекаются под прямыми углами.

Северная половина города расположена удобнее, потому что все главные улицы сходятся к центру, которым является крепость. Значит имеется естественное, так сказать, тяготение города к крепости и тут бы и следовало сделать настоящий центр его. <...>

Лет полтораста тому назад крепость была центром, и это было естественно, а теперь этот центр пуст, как сердцевина старого дерева. Вся городская жизнь стремится к центру, но центр мертв, и она сосредоточивается около него, делая для своего движения обходные пути. Крепость наша не может служить и памятником старинной архитектуры; она также неудобна и для современных потребностей военного ведомства, – последнее постоянно приспосабляет ее для себя, перестраивает и делает новые надстройки. По моему глубокому убеждению, военное ведомство ничего не проиграло бы, если бы оно место, занятое крепостью, оставило и постройки ее продало по сходным ценам городскому управлению.

Оно в этом случае могло бы с большим удобством устроиться на новых местах, отведенных для него городом, а последний с огромной выгодой для себя мог бы использовать это роскошное во всех отношениях место.

Крепость напоминает мне обноски роскошной когда-то одежды, из которой человек, носящий ее, давно уже вырос. Когда-то крепость служила средоточием жизни Омска и главным его украшением. Теперь жизнь в ней замерла, она бьет рядом, на новых, хотя и не таких удобных местах. «Омск из военного лагеря обращается в город буржуазии», и военное ведомство должно уступить свои позиции мирному завоевателю города. <...>

Раньше, лет 70 тому назад, каменные здания в Омске были именно только в крепости, и они – эти гробообразные кубы и призмы – составляли украшение города, состоящего целиком из деревянных, крытых дранницами или даже землей лачуг. Теперь эти гладкие казенные кубы режут глаз своим серым, унылым видом.

В крепости имеется свой небольшой садик, при входе в который прибита дощечка с надписью: «Посторонним вход строго воспрещается». Удивительно, как еще не сделали такой же надписи при входе в крепость.

Если крепость потеряла всякую связь с городом, и ни он ей не нужен и, тем более, ни она ему, то не лучше ли действительно расстаться. А это возможно, если город купит постройки крепости. <...>

Город не должен бояться, что залезет в новые долги – он будет иметь огромный запас дорогой земли. За эти земли, отводя путем продажи или, что

еще лучше, долгосрочной аренды – до 99 лет – под постройку домов, город будет получать большие доходы от оценочного сбора. Теперь вся крепость целиком не дает столько, сколько дает, скажем, дом Грязнова¹ на Чернавинском проспекте², тогда как каждая квадратная сажень пустой земли должна бы давать полтора рубля.

Вся крепость имеет площадь приблизительно 62000 кв. сажень, значит только земля должна бы давать доходу около 93 тыс. рублей, считая всего по 1 р. 50 к. с одной квадратной сажени, а теперь город получает с нее вместе с госпиталем 1129 рублей 10 к.

Если внимательно всмотреться в план города, то действительно ясно станет, что крепость есть больное сердце города – все, что привлекает к себе жителей, расположилось по окружности около крепости. Если мы примем за центр старый собор³, и, начиная от государственного банка, начнем очерчивать окружность, то по ней, или почти по ней, окажутся: казначейство, новый собор⁴, гимназии, театр и Любинский проспект со всей его кипучей коммерческой деятельностью.

Вместе с разрешением вопроса об отчуждении у военного ведомства места, занятого крепостью, само собой закончились бы споры об устройстве железнодорожной ветки. Тогда самая наличность места для пристаней и конечной станции железнодорожной ветки заставила бы ускорить продление ветки по берегу реки Иртыша с устройством моста в устье реки Оми. Этот путь ветки и теперь считается самым дешевым, но он имеет огромные преимущества еще и в том отношении, что укрепит берег реки Иртыша и соединит самый центр города с железной дорогой кратчайшим путем.

Кочнев С. И. Центр города // Вестн. Ом. гор. обществ. упр. – 1913. – № 15 (авг.). – С. 1-3.

1915 г.

Омск – сильно растущий город, он привлекает к себе массу рабочего люда, не имеющего собственных домов и усадеб, где-бы можно было заняться огородничеством или садоводством. Но человек, сколько он ни живет в городе, все-таки стремится в свободные минуты быть поближе к природе, хочет подышать чистым, ароматным воздухом. У нас же в Омске этого удовольствия трудно найти, потому что город кругом обложился навозом, который летом разлагается или горит и заражает воздух удушливыми газами гниения и дыма; приходится ехать подальше за город, но что омич найдет за городом в своих жалких березовых колках? Весной

¹ Доходный дом Г. Е. Грязнова (современная гостиница «Октябрь»). – Сост.

² Народное название – «Любинский проспект». – Сост.

³ Воскресенский собор. – Сост.

⁴ Успенский кафедральный собор. – Сост.

здесь еще застают зелень, а в середине лета все высыхает: трава пожелтеет, запылится, вытопчется людьми и животными, и становится положительно невозможным найти места для праздничного отдыха.

Кочнев С. И. Садики для рабочих и детские площадки // Вестн. Ом. гор. обществ. упр. – 1915. – № 11 (июнь). – С. 1.

В 1915 г. улица 4-я Северная была концом города в направлении по ул. Капцевича (Красный Путь). Слева за ней простирался большой пустырь до Иртыша, и лишь в глубине пустыря, у берега, одиноко стоял дрожжевой завод Поклевского-Козелла¹. Справа – молодой березняк с множеством троп, оставленных городским табуном, который гоняли на водопой к Иртышу. Впереди – роща из высоких берез, а слева от въезда – небольшая сосновая аллея.

В более раннее время роща была окружена старой, поросшей травой канавой; позднее к ней прирезали с южной и восточной сторон полосу молодого березняка и окопали новой канавой. Сад водников – это остатки полосы; тут еще недавно можно было видеть обе канавы (старую и новую). В 1921 г. новую канаву весенними водами размыло в глубокий овраг.

Рощу с востока к Иртышу пересекал большой овраг, именно на его базе сейчас сделаны пруд питомника и озерко, где живут лебеди². Овраг оканчивался в северо-западном углу рощи. Это было любимое место отдыхающих: внизу у самой реки рос ивняк, а овраг, благодаря наполнявшей его из реки воде, – очень живописен, т. к. его склоны были покрыты различными кустарниками и высокой травой.

На средней террасе берега росли высокие, старые тополя, раскинувшись яркие зеленые лужайки. В южной части находились: довольно жалкий лесопитомник, окруженный забором, а вокруг него – дачи горожан. На нижней террасе били ключи с хорошей питьевой водой. За оврагом шли владения «фермы», как ее называли горожане. На опытную станцию посторонних не пускали, да и никого туда и не привлекали глинистые берега, почти сплошь заросшие ивняком. Наоборот, молодежь тянулась на остров, очень широкий в те времена, с небольшой речкой, вытекающей из озерка и впадающей в Иртыш с западной стороны. Здесь всегда было много молодежи, главным образом студентов, приезжавших в Омск на каникулы. Дачники специально приходили на берег, когда студент П. Сутормин (будущий учитель), забравшись на ветку вечером, красивым баритоном исполнял романс: «На железную цепь ворота заперты...».

Вдоль восточной канавы по чахлому березняку шла так называемая «требушинская дорога» в пригородные деревни Николаевку и Александровку. Название свое она получила потому, что шла через свалки. Дорога шла по территории теперешнего СибНИИХоза и учхоза № 1. Немного

¹ Дрожжевой завод «Дромасс» на ул. 6-я Северная у парка «Зеленый остров». – А. С.

² У современной остановки Старозагородная роща. – А. С.

южнее и западнее главного корпуса Сибниисхоза была впадинка, наполнявшаяся водой весной и долго не высыхавшая, на ней держались утки.

При выезде из города по б[ывшей] Тобольской улице (Орджоникидзе), примерно в районе 10-й Северной, справа от дороги, находился «пороховой склад», где держали свои запасы торговцы скобяным товаром, – заземленное хранилище с двускатной крышей, крытой дерном.

Крупный березняк почти сплошным, правда узким массивом тянулся отсюда правее и чуть южнее к Оми. Остаток этого леса имеется и сейчас еще. За лесом начиналась ковыльная степь, где водились перепела и даже стрепеты. А у самой Оми росли в виде колочек мелкие березы и осины. Здесь в то время, о котором мы вспоминаем, было много зайцев, серых и белых куропаток и даже тетеревов.

Вверх по Оми, по левому ее берегу (там, где сейчас питомник № 2)¹, простирались огороды и землянки рыбаков. Сразу же за «Луговым форштадтом», за мельницей Бородина, находилось озерко – ближайшее охотничье угодье.

Южнее района современной биофабрики, справа от Сыропятского тракта, находились солонцы и соленые озера. Эта большая площадь не использовалась. Весной тут скапливалось много дичи. За ними к востоку шла на 7 километров полоса березняка (так же, как и с левой стороны сыропятской дороги). Здесь находились так называемые «заимки» городских жителей, занимавшихся сельским хозяйством.

Следующий (по порядку) выезд из города находился там, где сейчас вход в парк культуры и отдыха Октябрьского района. Тут стоял домик объездчика и начинались лесные колки вплоть до линии железной дороги на юго-восток.

В южной части города четыре параллельные улицы (современные проспект Маркса и Ленина и между ними старые Полковая и Войсковая) выходили на огромную площадь, сжатую, впрочем, до стариных крепостных ворот (не доходя примерно до современного здания Дома печати) слева казармами, а справа баней (теперь здесь управление водоснабжения и канализации²). За воротами площадь расширялась: с левой стороны ее виднелся высокий лес, тянувшийся до «Семипалатинского» переезда через линию железной дороги. Площадь была покрыта чахлой растительностью и изрезана дорогами.

На левой стороне Иртыша не было никаких построек, кроме полуразрушенного пивоваренного завода Шпринбаха. Он стоял против нынешнего Высшего военного училища³. Иртыш в те времена был многоводным, без теперешних отмелей и островков. По широкому плесу ходили немногие пароходы и яхты любителей.

Замечательным видом спорта – развлечением и отдыхом тогда была охота. Условия для охоты были идеальными: дичь водилась в

¹ Район современной ул. Н. Штанина. – А. С.

² «Омскводоканал». – А. С.

³ Ныне Омский кадетский корпус. – Сост.

непосредственной близости от города. Стоило переехать через Иртыш в черте города – и на речке Замарайке начиналась охота на уток и всевозможных куликов. <...>

Ручкин В. Н. Окрестности города в прошлом // Изв. Омского отдела Геогр. о-ва СССР. – 1966. – Вып. 8 (15). – С. 56-57.

1916 г.

Омск, главный город области и Степного генерал-губернаторства. Расположен на правом берегу Иртыша при впадении р. Оми. В 1716 году на этом месте была основана (Бухгольцем, начальником первого русского отряда для завоевания верхнего Иртыша) крепость для защиты русских поселений по Иртышу. Здесь сосредоточены все главные военные и гражданские учреждения Степного генерал-губернаторства и Омского военного округа, управление Сибирского казачьего войска, Судебная палата, управление Омской ж[елезной] д[ороги] и другие гражданские и военные учреждения. По количеству населения (140 тысяч с пригородами) Омск самый большой город в Сибири. За последние 10 лет, благодаря заселению края и проведению железной дороги, город быстро развивается. Водопровод. Электрическое освещение. Положение на судоходной реке при пересечении двумя железными дорогами делает его важным торговым пунктом. Сюда стекаются грузы по Иртышу. Имеются склады мануфактурных товаров (Московские торговые ряды), сельскохозяйственных машин и др. на всю Западную Сибирь. По торговле (до 30 млн. руб.) занимает первое место в области. Главные предметы торговли: сельскохозяйственные машины, мануфактурные товары, хлеб, масло, лесные материалы и железные изделия. В городе семь банков. Много иностранных торговых фирм. Грузооборот его пристаней и железнодорожных станций самый большой в Западной Сибири (более 30 млн. пуд.). Фабрично-заводская промышленность развита более, чем в других городах области (производит на сумму до 7 млн. руб.); имеются заводы (чугунолитейные, мыловаренные, маслобойно-красочные, пряничные, восковые и др.), табачная фабрика и паровые мельницы. Омск – центр просвещения обширного края. В нем находится много учебных заведений. <...>

Несколько ученых и просветительных обществ, 4 публичных библиотеки и несколько народных читален. Издаются газеты, журналы. Театр. Музей Географического Общества с разнообразными коллекциями. В городе 22 церкви, кафедра Епископа Омской епархии; костел, кирха, две синагоги и мечеть. Старейшая из церквей Ильинская и Военный собор; в последнем хранятся сосуды и ризы, пожертвованные Екатериной II. В военном Никольском соборе хранится знамя, принадлежащее дружине Ермака. От упраздненной крепости сохранились каменные ворота с

надписями: «Омский 1791 года», «Иртышский 1792 г.», «Тобольский 1791 г.»¹, «Тарский 1791 г.» и остатки крепостных валов и рвов. <...>

В трех верстах от города, у станции железной дороги, находится казачья станица: Атаманский хутор и поселение из служащих и разночинцев (в них до 30 тыс. жит.). Станция соединена с городом железной дорогой.

Из города идут три железные дороги (на Челябинск, Тюмень, Иркутск) и несколько почтовых трактов. По Иртышу развито большое судоходство; кроме паровых судов ходят сплавные суда (беляны, плоты, карбазы); навигация продолжается пять месяцев.

По железной дороге на запад – Ново-Омск и станция Куломзино у железнодорожного моста через Иртыш. Здесь несколько паровых мельниц, фабрика по изготовлению круп и макаронов, заводы кирпичные и гвоздеделательный.

Седельников А. Н. Учебник родиноведения. – Омск, 1916. – С. 30-31.

1910-е - 1917 гг.

*М*оя мать и отец приехали в Европу из России, но я всегда считала себя сибиричкой. Отец был полковником в кадетском корпусе в Омске. Я родилась, жила и училась в этом городе, и уехала только в 17 лет, когда революция началась по-настоящему...

Омск тогда никоим образом не являлся современным красивым городом, хотя прекрасно «располагался» на берегах Иртыша. Эта огромная полоса воды была более мили шириной, и, как бы далеко мы ни взглядывались в противоположный берег, видели только бескрайнюю равнину.

Если я правильно помню, только официальные здания были кирпичными, а дороги возле этих зданий – мощеными. Остальные дома были исключительно одноэтажными, деревянными и стояли на так называемых дорогах, которые в действительности были просто колеями в грязи с деревянными настилами вдоль них, чтобы люди могли более или менее безопасно передвигаться в сырую погоду. Хотя бедные лошади были часто почти по брюхо в грязи.

На главной улице находились гостиница, несколько европейских магазинов и прочие здания, такие, как Дворец губернатора и Кадетский корпус. Через реку Омь – мост. По сравнению с Иртышом, Омка – просто ручеек, примерно такой же ширины, как Темза возле Баттерси Бридж. За мостом располагались склады, рынок, конюшни и дома бедняков. Здесь на корабли грузили товары, которые нужно было доставить вверх или вниз по

¹ 1792 г. – Л. О.

Иртышу, этой главной нашей «магистрали». Я помню, что ни разу не видела там кранов, все грузилось вручную.

Мы любили с матерью переходить мост, когда шли на рынок. Все вокруг было заполнено людьми, животными и примитивными сельскими деревянными повозками.

На прилавках можно было увидеть все мыслимые товары: яйца, живых куриц и гусей, молочных поросят (ножки у них были связаны тряпками), масло, сыр, горшки, сковородки и дешевую глиняную посуду. Мука продавалась мешками, а сахар – громадными конусами около 3 футов высотой, завернутыми в ярко-синюю бумагу.

Кадетский корпус, где мы жили, был солидным зданием, в нем – квартира коменданта, которая и являлась нашим домом. Мальчики делились на три группы. Они поступали в возрасте 9 лет и оставались до 17 или 18, после этого они переводились в юнкерскую школу, где оставались до получения первичного офицерского звания. Их форма, которую они постоянно носили, была очень нарядной: длинные черные брюки, грубый льняной китель, черные пояса с медными бляхами, на которых вычеканен двуглавый орел. У нас была своя частная церковь, очень красивая. Церковный хор состоял из кадетов, они восхитительно пели. Я никогда не забуду полночную мессу в канун Пасхи: дамы в вечерних туалетах, офицеры в парадной форме, священник, стоящий перед алтарем, «небесное» пение хора...

В Омске было очень мало частных бань. Так как наш корпус являлся автономным, у нас имелась собственная баня. Кадеты мылись утром, женщины и девочки – днем, а офицеры и гражданские преподаватели – вечером. <...>

Но вернемся к жизни в Омске. Летом у нас были длинные каникулы, мы ездили в лес, иногда навещали дядю, который служил в Одессе, поездка туда занимала около недели. Зимние каникулы были короче, а остальное время года мы учились в гимназии.

Дома еду подавали всегда в одно и то же время, и мы никогда не испытывали недостатка в ней, даже во время войны. Так как Сибирь была независимой, мы не страдали от дефицита, будучи далеко от европейской части России. Конечно, моя мать не получала платья и шляпки последней моды из Москвы и Петербурга, но трудностей мы не испытывали. В Сибири бытовало выражение: «Царь далеко, он нас не слышит». Это было, конечно, верно во время войны.

Длинные жаркие летние дни и холодные зимы я помню совершенно отчетливо. В ноябре вставлялись двойные рамы, доставались меховые пальто и шапки. Иртыш замерзал и использовался как дорога. Много замечательных событий происходило на нем, особенно красочными были гонки. Лошади везли легкие сани. Река была запружена зрителями, и, я думаю, букмекерами, так как делались ставки; и, конечно, люди кричали и подбадривали участников. Все сильно изменялось, когда по весне начиналась оттепель. По реке плыли, кружась, громадные льдины. Несмотря на красные

флаги, указывающие на опасность, бедный люд со своими странными повозками часто проваливался в воду и застревал на льдинах, которые ломались и неслись вниз по течению. Их крики о помощи заглушались грохотом ломающегося льда.

Летом мы проводили наши каникулы в тайге, огромном лесу, тянущемся на север до тундры. Наша деревня Баженовка была изолирована, там мы ежегодно снимали дом у одного из самых зажиточных крестьян. Мы уезжали из Омска на колесном пароходе и плыли вверх по Иртышу около 3-х дней, пока не добирались до Тары. <...>

Мы не были единственными людьми, приезжавшими в тайгу, другие люди так же как и мы, проводили свои летние отпуска в деревнях. <...>

Когда мы в последний раз уезжали из тайги, мне было почти 17 лет, а следующий учебный год должен был стать моим последним годом в школе. После этого я надеялась отправиться в Петербург в Школу рукоделия. Конечно, этому не суждено было сбыться...

После приезда домой мы стали готовиться к гимназии, но что-то было не так. Отец и мать очень много беседовали всегда за закрытыми дверями. Город был переполнен бездомными, в основном мужчинами. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что это были дезертиры из армии. Движение на реке почти замерло, и на базаре стало гораздо меньше народу. Мне и моей младшей сестре пора было возвращаться в школу.

...У нас шел последний урок перед экзаменами по истории. Мы повторяли российскую историю до царствования Николая II, последнего из Романовых. Я помню то утро, как будто это было вчера. Со своего места в классе я видела башню Дворца губернатора. Когда губернатор находился во Дворце, на этой башне всегда развевался имперский флаг. Он, как обычно, реял на башне, но наша учительница вдруг прервала свою речь и посмотрела в окно. Мы, девочки, проследили за ее взглядом. Флаг медленно спускался и упал на крышу башни. Затем, после паузы, был поднят красный флаг. Мы все остолбенели, а наша учительница почти что плакала. «Взгляните на флаг, – сказала она. – Это конец эры».

Она покинула нас, мы сложили наши вещи и пошли домой, весьма напуганные и озадаченные. Это действительно был конец эры. А также конец моего детства...

[Батлер Т.] Мое сибирское детство / пер. с англ. В. Гаркуши // Ом. муз. – 1997. – Март-апр. – С. 6-7.

Омск в 1918 -1919 годах: белая столица

1918 г.

<...> Среди главных городов добайкальской Сибири город этот [Омск – Е. Т.] занимал особое положение. Его конкурентами были Томск с его университетом, центр научно-культурный, облюбованный, естественно, для своей резиденции Областной думой¹ – зародышем сибирского парламента, и Иркутск, большой промышленный центр с обширными рабочими предместьями, авангардный город всех сибирских общественно-политических движений. В отличие от них, Омск был центром административным и торговым, здесь служили Карьере и Барышу. В эпоху после изгнания большевиков Омск стал землей обетованной для ищущей применения своим силам пестрой толпы беглецов. Город был набит до отказа офицерами, деклассированной «чернью высшего класса», создавшей спертую атмосферу лихорадочной борьбы разочарованных честолюбий, горечи обманутых надежд, атмосферу схваток, взаимных интриг и разных подвохов, камарилий и карьеристских потуг непризнанных гениев, у каждого из которых был свой план спасения и даже воскрешения России плюс неутолимая жажда выкарабкаться выше всех. Здесь потерпевшие от большевиков спешили вознаградить себя за лишения, здесь шел пир во время чумы, здесь кишмя кишили спекулянты просто вперемешку со спекулянтами политическими, бандиты просто и бандиты официальные, жаждущие денег и чинов и готовые в обмен на них вознести как можно выше своего патрона. Здесь царили «мексиканские» нравы, здесь неудобные люди исчезали среди бела дня бесследно, похищенные или убитые неизвестно кем. <...>

Чернов В. М. Перед бурей: [воспоминания]. – М.: Межд. отношения, 1993. – С. 378-379.

К Омску мы подъехали, помнится, 26 июля вечером. <...>

Сверх ожидания, меня никто не встретил. Я не знал даже, куда надо мне отправиться. Мы наняли извозчиков и, по совету генерала Попова, отправились в гостиницу «Россия», которая была реквизирована уже для нужд военного ведомства и размещения служащих правительственные учреждений. С трудом отыскали себе номер и к вечеру в него уже вселились. Итак, я в Омске, этой штаб-квартире «контрреволюции»...

Омск произвел на меня какое-то странное впечатление провинциального города, старающегося вылезти «в баре»: здесь наряду с убогими лачугами в центре города выселились уже громадные каменные дома. Из маленького захудалого города «выпучивался», так сказать, новый большой торговый город. Движение по главной улице было большое. Много военных.

¹ Сибирская областная дума – антибольшевистский представительный орган, созданный сибирскими областниками, меньшевиками и эсерами. Начала работу в январе 1918 г. в г. Томске. – А. С.

Пошли в ресторан закусить, наткнулись на кафе-шантан... Весело, подумали мы, живут в Омске. Цены на все были ужасные и сильно нас, иркутян, поразили.

Серебренников И. И. Претерпев судеб удары: дневник 1914-1918. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – С. 440-441.

...Жизнь в Омске идет трудная. Особенно тяжело отсутствие света. Базары завалены мясом, маслом и хлебом. Все сравнительно недорого: хлеб, французская булка – 60-70 коп. Есть и крупа всевозможная. Смотрю на это изобилие и думаю: а там, в России, голод, особенно в Петербурге. <...>

Третий день стоят морозы – 35-40°. Шуба, валенки, шапка выдерживают,ходить не холодно. Но дома – холодище. Печь в нашей комнате нагревается плохо, окна замерзли доверху. Кончается 1918 год. Сколько горького, тяжелого было в нем. Что-то принесет новый? Боюсь и думать, загадывать. <...>

Куприянова Н. П.

Цитируется по: Ракова А. П. Омск – столица белой России. – Омск, 2010. – С. 157.

Маленькие домики. Низкие. Деревянные. В краски бледные, северно-скучные – окрашены. Тротуары – деревянные, скользкие. С дырами черными, точно пасти собачьи. Часто косые, с наклонами влево и вправо... Базарные площади грязные, частые, ларями усеянные. Базарные лари – точно купальни будки черноморские...

Река [Омь – Е. Т.] – неширокая, вялая, с мостами нескладными, точно Фонтанка. Немного почище, немного свободней: без каменных стен и решеток...

По улицам грязным и пыльным бродят люди. Много людей – различно одетых. Одни – без пальто, в летних костюмах, другие – в шубах, тяжелых и теплых. Ездят извозчики, с шумом и треском. В них – ездоки: все те же и те же... Два-три журналиста, десяток министров, управляющий ВТА, заведующий СТА¹, командиры отдельных частей...

По улице главной – ближе к обеденному часу – два-три автомобиля носятся взад и вперед, точно взъявленные. Гудят и свистят: это спешат адъютанты военные на обед в Коммерческий клуб, «Люкс» и «Россию»...

В зале холодной – пропитанной запахом кухни и подвалов сырых – играет уныло оркестр. Что-то скучное, безнадежно тоскливо. А за столами, криво стоящими, оскатерченными грязно и сально, люди сидят. Среди них – половина министров. Удачных и неудачных. Областных и всероссийских. Отставных и «настоящих». Сидят они долго, упорно. Едят щи холодные,

¹ Всероссийское телеграфное агентство и Сибирское телеграфное агентство. – А. С.

жирные, говядину жесткую. Пьют кофе с пирожными сладкими. И кажутся люди в зале «российской», полутемной, свечами сальными слегка освещенной, – неживыми, ненужными, силуэтами смутными.

После пяти – становится тихо, безлюдно. На улицах нет фонарей, и таинственность уличной тьмы лишь досадливо будят огни неоставленных окон. С проклятием скользя по мосткам и падая в пасти собачьи, бродят тьме подобные люди. Пьяно-сердитые. Их много. И кажется странным обилие людей, в неурочное время мешающих доскам гнилым тротуарным мирно дремать...

За закрытыми ставнями обыватель спокойно и долго пьет чай. Раздевается. И ложится в постель, широкую, мягкую. Спит долго, видит сны, говорят – монархические. Ничто не тревожит его мыслей спокойных, снов безмятежных. Только... беженец (говорят, чуть не министр) в соседней клетушке без окон немного мешает: ворочается с боку на бок, пытаясь уснуть на холодном полу.

«Ишь, мерзавец, – говорит обыватель, – не может уснуть, мне спать не дает»...

И только закаты солнечные – красные – на минуту дают столице сибирской глубинную силу... Крыши снежные – фиолето краснеют. Окна стеклянные, обычно угрюмые, серые – ярким отливом блестят. Небо становится близким, понятным в порывах минутных проснуться и сбросить хандру снежную, серую... И тучи, обычно безличные, грязные – становятся грозными, красно-живыми... Девственно сильными... Но солнце заходит... Тучи сереют, темнеют... И снег по-прежнему слоем давящим, северно-серым на крыше лежит.

Чужой Б. Омские силуэты: фельетон // Возрождение [Омск]. – 1918. – № 1 (дек.). – С. 30-31.

*П*ока в городе нет ветра, а в особенности если недавно был дождь, то можно погулять по улицам, но в ветер и жару ходить по городу можно только по большой нужде и неотложным делам, так как получается сплошной пыльный буран, от которого скрипит на зубах. Главные улицы, вся центральная часть Омска похожи на европейские города, а чуть отклонишься от центра, то увидишь почти одни одноэтажные старинные домики, и ничто здесь уже не напоминает о том, что это столица Сибири, а не какие-нибудь Тетюши. Интересно, что электрического освещения в Омске на улицах нет до сего времени, только кое-где около отдельных зданий можно увидеть электрические лампочки, а на улицах изредка встретишь лишь «галкинский фонарь». После установления всеобщей гражданской повинности каждый из граждан в назначенному ему очередь проводит сутки в наряде, на охране порядка и безопасности в тех или иных местах, для чего своевременно получает из квартального комитета винтовку и патроны. К этому население уже привыкло, и повинность эта отбывается с сознанием гражданского долга:

все равны, и никто до известного предельного возраста от нее не свободен. В городе успешно поддерживается внешний порядок, хроника происшествий и преступлений сравнительно небогата материалом.

Временная столица Сибири // Жизнь Алтая [Барнаул]. – 1918. – 23 авг.

Цитируется по: Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 - март 1921 г.). – Новосибирск, 2013. – С. 154-155.

Начало XX в. – 1919 г.

*М*ебя пою, Город многоликий и многоокий! Тебя пою, новая Красота возрождающейся жизни! Скорблю об ушедшей – исчезнувшей нежно – задумчивой грусти былого... И славлю тебя, Город многоликий и многоокий, горнило новой жизни, радостной жизни, возрождающейся жизни!..¹

Город лежал в степи.

На много-много десятков и сотен верст раскинулась она во все стороны вокруг Города, и он да несколько сел были островками в этом зеленом море.

На берегу большой реки, что разрезала целину степи, стоял Город. Не было леса – ни рощицы, ни кустика – около Города. Но он сам приодел свои окраины садами, сам он украсил свои узенькие улочки деревьями и кустами... А затем у него было кладбище – тенистая, задумчивая и грустная роща-сад...

Город был большой, но тихий, дремлющий...

Целый день, как и всегда, над Городом стояло солнце. Но улицы не грохотали и не выли в потоке брызгущей бешеною жизни. Заросшие по канавкам и под заборами травой, они в полудреме, в полусне молчали под солнцем...

В Городе была библиотека, имелся театр, клуб, выходило несколько газет. В сквере вечерами играла музыка. Жизнь в Городе шла не торопясь – но не было спячки: Город торговал лесом, хлебом, работало несколько фабрик, были банки и конторы, был телеграф. Жизнь роилась всюду, но шла незаметно, спокойно-деловито. Не бесновались улицы, тихо дремали они под лаской солнца, которое калило их целые дни и загоняло все живое в прохладу каменных зданий.

С утра оживали улицы. Деловитой, спешной походкой торопились на службу чиновники. Проходили, не спеша, нагруженные покупками женщины с базаров. На лавочках и в беседках городского запущенного сада искали тени гимназистки с книгами в руках. Копошились у калиток и в канавах, заросших травой, детишки...

¹ По смыслу можно понять, что речь идет о г. Омске. – А. С.

Когда же солнце начинало припекать сильней и улицы дышали жарой, как из печи, – Город замирал. Все скрывалось в тени, все искало прохлады. Тихо млели раскаленные солнечные улицы. Слышно было, как на соседней улице играла гармоника и таращел где-то тарантас. И как бы жмуясь под лаской горячих лучей, дремали дома, прикрывшись ставнями...

Долго-долго тянулся день. А улицы, тихие и молчаливые, змеились и расходились во все стороны, а потом выбегали за город и серой лентой пропадали в степи.

Улицы молчали. Вся жизнь шла там, за белыми окнами с геранью и кисейными занавесками.

Когда же солнце уходило туда, где кончалась степь и начиналось небо, улицы оживали. Открывались ставни, отдергивались занавески на окнах. Люди выходили на улицы и медленно бродили около своих домов или сидели на лавочках у палисадников.

В городском сквере играла музыка. И под развесистыми, такими чужими и таинственными в вечернем сумраке летней ночи липами долго сидели парочки. В темных аллеях слышались заглушенные поцелуи, взлетал и рассыпался женский смех...

А с неба смотрели, мигая, далекие крупные звезды, и из степи тянуло прохладой.

Город засыпал. Потухали огни в окнах, реже и реже слышались смехи и шепот у покосившихся калиток. И только степь дышала всей грудью, и вздохами ее была полна ночь. Выпльвалась луна. Шаловливыми, задумчивыми всплесками набегали на берег волны. Из степи плыли затушеванные далью песни, мигали в лугах огни костров, кричали коростели.

Город засыпал.

И великолепная, могучая южная ночь плыла над Городом – тихим, безмолвным, залитым лунным светом...

Но бледнело небо. Тускнели звезды. И оттуда, где кончалась степь и начиналось небо, над Городом вставало солнце...

Этого города теперь нет.

Всколыхнулось море жизни – и вышло оно из берегов. Заря свободы – блестящая, яркая, долгожданная – ослепила людей, непривыкших к счастью, и втоптали они в грязь свою Красоту. Проснулся зверь в людском сердце и разрушил все, чем жива была жизнь людей...

И ночью – холодной и злой – стала жизнь человека. И стали задыхаться люди, не видя солнца, захлебнулись в крови, утомились от бойни и мук нестерпимых...

Но... прошел клич по земле. Подул с востока могучий и свежий ветер и разорвал он тучи, что черным пологом затянуло небо, и далеко-далеко в небесах блеснули яркие звезды... Пробудились люди – и в горниле, грохочущем и содрогающемся от ударов, стала коваться новая жизнь...

Город лежал в степи.

Утром из за этой степи поднималось солнце и, как огромный ненужный огненный шар, целый день стояло над Городом.

Когда улицы, накаленные солнцем до безумия, в диком грохоте рабочего дня, в тучах пыли задыхались от зноя, – солнце уходило за ту же степь, чтобы снова через несколько часов стать над Городом.

Город был большой, шумный, веселый. Когда солнце, поднимаясь раскаленным шаром оттуда, где кончалась степь и начиналось небо, плыло над Городом, – улицы уже жили.

Мчались автомобили, разрезая воздух хриплыми, бешеными криками своих гудков. Громыхали ломовики, нагруженные тюками, железом и тем, что дребезжало, стучало и рвало мозг... Проносились всадники на слепых от солнца и пыли потных лошадях. Густыми цепями текли и текли по улицам, между громадами каменных домов, между возами, автомобилями и лошадьми, усталые, ослепшие и оглушенные человеческие фигурки... Люди всасывались и выкидывались обратно беззубыми, темными ртами кафе и ресторанов, вливались в здания, говорили, улыбались, назначали свидания, продавали и покупали – и несся и несся весь этот, не останавливающийся ни на минуту, людской поток.

А над Городом стояло солнце.

Огненный шар медленно плыл-стоял в раскаленном небе. И тучи пыли, забивавшейся всюду и слепившей людей и животных, окутывали Город, и солнце казалось багровым пятном в небе...

Солнце и пыль...

Когда равнодушному и жестокому солнцу надоедало калить землю, когда оно уставало стоять над Городом и, меряя небо, уходило туда, где кончалась степь и начиналось небо, – людской поток не редел и не сбывал.

Меньше было повозок, фургонов, грузовиков. Но люди, даже те, кто спасался от огня солнца за толстыми стенами своих зданий-гробов, – шли в улицы. Скрываясь от облаков пыли, что за день столбом стала над Городом, люди спешили туда, где чахлая, запыленная, сожженная солнцем зелень обещала им прохладу.

И за столиками летних садов, на верандах кафе и загородных ресторанов люди пользовались недолгими часами, которые они привыкли называть ночью.

Потому, что не было солнца, не было огненного дня.

А потом оттуда, где кончалась степь и начиналось небо, как всегда, над Городом вставало солнце и плыло-стояло багровым пятном в тучах пыли...

Логинов В. Город // Единая Россия [Омск]. – 1919. – № 5. – С. 5-6.

1919 г.

Приехали мы рано утром. Со станции Куломзино часа через три наш поезд передали в Омск, на большую площадь – что против огромного здания железнодорожного управления, – всю сплошь изрезанную рельсовыми путями и заставленную вагонами первого и второго классов, в которых месяцами жили люди¹. Некоторые, особенно интервенты, владели целыми поездами в несколько вагонов. Глядя на такое скопление подвижного состава, нельзя было не воскликнуть: «Так вот одна из причин нехватки классных вагонов и паровозов!» Действительно, по Оби плывет масса леса, да и в Омске на складах лежит много строевого материала, чтобы приступить к постройке двухэтажных деревянных с коридорной системой корпусов. Ведь корпусами в три-четыре месяца можно было бы застроить большую площадь. <...>

Впечатление от города неважное, кроме торгового центра, что расположен за мостом, перекинутым через разделяющую город реку. Теперь я забыл название главной улицы, но она произвела на меня хорошее впечатление.

Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917-1922). – М.: Рус. путь, 1998. – С. 191. – (Всероссийская мемуарная библиотека. Серия «Наше недавнее»; Вып. 5).

Чентральные улицы были переполнены. На Любинском проспекте вперемежку с интервентами сновали толпы москвичей, петроградцев, самарцев. Много было чехов, англичан, американцев, французов, сербов, поляков. Сибирская столица жила шумной веселой жизнью. Кабаки, рестораны, кафе, магазины не могли вместить нарумяненных беженок и офицеров в лихо заломленных фуражках. Английские френчи, галифе, казачьи лампасы, золото и серебро новеньких погонов, кавказские черкески придавали своеобразный облик проспекту, украшенному сибирскими бело-зелеными флагами.

Молодых генералов, не только русских, но и чешских, вчерашних поручиков, коммивояжеров, фотографов в Омске было достаточно.

Анов Н. На литературных перекрестках: воспоминания. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С. 43-44.

<...> **С**тали вспоминать Омск. Путешествиеказалось слишком длинным. Все ждали Омска, как чего-то родного, и невольно говорили о нем. Но всегда в разговорах об Омске он рисовался захолустьем со своеобразной примитивной дикостью, от которой никак нельзя было избавиться. <...>

¹ Товарный двор городской ветки. Ныне территория сквера напротив ОмГУПС. – А. С.

Омск уже с августа казался военным лагерем. Он уже потерял свой прежний безмятежный вид. Над городом летали аэропланы и даже гидроплан, который пугал гулявших, опускаясь на уровень крыш. На Иртыше трещали автосани. Кругом города в рощах поселились беженцы. Они нарыли в роще землянки, грелись у костров. Тут же паслись их лошади и скот. Иногда казалось, что Омск в осаде, и вокруг него расположены военные лагеря.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории, 1918-1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. – М.: Крафт+, 2007. – С. 527, 531-532.

Омск, население – 600 тысяч человек¹. Либо грязно, либо пыльно, а иногда и то, и другое. Дождь и солнце целый день. В церкви – ежечасная служба, кроме тех дней, когда Диктатор² решает куда-то уехать. Вокзал всегда заполнен беженцами, офицерами, солдатами и железнодорожными работниками. Ничего выдающегося в городе не нашел.

Джонс У.

Цитируется по: Старков И. Записки Уильяма Джонса // Семь [Омск]. – 2013. – № 34 (9 окт.). – С. 2.

Я помню Омск – три-четыре года назад.

Скучный, серый, пыльный. Кривые улицы, плоские домики – ближе к центру, в крепости, типа XVIII века. По-старомодному подслеповатые, неудобные.

Жизнь в нем текла чиновным регламентом. По-провинциальному тупо – обеды, убойные ужины, дикие попойки. На окраинах – гармошка, поножовщина, хулиган, лежащий в пыли на улице.

А теперь. В кривые улицы, скучные неудобные домики влилась сочная, яркая жизнь. Город сыт жителями, можно сказать, не только по горло, но и выше. Жителей, по свидетелям, около восьмисот тысяч.

Квартирная нужда такая, что трудно и представить. Мне помнятся слова одного бежавшего из центральной России писателя, после трехмесячных поисков нашедшего свободную кухню:

– Ах, теперь я понял прелест теплой кухни!

И в чаду от кухонной плиты с увлечением читал мне свои тонкие, нежные стихи.

На улицах много автомобилей. Мелькают чешские, японские, американские флаги. Хриплые свистки. Запах спирта. Холодные, неподвижные лица шоферов.

Улицы полны народом. Много солдат. В толпе бродят с любопытными огоньками в глазах канадцы. Хищнической, спокойной походкой мелькают

¹ Хотя эта цифра называется рядом мемуаристов, есть сомнения в том, что 600 тыс. жителей могло быть в Омске одновременно. – А. С.

² Верховный правитель России А. В. Колчак. – А. С.

спекулянты – богато одетые, бритые, с сигарами в руках и с такими взглядами, которые спрашивают:

– Сколько стоит?

Кафе, театры, танцевальные залы – переполнены. Преобладает приезжий элемент. Танцует, пьянятся, флиртует. Откровенно, до цинизма. <...>

И временами кажется, что только о насыщении желудка, о плотном кармане думает кипящий жизнью Омск.

Журналы, правда немногие, правда неинтересные, казенно-трафаретные, не читают. <...>

Иванов Вс. В. Письма из Омска, [1919] // Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества. – М., 2010. – С. 129-130.

...*Ч*екогда провинциальный, мирно дышавший пылью Омск чуть ли не в одну ночь приобрел широкую известность. Он стал столицей антикоммунистической Западной Сибири, местонахождением Верховного Правителя – рыцаря без страха и упрека (который в действительности вовсе не был правителем) – адмирала Колчака.

...Широкие улицы, крепкие прямоугольные дома с затворенными окнами и запирающимися на ночь тяжелыми засовами дверями; фундаменты этих домов с переполненными едой кладовыми глубоко ушли в плодородную сибирскую землю. Большинство жителей в городах Западной Сибири были разбогатевшими потомками крестьян, пришедших из России в поисках земли, никогда не знавших крепостного права. Крепкие крестьяне, они не привыкли гнуть спины и ломать шапки перед кем бы то ни было.

...С ноября 1918 г. Омск становится историческим местом, упоминаемым каждой газетой в мире, наводненным тысячами приезжих, наполненным авто всех мыслимых иностранных марок. Молодцеватые униформы иностранных военных миссий (увы, это не относилось к самим союзническим войскам) вперемешку с форменной одеждой нашей армии и обносившимися беженцами. По улицам вышагивали французские, американские, английские, японские и итальянские офицеры и солдаты, не говоря уже о множестве фланнировавших по ним чехов – наших бывших военнопленных. <...> Атлетически сложенные, с высоко поднятой головой, они шествовали по улицам с видом ленивого превосходства, лишая сна сибирских женщин и заставляя мужчин сжимать кулаки.

Ильина-Боратынская О. А. Белый путь, или Русская Одиссея. 1919-1923 гг.: роман. – Нью-Йорк, 1984. – На англ. яз.

Цитируется по: Завьялова И. В. Белый Омск в творчестве О. А. Ильиной-Боратынской / И. В. Завьялова, Е. И. Карташева, Е. В. Скворцова // Недбаевские исторические чтения: 15 ноября 2009 г., 22 мая 2010 г., 18 декабря 2010 г., 19 декабря 2011 г. – Омск, 2012. – С. 188-189.

И все-таки, хотя в городе имелись министерства, ставка и Люблинский [sic!] проспект, Омск выглядел непрезентабельно, Екатеринбург был более блестящий. Стоило свернуть с Люблинского, который был битком набит экипажами и людьми, как сразу же начинались кривые, затопленные черной грязью переулки, подслеповатые домики, размытые канавы, заборы, харчевни, лавочки, серенькая диковатая глуши сибирских городов. На улицах валялись лошадиные черепа, дохлые крысы, тряпки... Правда, черепа наводили на мысль о раздолье степей, допотопности и проч., вплоть до геологических соображений о поверхности Сибирской равнины, но город от этого не выглядел лучше. Несколько скрашивали общее впечатление лишь реющие над некоторыми крышами флаги союзных и дружественных держав. В самом центре города, в так называемом «Доме Свободы»¹, помещался Совмин, символ, которым обозначался Совет Министров. Тут заседали омские домовладельцы и покинувшие прилавок буржуа. Колчак жил в особняке на берегу Иртыша², причем, по кварталу, где находился особняк, иногда ходить было можно, а иногда нельзя, в зависимости от состава и настроения часовых. Большую роль играл, по-видимому, и костюм прохожего. Ставка занимала огромное здание Управления Омской ж[елезной] д[ороги]³. Это было громоздкое, наполненное служащими учреждение, в котором главным занятием легионов прикомандированных офицеров было ковырять в носу и поглядывать на часы. Так как одной ставкиказалось для этого недостаточно, устроили еще главный Штаб и Штаб Верховного Главнокомандующего.

Омск довольно велик, но несколько десятков больших и хороших домов города не могли удовлетворить спрос на них, и всюду чувствовалось несоответствие формы с содержанием, которое стремились в нее втиснуть. Учреждения с чрезвычайно громкими названиями, найдя дом получше, громоздились в него по несколько штук. Две-три булочных, будучи приспособлены лишь к обычным потребностям города, моментально распродавали товар и весь день стояли закрыты; бани не могли вместить всех желающих мыться, прачки не успевали стирать белье; рестораны разваливались от впирающей публики. Благодаря этому, город приобретал характер временного поселка, лагеря.

Торговля в Омске, ко времени моего прибытия, находилась в довольно плачевном состоянии. В магазинах сонно толкались две-три фигуры, и на вопрос, нет ли того или другого товара, меланхолично указывали на пустые полки. Во всем городе, несмотря на тщательные поиски, мне не удалось найти пару сносных штиблет. Довольно бойко торговал, распродавая всякую дрянь, кажется, только один крошечный магазинчик, если не ошибаюсь, Биткова. Табачных и мелких бакалейных лавочек было много. Базар значительно хуже Екатеринбургского, также торговал вяло. Зато толчок процветал.

¹ Дом генерал-губернатора. – Сост.

² Особняк К. Батюшкина. В 1918-1919 гг. – резиденция Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. – Сост.

³ Ныне здание ОмГУПС. – А. С.

Уличная толпа Омска резко разнилась по месту, где ее наблюдать. Толпа Люблинского проспекта состояла, главным образом, из союзников, чиновников, военных и дам. Тут можно было видеть великолепные туалеты, отлично сшитые френчи, фуражки всех ведомств, безукоризненные панамы, портфели, ослепительное белье. Все это в несравненно большем количестве, чем на Главном проспекте Екатеринбурга. Но Люблинский проспект был только узеньким ручейком среди всего остального Омска. На кривых, запутанных улицах были другие люди — там встречались рабочие в заплатанных грязных рубахах, суровые и замкнутые, там уныло бродили оборванные солдаты, скромно пробегал туповатый и хитреный, занятый своими коровами и огородами сибирский обыватель, сновали беженцы, мещане, мелкие чиновники, вдовы, торговцы и разный пришлый темный люд. О, этот люд, набившийся в Омске со всех уголков России! — Около цирка, утром на Втором Взвозе¹ или толчке можно было видеть его. Кого только не было тут: продавцы лотерейных билетов, шарманщики, трактирные гармонисты, шулера, какие-то брюнеты в стоящих колом голубых рубахах, продавцы кораллов, субъекты в кепках с поднятыми воротниками пальто... Толчок кишел ими, всюду поблескивали их бойкие жадные глаза, скалились крепкие зубы, и все они хотели есть, но есть даром и хорошо, все любили весело пожить и в то же время ничего не делать. Вечером в притонах и харчевнях, под хриплый лай граммофонов, среди табачного дыма, визга женщин и звона бутылок, этот люд веселился. Широко несся из открытых окон в темноту улиц разгульный гомон и рев и причудливо переплетался в воздухе с нежными изысканными мелодиями струнных оркестров, мелодиями, которые долетали из садов и дорогих ресторанов, где развлекалась фешенебельная публика Люблинского проспекта.

Кто хоть раз после двенадцати часов ночи был в омских ресторанах и погребах, тот надолго сохранит в памяти лица, положения и общую картину виденного. В общем, рестораны были средоточием всей жизни и деятельности Омска. В них билось сердце сибирского действия, к которому и стекались вся грязь и все нечистоты. Здесь-то особенно ярко вспоминались, приобретая еще более уродливый и нелепый смысл, жалкие разговоры о воссоздании страны, учредительном собрании, борьбе за культуру и цивилизацию, и в пьяном шуме и крике, в сладострастных звуках тустепов и танго тонули и бесследно исчезали слова Колчака о спасении родины, правах народа, все те красные слова, из-за которых на фронте лилась в это время кровь.

Ресторанная публика, как и в добroе старое время, состояла, главным образом, из буржуа и военных. Но омские кутежи носили особый специфический привкус. Так пить могли только в этом городе и лишь в описываемое мною время. <...>

¹ Цирк — на ул. Лагерной, у Казачьего базара. Второй взвоз — ул. Гагарина — А. С.

Как-то заметив, что один молоденький поручик бросил в уплату по счету очень крупную сумму, я задал моему спутнику омичу вопрос: откуда у всех этих офицеров деньги, когда их жалованья далеко не хватит на одну бутылку шампанского.

— Так Вы думаете, что они служат? — удивился тот. Это же все спекулянты, они ездят на Дальний Восток и привозят чулки, кокаин, мануфактуру...

Жизнь Омска затихала лишь часа в 4 утра, когда по сонным улицам, покачиваясь в пролетках, сибирские деятели разъезжались по домам.

Поднявшись для нового делового дня, Омск прежде всего пробегал газеты. Наиболее внимательно просматривались приказы и заметки об отрешении от должностей и предании суду за мошенничество, подлоги, взятки и пр.

Время от времени на страницах газеты действительно мелькали имена довольно крупные. Попался с миллионным мошенничеством министр, следом за ним — занимавший ответственный пост по снабжению армии генерал. Впрочем, генерал, «принимая во внимание его заслуги», вскоре снова появился на Люблиńskом.

Процесс следовал за процессом, один другого громче и скандальнее. Ловили, осуждали, снова ловили, но большинство оставалось все-таки не пойманым.

И весь день город кипел своей нервной и жадной сутолокой для того, чтобы ночью иметь возможность сидеть за столиками, лениво ковырять в тарелках и, не считая, швырять по счетам. <...>

<...> Добрая половина мужского населения города были военные, но далеко не все они под разными предлогами дезертировали с фронта или разъезжали «по своим делам». Штабы и всевозможные управления тыла колчаковской армии были, что называется, битком набиты. В Омске существовало, например, морское министерство (весь флот заключался в одной моторной лодке на Иртыше), имевшее огромный штат служащих и массу прикомандированных морских офицеров. Подогнув снизу белые брючки, они бесстрашно плавали в «Аквариуме»¹ и по Люблиnsкому проспекту. <...>

Чувствуя себя так, как будто они уже были в Москве, министерства и всевозможные департаменты Омска вели дело на широкую ногу, по-столичному. Директора принимали с часу до двух, вице-директора — немного долее, по коридорам сновали десятки личных секретарей, у дверей торчали грозные швейцары, а в приемных залах царила благоговейная тишина, и с трепетом ожидали возможности увидеть громовержцев понурые просители.

Омск любил обстановку, шик, торжественность, любил звонкие титулы и громкие слова. Какие парады, обеды, встречи и чествования устраивались там! Какие произносились речи! <...>

Камский. Сибирское действие. — Пб.: Госиздат, 1922. — С. 18-25.

¹ Один из излюбленных ресторанов в Омске. — Сост.

*Ч*а рассвете первого января 1919 г., то есть в самый день нового года, автор настоящих воспоминаний приехал в столицу Верховного правителя адмирала Колчака.

Морозное зимнее утро придавало большому сибирскому городу весьма суровый вид. Смесь городских провинциальных картинок с нахолленностью некоторых сановных вельмож с портфелями под мышкой, важно шествовавших в свои департаменты, придавала Омску не свойственный его прежним традициям полуторжественный, полукомический колорит.

Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. – С. 209. – (История Сибири в воспоминаниях и дневниках).

*Р*оссийское Правительство для своих работ заняло дворец генерал-губернатора.

Капитальный особняк, окруженный толстой каменной стеной, с красивым подъездом, весь стоящий летом в зелени, он производит на приезжего, сравнительно с другими зданиями г. Омска, чрезвычайно импозантное впечатление. Сейчас все занесено снегом, на деревьях и кустах – белый слой, покрывающий их по крайней мере на четверть и сливающийся с белизной самого здания. В подъезде перед тяжелыми дубовыми дверьми стоят два часовых, с балкона свешиваются два национальных бело-сине-красных флага. Совет министров как-то обособлен от сутолоки артерии Омска – Любинского проспекта: все движение улицы проходит от него стороною, и только шипение и свист стремительно подкатывающихся автомобилей нарушают спокойную тишину дворца и степенную строгость внешнего вида.

Дом генерал-губернатора – двухэтажный, но комнаты настолько высоки, что по своему размеру постройка превосходит далеко остальные здания, а эффектно поставленная в центре башня необычайно способствует впечатлению грандиозности. На вершине башни вьется огромное знамя, которое видно из любой части нашей новой столицы. Снаружи здание будильно охраняется многими постами. Двор занят постройками, службами, гаражом. Внутри посетитель попадает в вестибюль, где сразу заметна необходимая столь высокому учреждению дисциплина: чинные швейцары, посыльные, дежурные, курьеры – все по своим местам. <...>

Через окна большого зала, просторные и широкие, открывается на город Омск необычайно красивый вид. Город виден, как на ладони. Кишмя кишит толпою Любинский проспект, бегут десятки автомобилей, носятся лихачи, ползут, громыхая цепями и кладью, грузовики, и все это заключено в муравейник суетящейся деловой толпы.

Немного левее через р. Омь виднеется новая радиостанция – огромной

величины и высоты мачта, стоящая на берегу¹. С нее спускается гигантский проволочный гамак и, перекинутый через реку, тут же на другом берегу подхватывается блоками, установленными на трубе vis-a-vis² находящейся электрической станции. <...>

Тут же видны церкви, площади, скверы, каток, устроенный на реке, зимовка пароходов с целым лесом мачт и труб и далее сходящие на нет наслоения небольших деревянных домиков, почти лачужек, этого вечного отголоска, напоминающего, что Омск – все-таки Омск, и что появившееся оживление только наносно, не говоря о том, что временно. <...>

С-ов Г. Жизнь Совета министров: из личных наблюдений // Страна [Томск]. – 1919. – № 1 [апр.]. – Стб. 15-24.

Цитируется по: Посадков А. Л. Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX века. – Новосибирск, 2013. – С. 115-117. – (Люди книжной культуры).

*Ч*то то было время, чтобы интересоваться, откуда кто в этом обреченнем городе, в этой толпе, плохо прячущей ужас и отчаяние перед завтрашним днем. Когда огромная волна хлынет, опрокинет и швырнет в черную бездну все целиком, что ухватит, – туда попадают знатные и незнатные, старые и молодые, злые и добрые – всякие, без разбору. Непрочность, обреченность, смертный дух, какую-то «ненастоящность» всего ощущал я подсознательно в этой шумной столице черного адмирала, как называли Колчака. Мне мерещилось, что я нахожусь среди веселых покойников, среди гуляющих напропалую мертвецов. Мне было страшновато, жутко, как в склепе, хотя умом я ничего не осознавал. Да ведь сколько и настоящих людей я здесь встретил: Янчевецкого³, Антона Сорокина, Кешу Черникова⁴, Всеволода Иванова... Не одна же пьяная офицерня, не одни же полоумные сенаторы заполняли здесь все дома, все улицы, все вокзалы, весь Урал и всю Сибирь. <...>

Для Омска в целом характерно было другое: кутежи, разгул, драки, истерики, пьяный раж, «на последнюю пятерку найму тройку лошадей». Но даже и троек уже не было. «Верховный» поочередно назначал, наделял полнотой власти, а затем с позором выгонял и хватался за нового спасителя, обещающего победы...

Четвериков Б. Стежки-дорожки: отрывок / вступит. ст. С. Поварцова // Складчина: лит. альманах. – Омск, 2006. – Вып. 1 (3). – С. 116, 122.

¹ Примерно на площади Бухольца. – А. С.

² Визави (фр. vis-à-vis – «лицом к лицу») – напротив. – Сост.

³ Василий Ян – будущий автор известных исторических романов; в Омске – правительственный журналист. – Сост.

⁴ Иннокентий Черников – литератор, входил в объединение футуристов «Червонная тройка», сотрудник Омского отдела политпросвета. – Сост.

В центре города, там где сегодня стоит Торговый центр, находилась барахолка (позднее там еще был Центральный рынок). На ней стояли временные сарайчики и лари. Тут можно было купить абсолютно все: обувь, мебель, материю, масло, пряники, конфеты, сушки и даже живых зайцев и пороссят. Нередко можно было наблюдать такую картину. Идет чешский офицер со своим ординарцем, ординарец тащит на плече мешок, который извивается и верещит на всю улицу. Идут довольные, смеются. Готовятся встретить Рождество. После провозглашения Верховным правителем, Колчак поселился в доме, принадлежавшем купцу Батюшкину. Ходили слухи, что он занимался добычей золота, а после разгрома белого адмирала бежал в Харбин. Особняк хорошо охранялся. При входе в него возле ворот ограды стояли солдаты-киргизы, а во дворе, возле главного входа, находились военнослужащие в военной форме. Напротив ворот, во дворе, помимо самого особняка находились две хозяйствственные постройки: склады и здание, в котором наряду с жилым помещением помещались еще прачечная и кухня. С южной стороны особняка находилась открытая веранда, застеклена она была уже позже, по-моему, чуть ли не в 1960-х гг. Напротив особняка, на Иртыше, в летнее время стояла на приколе баржа с орудием и несколькими пулеметами. Так что Верховный правитель охранялся очень хорошо.

Главным рестораном в летнее время в Омске был ресторан городского сада «Аквариум», который располагался на правой стороне Оми от железного моста до ТЭЦ. Летними днями из сада «Аквариум» лились звуки большого оркестра. Нарядная гуляющая публика заполняла тенистые аллеи, а дамы демонстрировали перед своими кавалерами платья и шляпки. Наверху кинотеатра «Гигант» находился буфет, где играла музыка. В период Колчака кинотеатром управлял Моисей Каплун, который убежал вместе с белыми. <...> Помимо «Гиганта» в городе было немало кинотеатров: «Сфинкс», «Кристалл-Палас» и «Одеон», «Саргон», электротеатр «Прогресс» и др. Их рекламные афиши были расклеены по всему городу и ежедневно печатались в газетах. Зрители валом валили в кинотеатры, и это несмотря на то, что за вход на зрелищные мероприятия был введен так называемый военный налог. Весело всегда было и в цирке.

На Любинском проспекте и Дворцовой улице при гостиницах «Россия» и «Европа» были рестораны с музыкой и дорогими закусками. Много было в городе и погребков. Высокие военные чины были постоянными завсегдатаями в летнем и зимнем ресторанах в загородной роще, куда приезжали со своими дамами на казенных автомобилях. Праздной, веселящейся толпой были заполнены омские улицы, где бойко торговали мороженым и цветами, особенно Любинский проспект. Торговля здесь шла бойко. На главной улице мне почему-то очень хорошо запомнился магазин богатого еврея «Феттер и Гинкель». Помимо инструментов и других металлических изделий в нем продавали прекрасные коньки.

В Омске тогда было очень тяжко с жильем. Квартиры стоили дорого. Гостиницы «Европа», «Россия», «Бристоль», «Париж», «Ялта», «Русь», «Деловой двор» были забиты постояльцами до отказа. Церкви всегда были

полны народом, но вместо торжественных молебнов в них чаще служили панихиды по убиенным. Омские кладбища росли. Особенно хорошо и отчетливо помню Шепелевское кладбище. Вход на него был с левой стороны улицы Тюремной (ныне – 5-й армии). Ворота были кирпичные. На них – кованые створки. Хотя само кладбище было без изгороди, но оно по периметру было обнесено валом и рвом. На погосте была каменная церковь во имя Павла Обнорского, которая действовала вплоть до 1922/23 гг. Казачье же кладбище было огорожено полукаменной оградой с решеткой. В 1918-1919 гг. именно на нем почему-то хоронили чешских легионеров.

Вышедшие из госпиталей раненые и инвалиды становились жителями Омска. Для инвалидов было открыто три общежития: на Любинском проспекте, на Втором Взвозе и в Никольском училище. Много было детей-сирот. В основном они содержались в Ольгинском приюте.

Возле железного моста, напротив Серафимо-Алексеевской часовни, на той стороне, где был магазин Левина, стоял на улице большой портрет Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Кстати, во время его правления функционировали две пристани: на реках Оми и Иртыше.

Все лучшие здания в городе были заняты многочисленными учреждениями и организациями. Там, где сегодня располагается кинотеатр «Художественный», при Колчаке был кинематограф. До революции здесь был бар. <...>

В Доме учителя¹ в годы гражданской войны квартировали военные миссии, а до революции здесь были номера, которые, кстати, соединялись переходом с кинотеатром «Художественный». В здании Акмолинского областного правления (ранее там помещалось Главное управление Западной Сибири) наряду с учреждением квартировала казачья сотня. В Сельхозинституте помимо госпиталя размещались американские и английские солдаты. Стояло британское воинское формирование и в здании Первой женской гимназии. В нынешнем училище Шебалина тогда разместилась одна из военных миссий. <...>

Чукреев Г. К.

Цитируется по: Лосунов А. М. Г. К. Чукреев и его воспоминания о Первой мировой войне и белом Омске // Гражданская война на Востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12-13 нояб. 2014 г.). – Омск, 2015. – С. 89-91.

Известны омская удушающая пыль, зловоние и следы от ассенизационных обозов, почти полное отсутствие садов, удручающая жара, известно, как все, имеющие малейшую возможность, стараются выселиться на дачи и в деревни.

Шафранова А. С. Опыт устройства летних детских колоний при гор. Омске // Заря трудовой школы [Омск]. – 1919. – № 3 (сент.). – С. 21.

¹ Ныне здание Органного зала. – Сост.

Представьте себе один из наименее благоустроенных городов Сибири, с маленькими одноэтажными домиками по берегам Оми, улицами, которые, вероятно, никогда не видели метлы (главный проспект унавожен и удобрен, как может быть удобрена любая пашня доброго хозяина), с сальными свечами для освещения двух третей помещений, и вы будете иметь представление о городе, которому суждено было стать «столицей государства российского». <...> Обострилась до крайности жилищная нужда. Углы сдаются по баснословной цене. Даже для правительства не оказалось приличного помещения, и до последнего времени члены его продолжали жить в вагонах. Дороги продукты питания, дрова... О ценах одежды, обуви говорить не приходится.

В непрерывном людском потоке на Любинском проспекте, Дворцовой и Атаманской вы видите чаще всего серую офицерскую или солдатскую шинель. Там и сям в боковых улицах происходит обучение новобранцев, на площадях – стоянки воинских лошадей, склады сена, дефилируют то и дело колонны солдат с песнями и музыкой, по Любинскому проспекту возы с кладями сырья, а мимо проносятся грузовые и щеголеватые кареты автомобиля с национальными флагами держав согласия. Тут же на углах сидят бабы и китайцы, торгующие семечками, потеснившими кедровые орехи.

Сибирские письма // Новая Сибирь [Иркутск]. – 1919. – 21 янв.

Цитируется по: Кокоуллин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 - март 1921 г.). – Новосибирск, 2013. – С. 155.

1919 г.,
февраль-сентябрь

Сам по себе Омск занятен, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу – или бывшие люди царских времен, или падучие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злую судьбой в это сибирское захолустье: нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это – отживший, старый мир, и не ему торжествовать победу. Грустно. <...>

Не пошел сегодня на службу – буран. Снег, ветер невероятный, пронизывающий: – Сибирь!.. <...>

Живется тут хорошо. Уютно. Обедаю дома, гуси исключительно жирные, каждый день молочница приносит по кринке молока, сахара в волю, – понятно, что пермское истощение как рукой сняло... <...>

Вербное воскресенье. Тепло, на улицах бурные ручьи, на перекрестках – озера, шумно, солнце. Сегодня долго сидел у окна, смотрел, как мальчишки устраивали запруды, и как прорывалась через них вода и уносила комья снега, и как один мальчишка-гимназистик продал другому за полтинник бабку¹, и т. д. ... <...>

Гуляли <...> по берегу Иртыша и затона – хорошо, свежо, водой, весной пахнет, нарядные огоньки зажигаются на пароходах, много воды, лодки, поют «шарaban», мальчик лошадь купает, и потом она с явным удовольствием катается на спине в песке... Большой пароход прошел вниз по течению, быстро-быстро. <...>

Живем при внешних условиях, в сущности, прекрасных. Денег вдоволь, гастрономических впечатлений – хоть отбавляй, даже в мирное время не было такого благополучия: бесконечные арбузы, дыни, конфеты, печения – все, все, что можно купить, доступно.

Устрилов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое: ист.-докум. альманах. – СПб., 1991. – № 2. – С. 289, 291, 293, 296, 300, 309.

1919 г., 16 апреля

16 апреля мы прибыли в Омск, где располагались Колчак и правительство Сибири. Столица Сибири – большой город с тремя соборами. Он был перенаселен и страдал от лишений гражданской войны. Канализация замерзла, в городе свирепствовал тиф и другие заболевания.

Джейсон Т. Г. Экспедиция в Сибирь. 1919 г. // Рус. мысль [Париж]. – 2000. – № 4315, 4337-4340.

Цитируется по: Васин А. Н. Страницы биографии «отца телевидения» В. К. Зворыкина (1888-1982) / А. Н. Васин, К. М. Велембовская // Новая и новейшая история. – 2009. – № 5 (сент.-окт.). – С. 210.

1919 г., 29 апреля

Прибыл в Омск, еле нашел какой-нибудь приют. Жара здесь совсем летняя, а пылища – по самому первому разряду. Уличное освещение совершенно отсутствует, и для него нет никаких приспособлений, даже керосиновых.

Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – С. 5.

¹ «Бабка» – надкопытный сустав ноги у животного. Кость этого сустава употреблялась для игры в «бабки». – Сост.

1919 г., май

В Омск прибыли утром, и, вылезая из своего вагона, я был поражен зрелищем, развернувшимся предо мной... Омск, как и другие сибирские города, лежал в стороне от железнодорожной магистрали, на небольшой ветке. Так вот, такая ветка до приземистого Омского вокзала была вся заставлена на всех путях разноцветными пассажирскими вагонами, над которыми развевались пестрые иностранные флаги... В этих вагонах, из-за абсолютной нехватки квартир в Омске, жили наши союзники или «союзнички», как их все называли тогда. Это были представители всех наций, аккредитованные с теми или другими заданиями к омскому правительству адмирала Колчака. Таких вагонов стояло буквально десятки.

Застрял в голове с тех пор обрывок омского стихотворения... И в Омске, как везде, были они, поэты – певцы совершающейся истории. Вот как он звучал:

Экс! Ориенте Люкс! Сказали,
Так Возрожденье совершится.
Вот веют флаги на вокзале,
Над новою столицей...

Прикрыв лицо степного зверства
Культурной беженскою пленкой,
Такою призрачной и тонкой –
Возникли в Омске министерства.

Во всем подобие столицы,
В 12 пушка бухнет ровно –
И Любинский – что Невский словно –
Везде автомобили, лица.

Так долго едешь до вокзала,
Течет толпа, бегут машины –
А всюду в окнах, на витринах
Видны портреты адмирала...¹

¹ Впервые это стихотворение поэта Александра Вощакина было напечатано в «Нашей газете», № 28, 1919 г. В оригинале четверостишья выглядят следующим образом:

Ex oriente lux – сказали:
Так возрождение совершится.
Вот веют флаги на вокзале
Над новою столицей...

.....
Во всем подобие столицы:
В двенадцать – пушка бухнет ровно
И Любинский – Тверская словно
Смешались экипажи, лица...

И имени поэта не помню, забыл два-три куплета, но характер Омска того времени это стихотворение передает...

Что меня поразило особенно в Омске, это базар.

— Что особливого? — спрашивали меня некоторые, услышавшие мои восклицания. — Всюду так!

Но я был и тут прав — я ведь всего каких-нибудь за четыре месяца до встречи с базаром в Омске пробыл более двух месяцев в Москве и был поражен щедростью местной природы, а также и продуктивностью местного труда. Базар был положительно завален зеленью, овощами, мукой, маслом, красными тушами мяса. Настолько, что в необычайном месиве птицы, зверья и т. д., в месиве грязи на базаре тонули, шлепали необычные большие жирные крысы среди валяющихся скотных ног, даже белеющих черепов с огромными рогами. Это обилие еды, если угодно жратвы, эти толстые, праздные, толкущиеся под ногами или носящиеся над головами голубиные стаи — положительно потрясли... На моем теле под рубашкой я прощупывал шрамы от голодной экземы, а здесь... <...>

В такой-то первозданной изобилиности Омска и довелось мне очутиться в те майские дни... Что представлял собой тогда битком набитый, перенаселенный Омск? Омск стоял на слиянии рек [Иртыша] и Омки, где на холме была крепость, которая так напоминала мне Белогорскую крепость в «Капитанской дочки». Среди этих степей, перелесков, озер, колок вырос Омск — типичный казачий городок, вытянувшийся вдоль Иртыша, где на самом берегу стоял небольшой особнячок, занятый адмиралом. Параллельно набережной шла главная улица, Любинский проспект, до Театральной площади, примыкавшей к вышеописанным базарам... На Любинском стоял казачий собор, административные здания. На площади против театра был большой дом Липанникова.¹ Купеческое строение, охватывавшее пристройками, амбарами, складскими помещениями внутренний двор. <...>

Иванов Вс. Н. Урал — Харбин — Владивосток, 1919-1922: главы из воспоминаний // Иванов Вс. Н. Императрица Фике. Дочь маршала: ист. повести. — М., 1992. — С. 388-390.

1919 г., июль

А поезд все дальше и дальше несется на запад. Расстояние до Омска с каждым днем сокращается. Осталась позади и Барабинская степь, где станционные ларьки ломились от изобилия всевозможных молочных продуктов. Но вот и Омск. Все пути забиты беженцами и грузами. Были и воинские эшелоны, но преимущественно с солдатами иностранных миссий, которых в Омске было несколько. На станции и поблизости жизнь шла оживленная, везде народ, шум, гомон. <...>

¹ Доходный дом купца П. А. Липатникова (ул. Гагарина, 22). — Сост.

В Омске мы пробыли недолго. Та атмосфера, какою был насыщен город, нам ужасно не нравилась. С большим нетерпением мы ждали того дня, когда выберемся отсюда. <...>

Перед отъездом из Омска произведенные казаки еще раз побывали в Штабе Казачьих Войск, где генерал Хорошкин (уралец) сказал немного слов, указывая на нашу обязанность и долг перед родиной. Призывал к честной работе в полках, не обращая внимания на ту «тыловую сволочь», которой был переполнен Омск. Такая характеристика тыла нам казалась верной и удачной.

Приданников А. О. Вычеркнутые из истории: записки очевидца / публ. В. В. Винклера, Л. М. Флаума. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 18-20.

Оставив вещи в закрытом купе, мы поехали на извозчике в город, находившийся от железнодорожного вокзала несколько приличных километров. <...> Между городом и вокзалом обширная степная равнина. Улицы города широкие и прямые. Только одна была мощеная и имела тротуары. На других улицах тротуары либо деревянные, либо их вообще не было. Садов и растительности немного. В центре города огромная площадь, в центре которой стояла церковь. Недалеко небольшой парк, вблизи этого парка в одном из дворцов находились учреждения Морского министерства¹.

Станкевич М. Z floty carskiej do polskiej: (wspomnienia). – Gdynia, 1995.

Цитируется по: Рэзмер В. Сибирь в воспоминаниях капитана Мамерта Станкевича // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. (21-25 апр. 2010 г., Омск). – Омск, 2010. – Ч. 1. – С. 307.

1919 г., сентябрь - ноябрь

День выдался тихий, солнечный, словно по заказу. Перед этим низовой ветер гнал крутую волну Иртыша и с шумом и грохотом разбивал ее вдребезги о крутой берег у крепости. Серые тучи, клубясь, плыли над городом, задевая острую иглу радиостанции у дома Колчака. Вихри поднимали столбы пыли на Кафедральной площади и бросали ее на город, забивая глаза прохожим. На пристани пароходы молча дымили, как бы раздумывая: что делать? куда пойти?

«Столица» «верховного правителя» жила в чаду унылых настроений. Призывы первых дней – «В Москву! В Москву!»... стали уже не модными,

¹ Никольский казачий собор и Общественное собрание. – А. С.

многие стремились под разными предлогами удрать на Восток. Шла бойкая торговля вагонами, спекулянты выбрасывали на рынки залежалый товар, с утра до поздней ночи шумели рестораны и кафе. Угнетали фронтовые сводки, обыватели и вся эта шатия не знали, куда себя девать от тоски, от предчувствия приближающегося «рокового» дня. Не все же могли уехать на Восток. И вот наступила теплынь, яркое солнце и осеннее умиротворение в природе: затихли ветры, и синий колпак неба опустился над городом, словно защищая его от всяких напастей.

Сегодня воскресный день, город ожил с раннего утра: от пристани, вниз по Иртышу, пошли пароходы с гуляющими. Пароходы украшены бесчисленным количеством разноцветных тряпиц: на палубах, сверкая медью, гремели духовые оркестры. И, благословляя праздник, на высоких колокольнях гудели колокола. Все было направлено к тому, чтобы поднять дух обывателя. А причин к веселью не было, на фронте шло отступление.

Урманов К. Наша юность: страницы воспоминаний // Сиб. огни. – 1965. – № 2. – С. 166-167.

В Омске, несмотря на его столичное назначение и местопребывание Верх[овной] Власти, грязище непролазное и трудно даже ходить по городу пешком. Город дряннейший. Мостовых почти нет, а там, где замощено, так трясет, что почти ехать нельзя. Освещения нет совсем, и с 6 час[ов] город погружается во тьму. Население предпочитает сидеть дома вечером, и на улицах пусто. Жизнь тоскливая ужасно. <...>

В Омске бешеная дороговизна (сажень дров почти 1 500 руб., масло 25 р. фунт, свечи 100 руб. и пр.). На улицах грязь непролазная, по вечерам тьма кромешная. Мороза все еще нет, и сравнительно тепло. Пока сибирская зима не так уж страшна – жить можно. Настроение в городе, в связи с последними событиями, повышенное и даже паническое. <...>

Первого ноября, после омской грязи, вдруг установилась зима. Сразу хватили 10-градусные морозы, и Иртыш, и Омь стали в 2-3 дня, т[ак] что уже по льду ходят. Вот когда почувствовалась Сибирь.

Литовченко Д. Д. Дневник капитана лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко / публ. Т. Д. Литовченко-Вышеславцовой // Звезда. – 1995. – № 2. – С. 15-17.

Омск в 1920 – 1930-е годы: на заре советской власти

1920-е – 1930-е гг.

Питьевую воду покупали у водовозов, развозивших ее по городу в бочках, как две капли воды похожих на конную тележку знаменитого водовоза из фильма «Волга-Волга». <...> Когда бричка останавливалась, собирались очередь, брали по паре больших ведер воды (за умеренную плату) и несли их на коромыслах домой. Вода была обыкновенной речной – из реки Оми, которая протекала сравнительно неподалеку. Уличный водопровод появился лишь в первой половине [19]30-х годов. Это была еще одна маленькая революция. Таких «революций» в городском быту становилось все больше. <...>

Покупка дров, распилка, колка требовали и денег, и недюжинной силы, и приспособлений – от козел до поперечных пил, напильников, топоров и колунов. На дрова уходила значительная часть скромного семейного бюджета. Без них прожить в Сибири было невозможно. Своего угля в [19]20-е годы в регионе почти не было. Да население и не было приучено к этому виду топлива. Уголь появился позже, когда в полную силу заработал Урало-Кузбасс. Полного вместительного сарая дров едва хватало на зиму. Приходилось еще подкупать. <...> Электрические плиты, чайники, велосипеды появились значительно позже, уже в [19]30-е годы. Отдельные богачи-лихачи велосипедисты изредка попадались, как и мотоциклисты. Но это была тогда еще не техника, а экзотика.

<...> Тогда Омский вокзал отстоял от города километров на девять¹. Связь же осуществлялась только с помощью «ветки» – паровоза типа «О» («овечка», как их называли в народе) и пары-тройки вагонов. Ходила «ветка» по расписанию – не чаще двух-трех раз в сутки. <...>

Городские строения кончаются быстро. Большое здание Управления Сибирской железной дороги, которое позже, в пору бурного промышленного развития, оказалось почти в центре города, тогда стояло на самой дальней окраине. За ним начинался небольшой бедный поселок, застроенный хижинами из земли, самана и глины². А потом – чистое поле почти до самого вокзала. <...>

Вокзал, в отрыве от города оказался не случайно. Как рассказывал мне дед, при строительстве дороги проектировщики потребовали от отцов городской управы большой куш за то, чтобы подвести железнодорожную линию поближе к городу. О чем-то стороны не договорились. И на многие годы Омск фактически оказался отрезанным от магистрали.

Вокзал по тем временам большой и нарядный, стоявший почти одиноко посреди обширного поля, сверкал огнями. К нему примыкали лишь редкие служебные помещения, да виднелись здания железнодорожного депо

¹ На самом деле около 3-х км от южной границы города. – А. С.

² Мариупольские землянки располагались на южной окраине города вдоль улицы Московской (ныне проспект К. Маркса). Названы по имени известного омского предпринимателя начала XX века М. Я. Мариупольского. Снесены в конце 1930-х гг. – Сост.

и водокачки. Слышались пыхтение паровозов, пронзительные гудки, едва помигивали огни стрелок.

<...> Снежные заносы, морозы в те годы надолго буквально парализовали сообщение. Поезда опаздывали на много часов. Я с интересом всматривался в незнакомую для меня жизнь. Прежде всего отправился в соседний зал, где размещался частный ресторан. Из кухни доносились манящие ароматы, между столиками неторопливо двигались официанты. Буфетная стойка сверкала и переливалась множеством разноцветных бутылок, притягивала всяческими закусками. Такого изобилия я еще никогда не видел! <...>

<...> меня отвлек звон колокола,озвестившего о прибытии очередного поезда. Радио в те годы не было, и информация исчерпывалась колокольным звоном и выкриками дежурного о прибытии. Для прохода на перрон требовалось предъявить проездной или специальный перронный билет, который продавался в кассах. <...> К перрону медленно, весь в клубах пара, изморози подходил роскошный пассажирский локомотив курьерского поезда «Владивосток-Негорелое». И состав, и паровоз произвели на меня неизгладимое впечатление. Локомотив принадлежал, кажется, к серии Су. Он выглядел не столь огромным, приземленным, как грузовые и маневровые трудяги, черные от копоти и грязи, сновавшие по дальним путям. Паровоз сверкал медью начищенных поручней, разноцветной окраской огромных ведущих колес. Он тяжело «дышил», выпуская время от времени пар. За ним следовала «углярка» – прицепной полуwagon, в который грузился уголь для топки. А потом начинался сам состав, состоящий только из вагонов международного класса. Эти вагоны, вероятно, строились еще до революции. Они были обшиты деревянной отлакированной рейкой, с широкими зеркальными окнами, за которыми таинственно мигали огоньки ночников.<...>

Каток располагался в самом центре Омска, недалеко от впадения реки Оми в Иртыш. Метрах в пятистах от устья вверх по Оми возвышался железный мост – краса и гордость города, приобретенный сибирскими купцами на Парижской выставке, а еще чуть выше – метрах в пятидесяти – каток. Он представлял собою большую, расчищенную от снега и небольших торосов площадку речного льда, политого дополнительно разогретой водой. Лед в дни праздников и соревнований «фрезеровали» ручным способом – лопатами, скребками, катками. С внешней стороны каток был обнесен небольшим заборчиком. В лед вмораживались столбы, на которых развешивались электрические лампы. По внешней стороне катка была проложена дорожка для конькобежцев-скоростников, а вся остальная часть отдавалась для катания прочей публики. Примитивная раздевалка – домик на курьих ножках – возвышалась на верхнем обрезе берега. Чтобы очутиться на катке, надо было спуститься вниз метров на 15-20 по длинной дощатой лестнице. По субботам и воскресеньям на катке играл оркестр. <...>

Что представляла собою улица провинциального сибирского города [19]20-х годов? Ее проезжая часть была обычной грунтовой дорогой, которая раскисала весной, осенью и летом после дождя. Лошадь с телегой двигалась

по ней с трудом и то лишь тогда, когда не было грязи. В сухое время грязь застывала, превращалась в немыслимые ухабы и колдобины. Не случайно одна из улиц так и называлась – Непроезжая¹. Название вполне соответствовало ее состоянию. По обе стороны «проезжей части» на некотором расстоянии рылись канавы в метр-полтора глубиной. А за канавами начинались тротуары. Для обычных деревянных мостков шириной в метр-полтора, наверное, это слово не совсем подходит. Но в тогдашнем Омске такие хлипкие сооружения, из которых торчали гвозди, переломанные части досок и прочее, назывались именно так.

Канавы составляли основу сточной канализации. Осенью и особенно весной после дружного таяния снега (а смена времен года в Сибири, как и в других районах с континентальным климатом, наступала обычно резко) канавы заполнялись водой доверху. Распутица длилась две, а то и три недели. Вода из канав стекала непосредственно в Омь и Иртыш. Некоторые улицы при этом превращались в маленькие речки. Для города и горожан это было трудное время. <...>

Улица, разумеется, была первой моей школой географии города. Наша улица Степная ничем не отличалась от остальных. Вымощенные камнем мостовые имелись лишь в самом центре. По ним на телеге и позднее на автобусе можно было проехать и в сушь, и в распутицу. Но при этом так тряслось, что, казалось, вот-вот из тебя душу вытрясет. Такие мостовые имелись еще на двух-трех улицах, идущих перпендикулярно Иртышу, вдоль которого узкой полосой тянулся город.

Омск моего раннего детства – типичный сибирский город. Черты нынешнего миллиона – одного из тринадцати крупнейших городов России – тогда никак не просматривались. О первоначальном назначении напоминала небольшая крепость с каменными строениями, в которой размещались учреждения местного воинского гарнизона. <...>

В 1920-е годы город и горожане медленно приходили в себя после страшных лет гражданской войны и диктатуры Колчака. Одни с опаской проходили мимо скромного дома на набережной Иртыша, в котором жил А. В. Колчак; другие с неменьшим страхом поглядывали на здание, где совсем недавно размещалась Чрезвычайная комиссия (ЧК), кажется, на улице Декабристов². Численность населения, видимо, не превышала 100-140 тыс. человек. Город по-прежнему являлся крупным железнодорожным узлом на великой Транссибирской магистрали, центром водных коммуникаций. Имелось несколько средних предприятий сельскохозяйственного машиностроения, суконная, табачная фабрики, кожзавод, пивоваренный завод и несколько других.

Центр начинался с генерал-губернаторского дома (теперь его иногда именуют дворцом). На дворец он был мало похож. Большой двухэтажный каменный дом с надстройкой, выделявшийся среди окружающей застройки

¹ Современная ул. Пранова. – А. С.

² Ул. Декабристов, 35; ныне здесь располагается Центр повышения квалификации работников здравоохранения. – А. С.

неким подобием монументальности. К дому примыкал большой сад, который одно время был превращен в зоопарк, где содержались животные местной сибирской фауны. Позже там размещался городской парк с летним театром. Почти напротив генерал-губернаторского дома располагались Ильинская церковь, а за нею – бывшая городская управа, ставшая центральной городской библиотекой¹. Сплошь каменными домами-магазинами с куполами-«кананасами» на крышах была застроена только улица Люблинская [sic!], именуемая и проспектом (здесь некогда находилась Люблина роща). Позже ее переименовали в улицу Ленина. На продолжавшей улицу нагорной части располагалось живописное двухэтажное каменное здание драматического театра с обширным зрительным четырехъярусным залом, довольно хорошей акустикой, в чем-то повторяющее архитектуру Мариинского театра в Петербурге. Неподалеку размещался комплекс Медицинского института. Город славился знаменитым кадетским корпусом, размещавшимся в длинном на целый квартал двух- или трехэтажном корпусе с колоннадой. И какие бы военные учебные заведения ни располагались в нем в послереволюционные годы, горожане все равно называли его по старинке. Напротив располагалось здание бывшего офицерского собрания, ставшего Домом Красной армии².

Среди общей довольно однообразной застройки центральной части Омска выделялись живописные мощные каменные здания двух (если мне память не изменяет) соборов и нескольких церквей. Молебный дом баптистов на этом фоне смотрелся довольно уныло. Еврейские синагоги выглядели более внушительно, хотя и были построены из дерева. Но в центральной части располагались только православные храмы. Они являлись и своеобразными центрами городской топонимики. В округе Казачьего собора находились и базар, и цирк, и казармы. Все они так или иначе именовались «казачьими».

Новые названия магазинов, зданий, улиц прививались плохо. Коренные омичи явно предпочитали традиционные названия новым. В городе имелся лишь один памятник – монумент жертвам революции, белого террора, открытый в начале [19]20-х годов. <...>

Одна [улица – Е. Т.] носила имя Л. Д. Троцкого (позже ее переименовали в улицу Десятилетия Октября), другая – М. Ю. Лермонтова. На первой был расположен ряд маленьких частных продуктовых магазинчиков, парикмахерская, аптека, сенной базар. Особенно запали в память лавка нэпмана Зильбера и аптека. Первая – потому, что в ней мне покупали изредка какао «Золотой ярлык» в красивых жестяных банках и шпроты. <...>

<...> около аптеки продавали мороженое. Его и продавали, и фасовали совсем не так, как теперь. Мороженница обязательно в белом фартуке,

¹ Библиотека им. А. С. Пушкина, ныне Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина. – А. С.

² На самом деле напротив было здание Общественного собрания, а дом Красной армии располагался в крепости (Дом офицеров). – А. С.

нарукавниках стояла у довольно большой ручной тачки, на которой был укреплен выкрашенный в яркий цвет ящик. В нем находилось две или три больших емкости с мороженым (сливочным, фруктовым). Они были засыпаны льдом. Порция формировалась в особой формочке, которая представляла собой небольшой плоский жестяной стаканчик. Мороженщица обычной столовой ложкой набирала из емкости мороженое и уминал его в стаканчик. На его дно и сверху накладывались две вафли. Снизу под стаканчиком имелся толкатель, который выталкивал готовую порцию из стаканчика. Стаканчики были различного диаметра, глубины. И порции оказывались, естественно, разными, как и их цена.

Если мороженое дети тоже не так, как теперь. Лепешку сантиметра два-три толщиной аккуратно лизали, придерживая за вафли, пока содержимое не «слизывалось» полностью. Тогда доедали и вафли. Лакомство это считалось летним, зимой мороженого не делали. Иногда продавцы ездили со своими тачками по улицам и, расхваливая товар, сбывали его. Но у аптеки летом мороженое имелось почти всегда. <...>

В то время сахара-песка на прилавках практически не было, сахар продавался крупными кусками, которые надо было перед употреблением колоть. Для этого имелись специальные «сахарные щипцы». Стояли такие «сахарные головки» высотой примерно в сорок сантиметров. <...>

Второй улицей, до которой мы на первых порах решались самостоятельно доходить, была улица Лермонтова. С одной, ближайшей к нам, стороны она упиралась в действующее городское кладбище, а с другой (в полу-часе ходьбы) – заканчивалась в центре у губернаторского дома. Улица выглядела богаче и обустроеннее, нежели наша Степная, но никаких дорожных покрытий не имела. Тротуары и канавы были такими же. Лишь кое-где на электрических столбах болтались электролампочки. Нередко по несколько раз за день по ней медленно и чинно шествовали траурные процесии.

<...> Сам [Казачий – Е. Т.] базар являл собою живописное зрелище. Он раскинулся на большой площади. Основные торговые ряды представляли небольшую сеть дощатых, на скорую руку сбитых столов. За ними стояли продавцы, которые не были отделены какими-то заграждениями один от другого. Помидоры, огурцы, лук и прочее выкладывалось просто на стол. Товар не укладывался, а прямо лежал навалом. Каждый выбирал, что хотел, и долго, долго торговался с продавцом. В этом для некоторых состояла прелесть базарных походов. Было, правда, и несколько небольших киосков, в которых продавались вода и мороженое.

Неподалеку от этой площадки располагалась другая. Здесь находились мясные ряды, в которых продавали мясо, птицу и, кажется, рыбу. Прилавков-столов тут было поменьше. На них выкладывали рубленое мясо и птицу. Остальная же часть площадки была пустая. На ней останавливались продавцы, приезжавшие на телегах или санях. Они предлагали коровы туши или их крупные части.

О какой бы то ни было санитарии и гигиене говорить трудно. Она появилась на базарах позже, уже в 1930-е годы.

Через дорогу от базара¹ располагался местный цирк – большое круглое деревянное здание с куполом и небольшими служебными пристройками. Внутри цирк выглядел довольно нарядно – с круглыми рядами удобных кресел с центральной ложей, большой ложей для оркестра. Арена, как и везде в подобных заведениях, была засыпана опилками. <...>

Если перечислить продукты, напитки и товары, которые в 1935 году появились в магазинах, то современник, пожалуй, не поверит. В деревянных кадках стояла черная и красная икра по вполне доступной цене. На прилавках лежали огромные туши лососины и семги, мясо самых различных сортов, окорока, поросыта, колбасы, названия которых теперь забыты, сыры – все это можно было купить без всякой очереди и в любом количестве. Таких «чайных» колбас, «салями», свежайших белых булок с хрустящей корочкой, разнообразных конфет, шоколада, какао, многочисленных сортов масла, какие тогда свободно продавались по весьма умеренным ценам, я не видел даже в годы НЭПа. И все они были экологически чистыми!

Мне особенно запомнились нарядные по тем временам витрины продовольственных магазинов в центре, мимо которых я проходил зимними вечерами, возвращаясь с катка. После катания, разумеется, аппетит был немалый, и я обязательно заходил в эти магазины. Часто задерживался у гастрономических прилавков. Глаза разбегались. Больше всего мне нравилось смотреть на витрины, где были выставлены колбасы. Очень любил «салами» твердого копчения и «чайную». Покупал вкуснятины, разумеется, далеко не каждый раз. Дома было не густо, но в эти годы уже и не пусто.

Ваксер А. З. Жизнь, люди, эпоха. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 25, 27-28, 30-32, 38-39, 51-59, 99-100. – (Настоящее прошедшее).

*М*ои детские годы прошли в [19]20-х – начале [19]30-х годов в Омске, где я с родителями жил на улице с не очень благозвучным названием Банная² в маленьком деревянном домике. Он был построен еще в прошлом веке домохозяином Баскаловым с определенными архитектурными претензиями. Стоял на кирпичном фундаменте и под железной крышей. Его карнизы, фронтон и наличники украшались пропиловочной резьбой. Деревянное крыльцо тоже с деревянным кружевом вело к парадному входу, где торчала ручка, от которой внутрь дома тянулась проволочная тяга к колокольчику. Четыре окна, выходившие на улицу, имели ставни, закрывавшиеся на ночь и запирающиеся на болты, проходившие сквозь стены. Фасад дома был оштукатурен и побелен. Таких побеленных домов в городе имелось немного. Думается, что постройки подобного стиля привносили в наш город казаки откуда-нибудь из Ставрополья, где они широко распространены. Двор дома отделялся от улицы глухим деревянным забором и высокими двухстворчатыми воротами с калиткой. Верх забора и

¹ Ул. Съездовская / Лагерная. – А. С.

² Современная ул. Косарева между ул. Красный Путь и Иртышом. – А. С.

фигурную арку ворот тоже украшала резьба. Такие ворота стояли у многих омских усадеб, и хозяева ими гордились. И сейчас еще можно увидеть в некоторых старых районах города врастающие в землю дома, а рядом высокие подновленные ворота.

Ко времени, о котором идет речь, наш дом изрядно обветшал. От краски его остались одни воспоминания, деревянные украшения потрескались, а кое-где и отвалились, ворота требовали ремонта. Но и многие другие такие же небольшие жилые дома, из которых преимущественно состояли кварталы городской застройки, не блистали новизной. Часть жителей обитала в особняках побольше, иногда даже двухэтажных. Вся мелкая застройка не имела благоустройства. Улицы тут не мостились, деревянные тротуары доживали последние годы, с малым успехом пытались заменить их утрамбованной щебенкой, кирпичным боем. Ни канализации, ни водопровода. По утрам разъезжали по улицам на лошадях водовозы, развозили в деревянных бочках воду по дворам наиболее состоятельных горожан. Менее состоятельные отправлялись за водой самостоятельно – обычно с коромыслом и парой ведер на плечах. Для забора воды как водовозами, так и индивидуальными потребителями в городе существовали большие деревянные будки с окном, с водяными трубами, через которые «водяной оператор» отпускал по талонам нужное количество воды. Ближайшая к нашему дому заправочная будка находилась на Кооперативной улице¹, квартала через три. Современные водопроводные колонки появились только в середине [19]30-х годов.

Улицы в нашем районе, за исключением важной, мощеной магистрали – Красного Пути – были малолюдными. Лишь по Банной в часы работы бани туда и обратно в одиночку и группами шли мимо нашего дома с сумками и свертками банные посетители. Порой прямо посередине улицы (пыльной, грязной или заснеженной, в зависимости от времени года) проходили строем красноармейцы. Младшие командиры с вениками под мышкой шагали по тротуару. <...>

Ранними летними утрами на упирающейся в наш дом Завьяловской улице пастухи собирали стадо и гнали его в сторону Загородной рощи на выпас. Вечером оно возвращалось обратно, и по масти шедшей впереди коровы было принято предсказывать погоду на завтра. Коровы и козы на своем пути не пропускали съедобных растений, и потому около домов росли только крупные деревья. Кустарники и цветы наиболее рачительные домовладельцы выращивали в палисадниках. Попытки посадить у нашего дома деревца клена окончились неудачей – их немедленно объели козы. И ближе к центру города цветы нуждались в охране. Запомнились мне цветочные клумбы неподалеку от театра, огороженные... колючей проволокой. <...>

В начале мая 1928 года в Омске случилось настоящее наводнение! Вода затопила даже улицу Ленина, по ней на лодках подплывали к самой

¹ Современная ул. Булатова. – А. С.

«горе». Иртышский берег залило вплоть до бани, но к жилым домам нашей улицы вода не подобралась. Наводнение нанесло большой материальный ущерб складам, магазинам, учреждениям города. В одном месте затопленной оказалась кладовая с сахаром. «Омке – сладко. Церабкоопу – горько», – иронизировала газета «Рабочий путь». <...>

Лашков К. На улице Банной // Омская старина: ист.-краевед. альманах. – Омск, 1995. – Вып. 3. – С. 102-105.

1928 г.

Факонец-то тронулся Иртыш. Пронеслась весть, что вода поднялась почти на пять саженей, что залиты Луговые, причалы и улицы, близкие к Иртышу. И даже нижняя часть Любинского проспекта. Стрелка, кинотеатры «Гигант» и «Художественный» оказались в воде. <...>

Я хорошо запомнил этот день. Он был теплым и солнечным. Мы шли по деревянному тротуару Красного Пути к Любинскому проспекту.

<...> Дошли до кафедрального собора. Огромный, он стоял, сверкая тремя шеломами куполов. Высоко над собором в голубом небе крутились стайки голубей. Я зачарованно смотрел на купола и кресты. Слева видна была высокая каланча. Мы прошли через парк, окружавший собор, и скоро вышли к драмтеатру, который тоже поразил меня своими размерами и красотой. Мимо театра беспрерывно шли люди. Мостовая была вымытена крупным булыжником, и здесь, у театра, были коновязи. Стояли рысаки с лакированными пролетками. Кони разной масти – рыжие, вороные, саврасые, чисто-белые и даже игреневые. Храпели, били копытом, гремели удилами. Извозчики тут же разговаривали друг с другом. Иные просто прохаживались, ожидая седоков. Все они были в сапогах до колен; некоторые в шляпах и шапках. Мы долго стояли, глазея на всю эту невидаль... <...>

Потолкавшись у театра, бежим дальше. Вот и пуп земли – самый что ни на есть центр. Много народа. Все пришли посмотреть на наводнение. Мы подошли к лестнице, ведущей вниз, и перед нами открылась ужасающая и в то же время чарующая картина. Два ряда красивых и светлых зданий убегали к железному мосту. Они и все пространство за ними залиты водой, подступающей к самой лестнице. Плавают льдины, какие-то ящики, доски... Скользят лодки с людьми. У некоторых в руках багры. Они что-то вылавливают. <...>

В маленьком скверике, что возле Сибзавода, на телеграфном столбе укрепили большую черную тарелку – репродуктор. Около столба каждый день, особенно вечерами, собирается народ послушать радио. Многим мужикам и бабам совершенно непонятно, каким образом из черной тарелки вдруг является голос и звучит музыка. Можно узнать, что делается во всей стране и аж послушать Москву. Мы, огольцы, тоже слушаем, хотя

мало что понимаем. А на улице пыльно и жарко. В пыли копошатся воробы. Проедет мужик на телеге, промчится ли извозчик – и сразу встает пыль. И только когда начинается дождик, она исчезает, и вместо нее появляется грязь. <...>

День воскресный. В этот день всегда оживляется город, люди спешат в магазины, лавочки и увеселительные места. Ведь по стране шел тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Расцвет НЭПа. Его последний год...

Мы выходим на Красный Путь. Здесь на углу китайская лавочка, а рядом одноэтажный каменный «Церабкоп». <...> Китайских лавочек в Омске – великое множество. Они есть на каждой улице. Китайцы – народ торговый, сметливый и предприимчивый. Они ходят в синих блузах и узких брюках, завязанных у щиколотки. Они все почти с косами, быстры в движениях. Говорят тоже быстро и смешно. <...>

<...> Они были вежливо-услужливыми, всегда улыбались. В их лавочках можно было купить всякой всячины. Горожане не называли их по китайским именам. Называли русскими. Вася или там Ваня. Китайцы не обижались. Вася так Вася... Мы заходим в лавочку <...>. В лавочке есть все что угодно. Булевки, китайские фонарики, халва, ириски. Полуаршинные конфеты с кисточками, обернутые цветной бумагой, висят под потолком. Они по пятаку штука, и их обычно покупают дети <...>. Проезжаем театр, и подковы лошади цокают по булыжнику Люблинского проспекта, который теперь называется улицей Ленина. Сколько лавок и магазинов! От тротуаров до верха они завешаны вывесками и рекламными щитами. От пестроты даже рябит в глазах. <...>

Мы шли, и навстречу нам тоже шли люди. Женщины в глубоких модных шляпках, коротко подстриженные. Иные с косами или высокими прическами. Блузки плотно облегали талии. Некоторые были в коротких юбках, в элегантных чулках и лаковых туфлях. И мужчины – в пестрых, светлых и клетчатых пиджаках и самых разнообразных рубашках. Многие в шляпах и кепках, а иные без головного убора.

Сразу за мостом начались магазины <...>. Сверкали на солнце витрины и чего только на них и за ними не было! <...> Заходим в мануфактурный магазин. Чего тут только нет! У стен красуются ткани, собранные в искусные складки: бархат, чесуча, куски китайского шелка, кашемир. Висят шали и полушалки, переливаясь всеми цветами радуги. Приказчики – одно загляденье. Все с проборами или чубами, в хороших жилетках или рубашках. Вежливо-заискивающе склоняются <...>.

Ситец всех цветов. Восемь копеек аршин. Я, разинув рот, зачарованно смотрю, как приказчик отмеряет его, быстро орудуя аршином. И не уследишь. Мать тоже что-то купила и протянула приказчику червонец. Он расплылся в улыбке и стал давать сдачу.

Да, я помню эти нэпмановские червонцы. На белом поле его – крестьянин в сермягге, на груди лукошко с зерном. Сеятель. Знаю, что в те времена это были большие деньги.

А вот «Колбаса и копчености» и «Рыба» – висят коричневые окорока и колбаса. На больших подносах – корейка, грудинка, шпик. У приказчиков – длинные, узкие и острые ножи. Для вас содеют что душе угодно. Ловко нарежут колбаски, завернут в пергамент и завяжут шпагатом. Здесь можно купить обрезков копченой колбасы. Десять копеек фунт. Это – для несостоятельных граждан. На другой стороне прилавок с рыбной снедью. Балыки осетровые, севрюжки, белужьи, нельмовые. Розовая красуется семга – самая дорогая рыба. Фунт – пятьдесят копеек. А кондитерские! Здесь мальчишке или девочонке вообще можно было сойти с ума. Торты и пирожные самые разные. И названия мудреные. И конфет – прорва. От дешевых, с кисточками, до самых дорогих – ромовых. Тянучки, ирис, мармелад, пастила и халва. Монпансье в малых и больших железных коробочках. На рубль можно было купить целую гору конфет. Я до сих пор удивляюсь тому, что китайский чай продавали не только в пачках, но и в жестяных красивых коробках с двумя крышками притом. А в такой коробочке было всего четверть фунта чая.

Я скажу о некоторых ценах в Омске того времени, которые я еще помню. Фунт масла стоил тридцать копеек. Мясо – четыре, пять копеек, а мука-крупчатка высшего сорта – пятьдесят. Воз сена на сенном рынке – девяносто копеек! Сажень дров – чуть больше рубля. Отец иногда посыпал нас, детей, в монополку за водкой. Это тогда не возбранялось. Бутылка ее (красноголовая) стоила около восьмидесяти копеек, а белоголовка – один рубль две копейки. Были полушки – полкопейки. Но это тоже были деньги. Дело в том, что в то время деньги были отоварены на сто процентов. Правда, заработать их было непросто. Были безработные, были бедные и нищие. Беспризорные еще попадались. Но страна в целом жила в достатке, и простые люди не особенно-то думали о завтрашнем дне...

Васильев В. Детства ослепительный миг // Тобольск и вся Сибирь. Омск: альманах. – Тобольск, 2006. – № 7. – С. 44-45, 48-50.

1930-е гг.

Я помню Омск с 1930 года. Тогда город оставил грустное впечатление. Была ранняя весна, город – какой-то серый, невзрачный, постоянно дует ветер, поднимая внезапно самый разный мусор, или внезапно возникает вихрь. Пыльный город, степной, одноэтажный, преимущественно с деревянными домами частного сектора. Зеленых насаждений на улицах у домов нет, нет и нормальных тротуаров. В ненастные дождливые дни на дорогах непролазная грязь. А в сильные морозы были нередки и ураганы. Ветер валит заборы, ворота, срывал с домов крыши, которые страшно гремели.

В центре города на главной улице – Любинском проспекте – сохранились красивые европейские дома известных купцов, в которых на первых этажах были магазины с широкими окнами-витринами, закрывающимися металлическими жалюзи на ночь. В разных концах города стояли кирпичные двухэтажные дома с башенками, заканчивающимися куполами в виде воинской каски с невысокой пикой или флюгером, и деревянные – также увенчанные башенкой.

В кирпичных домах на первых этажах также были магазины с железными ставнями на окнах и железными коваными дверями, закрывающимися на ночь массивными амбарными висячими замками. <...>

В городе были небольшие частные парикмахерские – мужские и дамские. Немало было и фотографов, которые ютились кто где мог. Я помню, что на пригорке у деревянного моста на большом холсте был нарисован двуглавый белоснежный Эльбрус, а у подножья по узкой тропинке во весь дух летел на лошади джигит. На месте головы на холсте был вырез, и желающий сфотографироваться просовывал голову, а фотограф показывал, как держать голову, чтобы правдиво выглядел скачущий джигит. Я помню, что этого фотографа звали Эльбрусом Моисеевичем. Были и другие фотографы, которые делали салонные фотографии, а также и на документы.

Процветали мастерские по ремонту велосипедов, особенно часто велосипедисты обращались с так называемой «восьмеркой». Было много сапожников, которые прямо на улице делали мелкий ремонт обуви. Тут же рядом находились чистильщики обуви, преимущественно женщины. Почему-то говорили, что они из Сирии. У них же можно было приобрести шнурки любого цвета.

Городской транспорт был извозчичим. Седоков ожидали у железнодорожного вокзала, у рынков, у театра, на площадях, у железногого моста...

В городе на оживленных улицах помню миниатюрные павильончики в китайском стиле (с загнутыми углами крыш), где китаец на глазах у прохожих готовил мясные пирожки, жарил их на сковороде в растительном масле и призывал покупателей возгласом: «Пилюски холяци, холяци, о-о-о! ». В городе жили китайцы, которые зимой возили с железнодорожной станции кокс в небольшие литейные мастерские для вагранок. Это тяжелая работа. Я видел, как лошадь из сил выбивается на морозе, и возница что есть силы помогает. На вопрос прохожего: «Что везешь?» – возница отвечал с китайским акцентом: «Кокса, кокса».

Когда мы приехали в Омск, то оказались в полуразрушенной халупе, вросшей за долгие годы в землю. Дом находился в одном квартале от Казачьего базара. По соседству жили поляки, татары, евреи. В татарских дворах у некоторых был небольшой минарет, на который рано утром старший в семье поднимался и громко призывал соседей к намазу – молитве. Вначале было как-то странно, необычно, но постепенно привыкли. Иногда мы даже подражали татарскому ритуалу. <...>

Зимой, в голодные годы, киргизы и казахи ходили в близлежащие к базару дома и, стучав батогом по раме, с протянутой ладонью для милостыни, говорили: «Курсак пропал». Я позже узнал, что курсак – это желудок, следовательно, желудок пропал, пустой – ничего в нем нет.

По улице Плотниковской от 1-й до 10-й линии был пустырь¹, который однажды вспахали, и какая-то организация посадила картофель. Осенью сотрудники этой организации картошку выкопали не тщательно, и наши родители и многие из близлежащих домов выкапывали по нескольку мешков картошки. Это было в период голодных лет. За хлебом занимали очередь в магазин с вечера, несмотря на то, что вокруг Омска были необозримые поля, засеянные превосходными сортами пшеницы.

До войны в первые теплые весенние дни по этой улице проходили строем красноармейцы с песнями за город на учения. В июне месяце проезжали празднично одетые татары на телегах (взрослые и дети) в березовую рощу на праздник, который отмечался по окончании весеннего сева – Сабантуй. Ставили юрты с решетчатыми секциями, верх укрывали коврами. Молодежь устраивала соревнования по борьбе и ловкости. Забирались на высокий гладкий столб, на вершине которого бывал даже самовар. Праздник проходил интересно, собирая вокруг много зрителей. А ныне в березовой роще – Парк культуры и отдыха².

Вечером из городского сада, который назывался Сад Профинтерна³, доносились звуки духового оркестра, поднимавшие настроение горожан. <...>

Отец и мать иногда брали меня с собой на базар, на котором всегда было много казахов, киргизов, татар. Казахи и киргизы приезжали на лошадях, на верблюдах, привозили свой товар: мясо, муку, кумыс в бурдюках, пшеницу. Они были в национальной одежде в любое время года: в треухе на голове из лисьего меха, широкой стяженой шубе, подпоясанной кожаным ремнем с блестящими наклепками, в стяженых шароварах, кожаных сапогах с раструбом к бедрам. Продавцы в основном были мужчины. Торг был обычным делом: я помню, как отец переходил от одного продавца к другому, пока, наконец, сторговывался. Не то, что сейчас на рынке – у всех продавцов цена одинаковая. Разве это рынок!?

На этом базаре продавали и самые разные старые вещи: елочные игрушки в коробках, граммофоны с пластинками, старые солдатские шинели, буденовки с красной звездой, веера, чернильные бронзовые приборы, деревянные формы для приготовления сыра к Пасхе с буквами Х.В. (Христос Воскресе), керосиновые лампы, старинные настенные часы, зонты, шляпы, муфты, башлыки, кaporы, тюбетейки, расшитые бисером...<...>

¹ Ныне улица 20 лет РККА, от ул. Куйбышева до ул. Богдана Хмельницкого, по левой стороне. – Сост.

² Парк культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ. – Сост.

³ Парк занимал территорию, где в настоящее время располагаются Омский театр для детей и молодежи, Свято-Никольский собор и Концертный зал. – Сост.

Подростки штучно продавали папиросы «Сафо», другие на незамысловатом ящике ваксой чистили обувь желающим.

Около рынка почти круглосуточно работала частная дизельная мельница, напоминающая о себе своими характерными ритмичными выхлопами. <...>

В праздничные – майские и октябрьские – дни витрины магазинов по Любинскому проспекту украшались иллюминацией, самоходными паровозиками и другими движущимися игрушками, и вечерами родители с детьми шли показать эти украшения детям.

До войны 18 августа отмечался день авиации. Помнится, что всегда в этот день была солнечная погода. Утром над городом летал самолет У-2 и разбрасывал листовки, приглашающие омичей на загородный аэродром аэроклуба. Празднично одетые взрослые и дети шли в основном пешком. Помню открытие праздника: выступал первый секретарь Омского областного комитета ВКП(б) Д. А. Булатов, стоя на небольшой трибуне. <...>

Воздушный парад начинался полетом трех самолетов У-2, затем демонстрировались буксировки планеров, прыжки с парашютом с высоты 600 и 900 метров, свободный полет планеров и фигуры высшего пилотажа, возможные для этого типы самолетов. С незабываемыми впечатлениями мы, ребята, возвращались с праздника домой и на другой день мастерили парашют с маленькой куклой или другим грузиком, подбрасывали их в воздух и наблюдали раскрытие парашюта и приземление.

По поводу железного моста. В 1936-1937 годах я слышал по радио, что железный мост, который соединял улицу Республики и Любинский проспект через реку Омь, был приобретен омским головой на одной из международных выставок, привезен и установлен. Этот мост по конструкции и ажурности напоминал Эйфелеву башню в Париже. Все детали моста соединялись между собой металлическими заклепками. На протяжении многих десятилетий горожане-омичи всегда говорили, что железный мост – как ориентир («за железным мостом», «у железного моста» и т. д.). Отважные ребята перебирались под мостом с одного его конца на другой на руках. <...>

По окончании навигации на Иртыше несколько разных судов и буксиров на зиму заходили в устье реки Омь к железному мосту до весны – до следующей навигации. В сильные морозы, чтобы предотвратить скатие судна, рабочие, охранявшие суда, выходили и долбили лед вокруг судов. Многие рабочие зиму жили на судах.

Во время празднования 7 ноября на судах вывешивали разноцветные флаги на растяжках от мачты, что создавало праздничную атмосферу. Когда шла демонстрация через железный мост, рабочие с судов размахивали флагами. <...>

У Казачьего рынка рядом был зимний цирк. Обычно сезон начинался поздней осенью. Афиши извещали об аттракционах воздушных гимнастов с рискованными номерами, об иллюзионистах, были очень популярны матчи французской борьбы, в которых участвовало по 10-15 пар. Были на афишах не раз фамилии нашего прославленного могучего борца Ивана Поддубного и иллюзионистки Клео Дороти.

До войны и после войны у железного моста напротив здания редакции газеты «Омская правда» было сооружение в виде большой бочки на растяжках под брезентовым куполом. Это был аттракцион «Гонки на мотоциклах по вертикальной стене», который исполнялся артистами Александрой и Казимиром Морено. Замечательное запоминающееся представление!

Неподалеку от деревянного моста размещался периодически приезжавший зверинец. Иногда ночами разносился львиный рык по луговым улицам. Было страшновато – вдруг лев выскочит из клетки? Ходили слухи, что крокодил убежал в речку Омку, и некоторые боялись купаться, а женщины боялись идти к речке полоскать белье.

В другой год на этом же самом месте останавливались приезжие артисты-канатоходцы. Установив необходимое оборудование на высоте 10-12 метров, канатоходец в национальной одежде – широких полосатых кофтах и таких же широких шароварах и мягких сапожках-ичигах – с шестом в руках идет по канату, иногда делает пробежку с одного конца в другой. Мне почему-то казалось, что эти артисты были из Бухары. <...>

В 1936 году на первомайскую демонстрацию в Омск на оленевой упряжке на нартах из Салехарда приехал Владимир Дуров из известной династии артистов цирка Дуровых. В это время Салехард был в составе Омской области. У железного моста колонна демонстрантов еще только формировалась. Владимир Дуров стоял у нарт, в руках поводья и хорей. Горожане, впервые увидевшие северных оленей так близко, могли даже потрогать их руками. Улыбающийся Владимир Дуров был в белом цирковом костюме, в жабо. Олени выглядели усталыми, с плешинаами, так как был период линьки. Надо полагать, что такой переход от Салехарда до Омска был нелегок, но Владимир Дуров посвятил его дню сталинской Конституции. <...>

Деревянный мост был через реку Омь от улицы Баррикадной¹ на левый берег реки к спуску улицы Омской. Он был с быками – на случай ледохода, чтобы последний не нарушил мост. Осенью, почти каждый год, из Павлодара приходили баржи, груженные спелыми арбузами, шла бойкая торговля с утра до позднего вечера. А под конец активной торговли чуть подпорченные арбузы продавцы раздавали детям. Арбузы в таком количестве для Омска – праздник! <...>

В 1937 году было открыто трамвайное движение от железнодорожного вокзала до пороховых складов. Пути трамвайные шли по улице К. Маркса, поворачивая у улицы Лермонтова к железному мосту, потом шли через мост, по улице Баррикадной на улицу Гагарина (вверх) и далее <...>.

Бутюгов А. Записки старого омского и ямбургского ворчуна: не члена Союза писателей России, не члена Союза художников России, НО члена Союза земских врачей России! – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Иерусалим: Филобиблон, 2012. – С. 26-36, 39-40, 44.

¹ Современная ул. Щербанева. – Сост.

Чаш дом на улице Фрунзе находился между Госпитальной и Гусарова. Это была грязная, незаасфальтированная улица с деревянными тротуарами. По ней гоняли скот на мясокомбинат. Спуск к Оми был особенно грязен. Когда крестьяне, приезжавшие на Центральный рынок, сводили своих лошадей к реке, чтобы напоить, потом с трудом, буквально волоком вытаскивали их из береговой глины наверх.

О Центральном рынке хочу сказать чуть подробнее. Не о том, крытом, который стоит возле завода имени Козицкого, а о старом, деревянном, который помнят сегодня лишь люди старшего поколения. Располагался он напротив главпочтамта – там, где сейчас вольготно раскинулся Торговый центр. Старый Центральный базар представлял собой систему деревянных торговых рядов и ларей. Тротуары между ними были облагорожены уложенным вручную асфальтом, что для Омска было тогда редкостью. Торговали здесь в основном картошкой, капустой, морковью. Других овощей выращивалось мало, так как в описываемые мной времена еще не было их районированных сортов. На плотах из Павлодара привозили арбузы.

Огородничеством занимались китайцы, их немало жило в городе в довоенные времена. Кроме того, они занимались ремонтом обуви, портняжничали.

Зимой крестьяне возами привозили сюда круги замороженного молока, замороженные тушки зайцев. Торговцы-казахи предлагали говядину, баранину и конину. <...>

Зимой Омка использовалась для конно-лыжных соревнований, а выше, на левом берегу, был сооружен деревянный трамплин, разобранный потом из-за ветхости. На льду Омки проходили и кулачные бои между кочегурами (так называли жителей правого, высокого берега реки) и лугашами (т. е. теми, кто жил на левом берегу – низком, луговом). Начинали такие бои, как правило, мальчишки, потом к ним присоединялись парни постарше, а потом на заснеженный лед могли выйти и взрослые, матерые мужики. Доходило порой до серьезныхувечий.

Раннее детство прошло на улице. Играли в «красных» и «белых». В ходу была игра на деньги – «чика», она была двух видов: в «пристенок», когда били пятаками о забор, и в «накат», когда монеты выставлялись столбиком на земле, и нужно было вначале попасть в них «битком». Играли также в зоску – подбрасывали ногой меховушку со свинцом. Были у нас и такие забытые нынче игры, как в ножичек, чижик, бабки. <...>

В начале улицы Герцена стоял кинотеатр «Луч». Его белый с лепниной фасад создавал ощущение каменного здания, на самом же деле кинотеатр был деревянным. Перед кассами соорудили дощатый помост, нередко посетители, покупая билет, просыпали мелочь, и монетки проваливались сквозь щели между досками. Это хорошо знали мы, мальчишки: забирались под помост и собирали эти, ставшие ничейными, деньги. Иногда хватало не только на билеты, но даже и на мороженое.

Усадьба вокруг нашего дома была довольно большая. Росло на ней много сирени. Мы с бабушкой вязали из нее букеты и продавали их в центре города – возле драмтеатра. Был и огород. Сажали на нем картошку, посадочным материалом при этом служили глазки, фактически это были очистки, остававшиеся от чистки картошки для еды. Все это помогало выживать. <...>

Зимнее увлечение – лыжи и коньки. В ходу у нас были коньки, называвшиеся «гаги». Их прикручивали веревками к валенкам, а потом цепляли проволочным крючком за проезжающую автомашину и мчались по улице с немалой скоростью.

Через Омку ходили на другой берег в библиотеку и в баню. А ведь это была «чужая» территория, подвластная «лугашам». Ну и доставалось иногда от наших вечных врагов.

Помню, после военного столкновения на Халкин-Голе в Омский госпиталь доставили немало раненых бойцов. Они часто просили нас, мальчишек, доставлять записочки своим городским подругам – так мы зарабатывали на те же мороженое и кино.

Вспоминается и кинотеатр «Художественный», преобразованный ныне в Органный зал. Это был самый элитный кинотеатр города. Перед началом сеансов здесь играл оркестр, выступали исполнители популярных песен. Руководил этим оркестром скрипач А. А. Коробченко. <...>

В какой-то период перед войной в городе существовала карточная система – продукты выдавали по «кубикам» – так назывались жилые кварталы. Хлеба полагалось 400 или 500 грамм на человека в день.

Глебов Ю. Я. Вчера и сегодня: статьи, выступления и интервью разных лет. Комментарии / сост. А. Лейфер. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Наука, 2014. – С. 12-15, 17.

В тридцатые годы была пыль. <...> Тогда каменные здания двухэтажные и выше были только в центре города, на улицах Ленина, Республики и немногих других, на административных площадях. Основная застройка, тем более окраины, состояла из одноэтажных деревянных домов с печным отоплением, как и наш дом. На некоторых перекрестках улиц стояли водоразборные будки, откуда воду носили на коромысле. Для того чтобы она налилась, надо в узкую щелку просунуть будочнице талон на 25 литров. Зимой в замерзшее окошко ее не видно, подставлять под кран ведра приходится, манипулируя на твердых и очень гладких ледяных буграх из расплескившейся воды.

На улицы жилых районов выходили фасады домов с крыльцом и навесом парадного входа. Окна со ставнями, закрываемыми на ночь и запиравшимися изнутри с помощью пропускаемых через отверстия в стене металлических шарнирных стержней. Перед фасадом нередко палисадник с цветником, кустами акации. Расстояние между соседними домами ограждено

сплошным дощатым забором, за которым двор, огородик, сараи. Рядом с домом обычно калитка и ворота, такие же плотные и высокие, как весь забор. Тротуар дощатый. Приподнят над грунтом проезжей улицы примерно на 30-35 см. Это несколько предохраняет в дождливую погоду от глубокой грязи, в которую неминуемо погружается пешеход только на перекрестке. <...>.

Надёжин Б. М. Возвращение // Иртыш: альманах. – Омск, 1993. – № 2. – С. 302-303.

1936 г.

Сад завода им. Куйбышева¹. Это место сейчас становится популярнее с каждым днем. Не как сад, а как конечная остановка первой линии трамвая. Отсюда, из центра города, начинает свой восемькилометровый путь трамвай, чтобы домчать омичей до вокзала. Вместе с толпой людей, «обкатывающих» трамвай, поднимаемся в вагон. Каждый умещается по своему вкусу. Только ребята одинаковы во всех городах. Еще хорошенъко не ознакомившись с тем, что есть внутри вагона, они отлично поняли, что снаружи есть «колбаса», на которой пока можно безнаказанно ездить.

Из окна вагона удобно созерцать свой город. Совсем на небольшую высоту поднимается человек, стоя на площадке. Но неожиданно в привычных и исхоженных местах перед ним открывается другая перспектива. И человек смотрит другими глазами на свой город.

Трамвай еще не тронулся. Из окна вагона хорошо виден сад и Дом пионеров. Недавно город отдал этот замечательный уголок детям. Ютившийся сначала в одном этаже Дом пионеров сейчас разместился в двух этажах. За густыми кустами сада вырастает большой дом управления НКВД. И тут же, с задней площадки вагона, виден в конце Банковского переулка играющий с ветром флаг. Это ворота стадиона, созданного в этом году².

Трамвай пока еще чувствует себя несмело на улицах города. Обычно зорной звонок звучит глухо. Вагон двигается к улице Мопра³. Сменяются здание за зданием. Вон за базаром выступает новый дом. Красиво спроектированный и быстро построенный жилой дом работников связи после окончательной отделки, несомненно, будет одним из лучших зданий города. Приятно сейчас из трамвая видеть этот дом, гордо возвышающийся среди хибарок и лавчонок. Но долго ли он будет так горделив – этот дом? Контуры будущего становятся реальнее с каждым днем. С будущего года на месте базара начнется строительство Дома советов, тут же недалеко Дом

¹ Территория кинотеатра им. Маяковского. – А. С.

² Стадион «Динамо». – А. С.

³ С 1961 г. улица Гагарина. – Сост.

соцземледелия, дом Облплана. Площадь Дзержинского, большое, кем-то вспаханное поле, мимо которого сейчас идет наш вагон, будет обрамлена замечательными зданиями и станет одним из красивейших мест города.

Трамвай миновал здание почты. Над этим зданием надстроен один этаж. Дом от этого стал немного выше, но не красивее¹. В этом этаже заканчивается монтаж новой телефонной станции. Ведь в городе до сих пор не было не только трамвая, но и самой прозаической полуавтоматической телефонной станции. Город говорил в 1200 «эрриксонов», город крутил ручки безнадежно устаревших и хрипевших телефонов. Однако мы не можем смотреть на станцию только признательным взглядом. Медленно, очень медленно строится она.

Пятиэтажный жилой дом Облисполкома, стоящий на площади Дзержинского, только одной стеной выходит на улицу Мопра, к трамвайной линии. Дом этот – ровесник трамваю. Начали укладывать путь – начали рыть фундамент для дома. Но вот трамвай уже мчится мимо, а дом только подвели под крышу.

Не в пример другим городам не по центральной улице идет у нас трамвайная линия. И только у моста через Омь высакивает к улице Ленина трамвайный поезд. Если бы вагон был одухотворенным существом, он бы каждый раз на этом месте посматривал на громадину, что возвышается за кинотеатром «Гигант». Это здание новой котельной ТЭЦ. Теплоэлектроцентраль – солнечное сердце города, расширение которой обеспечивает бесперебойное движение трамвая и промышленное строительство Омска. 11-12 тысяч киловатт дает ТЭЦ сейчас городу. 16 тысяч киловатт даст тогда, когда вступит в строй новая котельная.

Два моста перекинулись через Омь. В окне мелькают переплеты ферм. Этот мост, что под вагоном, построен специально для трамвая. Но в конце концов и ТЭЦ специально расширяется для трамвая. И Лермонтовская улица специально замощена. И старая церковь снесена² вот тут, на маленькой площади, чтобы радостный зеленый уголок сквера смотрел на вагоны. И рабочие завода им. Люксембург готовили специальные поковки. И завод им. Кагановича принял специальный заказ на сверление рельсов. Специально для трамвая – значит для своего города. Не так уж хорош пока наш город, но кто из омичей не уверен, что он будет хорошим. Трамвай уже значительно меняет его лицо.

Набирая ход, уверенно идет поезд по ул. К. Маркса, по Московской³. Из окна видны новые дома, построенные для железнодорожников, мимо пробегают те самые заводы, которые помогали строить трамвай, а еще немножко дальше вагон останавливается у мясокомбината⁴.

¹ В здании бывшего почтамта ныне располагается филиал ОАО «Ростелеком» (ул. Гагарина, 36). – А. С.

² Здание Пророко-Ильинской церкви было разобрано летом 1936 г. – Сост.

³ В 1956 г. ул. Московская вошла в состав пр. К. Маркса. – Сост.

⁴ Район современного Цирка. – А. С.

Трамвай, заканчивая свой путь, доходит до вокзала. Очень оживлен, но не очень благоустроен наш вокзал. Это уже заметили делегаты 2 областного съезда советов, выходя из чистых вагонов на грязную площадь. Обещали эту площадь замостить. Но потом железная дорога сочла, что это дело города, а город счел это делом железной дороги, и никто ничего не сделал.

Трамвай прошел по линии № 1. Из окна вагона мы видели небольшой кусок нашего благоустраивающегося, но пока еще малоустроенного города. Говорили, что он отстал от жизни, этот сибирский стариk. Неправда это. Новой жизнью живет ныне областной город Омск.

Линов Б. Из окна трамвая: как меняется лицо города // Ом. правда. – 1936. – 16 нояб.

Конец 1930-х гг.

Я хорошо помню тот маленький городок Омск – весь в огромных сугробах зимой, весь в цветущих деревьях и кустарниках весной, а летом такой пыльный, что при сильных и частых ветрах окутывался весь, как туманом, пыльной мглой. Когда же шли дожди, то улицы Омска были просто непролазны от грязи. Повозки передвигались с великим трудом, машины буксовали едва ли не сутками, а в непроходимой грязи, как в болотной топи, даже, случалось, тонули лошади.

Однако, несмотря на все эти нюансы, городок был на редкость зеленым. Дома просто утопали в зарослях акаций, сирени, черемухи, бузины, клена. Могучие тополя действительно росли «до неба». Эти исполины, которых по стволу было не обхватить, стояли зеленой стеной вдоль дорог и заборов, а после летних теплых дождей источали густой аромат.

Вдоль улиц тянулись дома сплошь деревянные, все с разноцветными крышами, палисадничками, с канавами, заросшими травой. Возле домов всегда стайки босоногой детворы, громкоголосой, играющей прямо на улицах до поздней ночи в «казаки-разбойники» и «третий лишний». <...>

Кроме узких уличек были и другие – проезжие, по которым двигался редкий транспорт. Там зачастую можно было увидеть важно и неторопливо шествующих верблюдов с огромными поклажами на спинах. Нередко встречались и выночные ослики, с мешками ноши, но шустро и уверенно перебирающие своими миниатюрными ножками. Все это обычно двигалось в сторону городских базаров (как сейчас называют – рынков) и главному из них – Казачьему, который, кстати сказать, еще существует, носит то же название и стоит на том же месте. Однако, как говорят, «Федот, да не тот». Тот Казачий продавал не только ведрами, мешками, но еще и телегами, например, арбузы, дыни, муку, крупу, картошку. На этих же телегах товар развозился по домам.

Почти в каждом подворье в Омске держали скотину, а коровы были

едва ли не у каждого. Но их нужно было пасти. Для этого коров выгоняли на пастбища, «за город» (территория нынешнего ипподрома, что у Юнгородка). Зеленые выпасы простирались почти до железнодорожного вокзала, с травой по колено, с полевыми цветами. Здесь много росло паслена и конопли.

По вечерам из городского сада (место теперешнего Концертного зала) доносились музыка духового оркестра. Молодежь торопилась закончить поливку огородов и спешила на танцы. Они проходили почти каждый день, танцплощадки никогда не пустовали – так же, как в саду «Аквариум» на берегу Оми, в центральном горсаду, на месте кинотеатра им. Маяковского, у клуба им. Лобкова. В моде были бальные танцы, а также вальс, фокстрот, танго. Жили мы до войны рядом с березовой рощей. Теперь это парк культуры и отдыха в Октябрьском районе. В то время это была даже не роща, а скорее лес, куда мы, детвора и взрослые, очень любили ходить собирать грибы, ягоды. А если уйти подальше, то можно было встретить зайцев, лис. <...>

Толмачева Н. Город детства // Четверг [Омск]. – 1999. – 26 авг. (№ 34). – С. 13.

Омск в 1940 – 1960-е годы: в середине минувшего века

1941-1945 гг.

Омск – первый город, который я увидел после Москвы. Впечатление было удручающее. Двухэтажные каменные дома только в центре, остальные – одноэтажные избы. Деревянные тротуары. Летом грязь чудовищная (чернозем!), перейти улицу – событие. Зимой сугробы, страшные морозы.

Катанян В. В. Прикосновение к идолам: воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – С. 58.

В те годы было довольно трудно заметить, что улица Ленина – торговая. Там ничем не торговали, и магазины стояли с пустыми витринами, закрытые и молчаливые. Лишь в одном месте на полках прекрасные резные работы северных мастеров по довоенным ценам, и все равно никто не брал. И еще предлагали марки для коллекций в целлофановых пакетиках. Транспорта тоже не было, редко-редко проползет грузовик, чихая и взрываясь разведенным бензином, – трамвай ходил раз в два часа где-то вдали, да и был практически недоступен. И все-таки она была главная, такая прямая, прямо переходящая в деревянный мост, под которым колыхалась вода. А на углу перед мостом помещался один из двух действующих в городе кинотеатров – попасть туда была великая удача, а уж когда на экране появлялся Петр Алейников, восторгу мальчишек не было предела, крики и свист перехлестывали на улицу. Победно шел американский фильм «Три мушкетера». <...> Звучали и мелодии Глена Миллера из «Солнечной долины», но Бернес переплюнул всех. «И все биндюжники вставали, когда в пивную он входил», – заливались мальчишки, со смаком выговаривая и биндюжников, и пивную. <...>

За мостом прямая продолжалась: там располагался дом партактива¹, а наискосок от моста – столовая, к которой маму прикрепили в качестве категории «Б» – карточки были не одинаковые, а разного цвета и достоинства, и считалось большой удачей прикрепить их к хорошей столовой. Эта как раз числилась хорошей. <...>

Через дорогу от дома партактива – городской сад, огороженный символическим штакетником, переплетенным со старомодной игривостью. И чахлые эти реечки, сколько я помню, никто не трогал, наоборот, их подновляли белой краской каждое лето. У ворот сада по вечерам торговали гладиолусами и флоксами, а позднее – тяжелыми георгинами и оптимистическими астрами. <...>

По вечерам, когда за вход в парк уже надо было платить, там играл духовой оркестр, а по чисто выметенным аллейкам прогуливались попарно

¹ Вероятно, Дом коммунистического просвещения в здании Общественного собрания. – А. С.

девушки с валиком волос надо лбом и в блузках с плечиками. И тогда казалось, что никакой войны нет, вот только парней маловато... Но шаг шагнуть от этой нарядной прибранных – в уходящих вниз переулках, в бревенчатых, почернелых от старости домах, в холода, в чаде коптилок теснятся эвакуированные, кое-как распиханные по углам. Спят на полу и в коридорах, едят на газете, стоят в воскресной очереди в единственную баню – три часа стоять, зато сколько угодно горячей воды, облака пара, блаженство вымытости... <...>

В Ленинграде главное время года – осень, ее всего больше, потому что дожди лют и прохладным летом, и долгой весной. А в Омске весна – три дня, и осень – одна ночь, зато зима – голубая, белая, мохнатая, и лето – лютое, как в Сахаре. Но эти три весенних дня – их не забыть. Вся сирень в крохотных палисадниках: белая, голубая, лиловая и розовая – вскипает за одну ночь и, томная от зрелости, возлежит на кустах, тяжко дышит. Ее пышная пена скрывает черную бедность покосившихся домишек, и город в сиреневых кружевах делается сказочным. К сирени присоединяется белая тугая боярка на бульваре, и акация, и яблоня – идет торопливое, буйное, бесстыдное празднование новой жизни, идет пир, а человек на нем – дальний гость.

<...> На базаре <...> я впервые увидела круги замороженного молока – теперь, кажется, и в Омске его не бывает. Картошка стояла мешками – ровная, чистая, красивая – жизнь, не товар. У кого не было картошки, тот не мог поручиться, что увидит следующую весну, а главное, переживет бесконечную, безжалостную, ничем не согретую зиму. Торговали также хлебом, сапогами, семечками, сушеными и копченой рыбой – и тут же все это могло обмениваться напрямую, например, буханка хлеба – пакет махорки, ведро картошки – старые ватные штаны. Водку прятали, но разливали тут же, под прилавком, не очень и скрываясь, особенно тогда, когда стали возвращаться раненые фронтовики. <...>

Пруссакова И. Как давно это было... // История в лицах: театральный Омск разных лет. – Омск, 1995. – С. 8-9, 15.

Конец 1940-х – начало 1950-х гг.

Омск послевоенных лет все еще оставался тихим, провинциальным городком. Был он в основном деревянный, одноэтажный, зимой утопал в сугробах снега, а летом повсюду буйные заросли лебеды, одуванчиков, раскидистые тополя и клены. Трудно даже себе сейчас представить, что широченный, асфальтированный проспект Карла Маркса был когда-то намного уже и вымощен булыжником. Да и Любинский проспект был тоже

булыжный. <...> Была еще одна примета улиц того времени – деревянные тротуары. Тяжелые поперечные слеги, на них, вдоль, настил из толстых досок, прибитых гвоздями, – вот и все нехитрое сооружение сибирской провинции, которое помогало пешеходам преодолевать весеннюю распутицу и осеннюю слякоть. <...> В некоторых местах – у пехотного училища, возле военного госпиталя на горе – тротуар был вымощен огромными гранитными плитами-монолитами. Это было рассчитано на века, как римские дороги и акведуки. По этим плитам приятно было ступать босиком, ощущая ступней шершавую, теплую поверхность камня. К сожалению, безликий и вязкий при жаре асфальт скрыл под собой эти величественные плиты. <...>

Границы центральной части города были тогда удивительно малы. Они укладывались в пределах большого четырехугольника, ограниченного с одной стороны течением Иртыша, вершинами, узловыми точками которого являлись: крепость, Центральный базар, толкучка на Первой линии (позже Слободской рынок) и Управление железной дороги. Ленинский базар, площадь Серова стояли все-таки особняком, их отсекала от центра полоса отчуждения в виде воинской площадки, мыловаренного завода и мясокомбината. Это был другой мир. Недаром ходил сюда от управления дороги крохотный паровозик горветки с тремя вагончиками. Порт-Артур, Сахалин, Линии, Северные и Ремесленные – все это было тогда словно на краю света, за тридевять земель. Кировск, Сибака – другие планеты, другой мир. Главным транспортом в городе тогда был трамвай, а в Кировск ездили на моторках по Иртышу.

Мостов в городе было три: железнодорожный, ажурные формы которого были хорошо видны с нашего берега Иртыша; железный, через Омку, выходящий прямо на Любинский проспект; и рядом с ним – деревянный, для трамваев. Были еще летние, понтонные мосты через Омку, через Иртыш, но они в счет не шли. Про железный мост мы знали, что приобрели его для города еще купцы, что привезен он из Парижа, что был он когда-то разводным. <...> Глядя на громадную, облицованную гранитом тумбу-опору, на которой размещался разводной механизм, мы пытались представить, как мост вдруг уходит от берега и повисает в воздухе. Железный мост был заслуженной достопримечательностью города, долго служил ему верой и правдой. <...> А деревянному трамвайному мосту не повезло: его срезало ледоходом году где-то в сорок девятом¹. Дело было ночью, и обошлось, по-моему, без жертв, но трамвайные артерии были рассечены одним махом – это была серьезная авария. Помню, как взрывали остатки этого моста, чтобы расчистить фарватер реки. <...> Останки бревенчатых опор деревянного моста еще долго торчали из воды. Между ними сновали плотные косячки рыбешек, отчетливо видимые в зеленовато-желтой воде, если смотреть вниз с железного моста.

Как я уже упоминал, город был в основном одноэтажным, но кое-где среди уютных домишек с резными карнизами возвышались добродушные

¹ Трамвайный мост был снесен ледоходом в 1947 г. – А. С.

громады многоэтажных зданий. Один из таких домов постройки тридцатых годов стоял серой громадой напротив наших домишек на Карла Маркса. Даже сейчас меня поражает размах его окон, высота этажей, добротность постройки. Обитала в этом доме привилегированная публика: старшие офицеры пехотного училища, сам начальник училища, генерал¹. <...> И еще один штрих. Подвалы у этого дома тоже были добротные, глубокие, если судить по карманам-колодцам возле подвальных окон. И в некоторых из этих окошек горел свет, висели простенькие занавески – там жили люди. <...>

Второй доминантой в нашем районе было здание Управления железной дороги². Ни разу за всю свою жизнь я не видел возле него строительных лесов, не наблюдал никакого внешнего ремонта, но над его серой громадой время, похоже, не властно. Все так же стоят на фронтонах пышногрудые аллегорические фигуры, символизирующие различные службы железной дороги. Все так же бегут в хороводе амуры и нимфы на барельефах четвертого этажа, все так же незыблемо стоит облицованный гранитом его цоколь. Чего только не вмещало в себя это здание! Здесь размещались сберкасса, почта, железнодорожная поликлиника с хорошей аптекой и даже кинотеатр «Локомотив». Одним словом – монументальное сооружение. На его фасаде, на уровне третьего этажа, долгое время висели электрические часы, и по ним, спеша на вокзал, всегда можно было уточнить время до отхода поезда. <...>

Другой пограничной вехой было красноватое здание Управления водников. Центральная его часть возвышалась над боковыми крыльями, на крыше флагшток с узким голубовато-белым вымпелом пароходства – здание чем-то напоминало огромный корабль. Сходство это усиливали два огромных черных якоря у входа. Я представить себе не мог, какими огромными должны быть корабли, удерживаемые такими якорями. На цепях этих якорей мы любили качаться, словно на качелях³.

Особой приметой послевоенного времени были базары – яркие, шумные, людные. Мой путь в школу пролегал мимо Казачьего базара, и я заходил туда просто поглязеть, ничего не покупая. Базар занимал целый квартал в створе Съездовской, Красных зорь, Пушкина и Лагерной. На углу Красных зорь и Пушкина был главный вход, оформленный в виде деревянной арки, на фанерном фронтоне которой сибирский Пиросмани изобразил дары полей, садов и огородов: арбузы, яблоки, виноград, свиные окорока, рыбу...

<...> В центре базара стояли два главных корпуса с островерхими башенками: мясной и молочный, а вокруг них теснились ряды для открытой торговли, всякие навесы, ларьки, магазинчики. Мясной корпус все-таки был немного страшноват: окровавленные туши, подвешенные на крюках, огромные колоды для рубки мяса, словно плахи палача... Зато в молочном – чистота, благолепие, ряды фляг и бидонов с молоком, со сметаной, с

¹ Дом комсостава (пр. К. Маркса, 6). – А. С.

² В настоящее время здание Омского государственного университета путей сообщения. – Сост.

³ Здание Иртышского пароходства (пр. К. Маркса, 3). – А. С.

варенцом. Зимой молоко продавали замороженным в виде плоских кружков, и в центре кружка возвышался бугорок замерзших сливок. <...> Базар был тогда настоящим базаром: ярким, живописным и торгующим. Даже наша семья с весьма скромным бюджетом многое брала с базара: мясо, варенец с коричневыми пенками, рыбу, гусей. В дни осенней охоты на базаре продавали диких уток, гусей-казарок. <...> В жаркие летние дни между рядами среди покупателей сновали мальчишки с бидонами холодной воды и продавали ее желающим за мизерную плату. Необходимым атрибутом всех базаров тех времен были инвалиды, торгующие «счастьем», «судьбой», которые вытаскивали из ящичка либо попугайчики, либо морские свинки. И по всему базару там и сям были разбросаны ларьки, палатки, торгующие всякой всячиной. <...>

Хотя денег у нас, ребятишек, не было, мы любили слоняться по Любинскому проспекту: разглядывали витрины, заходили в сами магазины. Очень нравился мне магазин «Динамо», где продавалось охотничье снаряжение, ружья, патроны. На стенах его, словно в старинном замке, были прибиты головы лося, архара, еще какого-то зверя. Ласково поблескивали полированные приклады ружей, черным воронением отливали стволы. На полках банки с порохом, коробки патронов, медные кругляши капсюлей.

<...> Рядом с «Динамо», там, где сейчас столовая, был магазин игрушек, любимый наш магазин. <...>

В самом конце Любинского проспекта перед универмагом был магазин учебных пособий. Два чувства боролись в моей душе, когда я подходил к нему: страх и любопытство. В нем всегда царил легкий полумрак, на полках стояли физические приборы, электрическая машина с большими дисками, с хромированными шариками разрядников. В больших стеклянных банках заспиртованные ящерицы, змеи и другая нечисть. Совсем как в музее и к тому же бесплатно. Пугали меня медицинские муляжи мышц человека, его внутренностей. Особенно жутко выглядели муляжи голов, которые мертвенно белели на самом верху застекленных шкафов у стены. Небольшой скелет, который стоял на прилавке, растопырив руки, зияя пустыми глазницами черепа, казался, по сравнению с ними, беззаботным весельчаком.

На другой стороне Любинского мне запомнились два магазина: автомобильный и золотоскупка. В автомобильном нас привлекали велосипеды, составленные плотными рядами вдоль стен: ХВЗ, ЗИФ, ГАЗ. От них приятно пахло резиной и смазкой. В центре автомагазина стоял длинный черный блестящий ЗИМ на белых колодках, огороженный красными шнурами на хромированных стойках. Цена была астрономическая – послереформенные сорок тысяч, и поговаривали потом, что один из ЗИМов купил кто-то из высших иерархов церкви. В золотоскупку мы, конечно, не заходили, но в витрине ее стояли шикарные точнейшие рычажные весы в стеклянном футляре с хромированными чашками. Мы подолгу торчали перед этой витриной, разглядывая весы, детали механизма. И еще одна была особенность у магазинов на Любинском: рифленые, металлические шторы, которые в добрые, старые времена опускались вниз и закрывали зеркальное

стекло витрин. При нас они были навсегда свернуты в рулон у верхней кромки витрин, а потом и вовсе исчезли. Правда, в одном месте и по сей день сохранился в стене зубчатый механизм, которым эти шторы поднимались.

Ну, а теперь через мост, домой, по улице Республики¹, мимо Пушкинской горки, на которой еще нет Ленина, мимо памятника Борцам Революции. Ансамбль этот был тогда более лаконичен. Сам памятник, несомненно, талантливая работа, был по периметру огражден гранитными пирамидками, соединенными тяжелыми, коваными цепями, и сразу за ним зеленый прямоугольный холм братской могилы, окаймленный парапетом. Все было просто и строго, как на Марсовом поле в Питере. Сейчас этот монумент прижал к проезжей части улицы и потерял свою выразительность.

И еще была одна достопримечательность <...> но уже прозаического толка. Неподалеку от входа в ресторан «Центральный», вниз к Иртышу, стоял маленький ларек, в котором продавались жареные пирожки. Лепили их в кухне ресторана и подавали через подвальное окно прямо в ларек, где их и жарили. Менялись цены на пирожки, менялись продавщицы, но сам ларек был вечен, как сама жизнь: здесь всегда можно было купить поджаристые, горячие пирожки. <...>

Однако вернемся <...> на улицу Республики. Там, где сейчас детская парикмахерская, был рыбный магазин². По размерам торгового зала ему, конечно, не тягаться с «Океаном», но по содержанию... Какой там был упоительный запах копченой и соленой рыбы. Я не говорю о балыках из осетрины, о банках крабов, икры, которыми была заставлена вся витрина – это было не для нас. Зато селедка, горбуша, камбала, морской окунь были нам вполне доступны. <...> В центре магазина был устроен аквариум с зеленоватым стеклом, украшенный затейливой лепниной. В нем, как объясняли мне старшие, будут держать живую рыбу и продавать ее. Однако, сколько ни вглядывался я в зеленоватую прозрачность стекол аквариума, так никогда и не увидел там живых рыб. Зато на этикетках консервных банок каких только не было: щуки, язи, налимьи, ерши, муксуны!.. И все это рыбное изобилие водилось тогда в Иртыше или Оби, а выпускалось на Ханты-Мансийском рыбозаводе.

И аптека мне помнится, что стояла рядом с нынешним Домом архитекторов. Точно такая же сохранилась на Лермонтова, возле трамвайной остановки. Когда я подрос, меня иногда посыпали в аптеку за лекарствами. Мне нравился ее чистый тихий внутренний мир: деревянные вертушки, темной полировки с пузырьками лекарств на них, большие белые банки с черными непонятными надписями. И над всем этим господствует сверкающая, в затейливых завитушках орнамента касса «Националь». Рука в манжете, нарисованная на лицевой панели, указывает пальцем на окошечко, в котором высказывают крупные черные цифры, а под ними надпись: «наличные». Все в этой аптеке было какое-то старинное, андерсеновское.

¹ В 1963 г. вошла в состав улицы Ленина. – Сост.

² В здании гостиницы «Сибирь», где в настоящее время располагается компания «Филипп». – А. С.

Когда ее снесли, я не помню: старое исчезает из нашей жизни тихо, незаметно и безвозвратно. <...>

По 10-летию Октября иду вниз, к центру, мимо Слободской толкучки к Пушкинской библиотеке. Неподалеку от нее, на другой стороне улицы, возвышался дощатый, остекленный с северной стороны павильон фотографии. Здесь я фотографировался на комсомольский билет, на первый паспорт, на выпускную школьную фотографию. Перед входом в павильон была обязательная для тех времен витрина, где выставлялись образцы работ. Каких только лиц на них не было!

По правой стороне, чуть в сторону Омки, была наша баня, бывшая «дворянская». Баня тогда очень много значила в жизни городского обывателя. Это сейчас в баню ходят любители попариться, а в те времена ходили просто мыться, семьями, с детьми, иногда со своими дополнительными тазиками. В мою бытность банька изрядно обветшала, но следы былой роскоши все-таки сохранила: лепные карнизы, кариатиды, балкон с красивой решеткой, выходящий на Омку, портик входной двери с пузатыми массивными колоннами, стеклянный витраж на верхнем полукружье балконной двери, изображавший вид старой Омской крепости. А какой прекрасный, чистых цветов, в шашечку, был кафель в мойках, какие массивные скамьи из мраморной крошки, какие солидные медные краны с деревянными ручками. А возвращаться домой после баньки, чистым, обмякшим душой и телом, попив шипучей газировки у выхода, я любил по берегу ленивой желтоватой Омки, выходя к задам Пушкинки. И здесь, напротив библиотеки, еще одна колоритная деталь «моего» города – пожарное депо или в просторечье «пожарка». На фасаде пожарная эмблема – факел, топорики, ствол, – из распахнутых ворот выглядывают радиаторы красных пожарных машин. Они монтировались тогда на базе ЗИС-5 и сильно отличались от нынешних, общим остался только яркий красный цвет. Вдоль платформы грузовика были протянуты лавки-рундуки, на которых сидели пожарные в жестких брезентовых робах, держась одной рукой за ременную петлю. Поверх рундуков прикреплены деревянные складные лестницы, а сзади, на огромной красной катушке намотан шланг-рукав. У самой кабины подведен медный сияющий колокол. И каски у пожарных тогда были медные или хромированные, словно у древних воинов. Яркое, красивое зрелище было, когда под звон колокола, в ослепительном сиянии красок эти колесницы мчались на пожар. <...>

Бакланов Н. Омские улицы: [очерк] // Иртыш: альманах. – Омск, 1997. – Вып. 1/2. – С. 294-303.

<...> *Ф*а моих глазах в начале [19]50-х годов [Омск] из пыльного степного превращался в зеленый оазис, город-сад. Сотни женщин и мужчин трудились над посадкой деревьев, кустарников, цветов на площади Дзержинского. Затем появились знаменитые чугунно-мраморные фонтаны.

Все жители и в центре, и на окраинах с особой трепетностью относились к озеленению, были поглощены цветоводством. Город благоухал и пылал всеми цветами, всеми красками. Вечерами и по выходным в парках, садах и скверах в оркестровых ракушках играли музыканты, на танцплощадках танцевали и молодые, и пожилые, а в красивых деревянных верандах можно было попробовать различные сорта мороженого, газированной воды.

<...> Сад пионеров в центре нашего Омска был огорожен высокой чугунной оградой, а Сад офицеров – ныне Выставочный сквер – деревянной. Это были любимые места отдыха омичей. Летом – мягкая зеленая трава. Зимой – снег и круговая лыжня.

Иртомский П. Мы – дети одного города // Сиб. время [Омск]. – 1996. – 2 авг. – С. 4.

Сейчас трудно себе представить, но еще каких-то полсотни лет назад город полнился цокотом копыт, по мостовой громыхали телеги, под телегой бренчало ведро. Лошадей тогда было много: быстрые, стройные кони легко несли извозчики пролетки; тяжелые, сильные битюги степенно катили огромные возы. Улицы, припорошенные сенной трухой и соломенными ошметками, были шумными – от окованных железом колес, от подков лошадей, от понуканий и перебранки ломовых и легковых извозчиков. Улицы были пахучими: пахло конским потом и навозом, и этот мирно-деревенский запах мешался с запахом бензина от машин, которых год от года становилось все больше. <...>

Частных лошадей тогда не было, все они принадлежали предприятиям, организациям, колхозам, состояли на госучете. <...>

Конюшню с почти полусотней лошадей держал в свое время Сибзавод, большой конный двор Гужтреста располагался на улице Орджоникидзе – такие конюшни и такие конные дворы были на всех заводах, во всех районах города. На лошадях развозили почту, хлеб. На них доставляли продукцию заводов и фабрик на грузовую площадку железной дороги, а оттуда везли короба с углем, листы и прутки железа...

Зимой такой обоз был окутан облаком пара, и было жалко смотреть на заиндевевших с выпирающими ребрами лошадей, которые, выбиваясь из сил, тащили свою поклажу в гору, падая и ломая ноги скользили вниз, к ледовой переправе через Иртыш. А навстречу им из сельских районов двигались бесконечные обозы с хлебом, мясом, кожей, и на обмороженных лицах возниц светилось искреннее счастье: им удалось добраться до города, не замерзнуть в пути, избежать бандитских засад.

Поварницын А. Любимому городу: к 290-летию Омска: статьи и очерки по истории. – Омск, 2006. – С. 99, 101.

Конец 1950-х гг.

Еще недавно Омск, расположенный на болоте, на солонцах, открытый степным ветрам, утопал в пыли и грязи. Черные песчаные бури душили растительность. Старожилы говорят: до недавнего времени не было ни метра асфальтовой мостовой. Не было и тротуаров. До 1945 года каменные дома легко было пересчитать по пальцам...

Сейчас Омск – один из крупнейших индустриальных и сельскохозяйственных центров страны. До освоения целинных земель Омская область давала в год в среднем 25 миллионов пудов зерна. Теперь, когда поднята целина, она приносит до 90 миллионов пудов – рост более чем в три с половиной раза!

И сейчас Омск – один из самых зеленых городов страны. Омичи благоустраивали его поистине с сибирской энергией. Целыми кварталами сносились ветхие строения и на их месте разбивались бульвары и цветники, на улицах высаживались десятки миллионов цветов, десятки тысяч деревьев. Лето в Омске часто бывает засушливое, и чтобы не погибли молодые деревья, был объявлен «день поливки»: по средам каждый горожанин обязывался напоить «свое дерево» пятью ведрами воды.

Даже заводские территории превращены в Омске в парки и сады. Гуляешь по аллеям и даже не видишь стен цехов, так разрослись деревья и кустарники.

Находится Омск на берегу Иртыша, но его жители реки не знали, почти не пользовались ею. На берегах Иртыша были свинарники, конюшни, свалки. Город строился, разрастался на одном берегу, а другой пустовал – с ним не было удобной связи.

Сейчас весь Омск, как бы вдруг, точно по морской команде, повернулся лицом к реке. Гидронамывом создали пляжи из чистого речного песка. Намыли, в сущности, новые берега. И тянутся они вдоль новых городских набережных не на километр, не на два, а с тем же сибирским размахом – на 22 километра.

Заканчивается и строительство большого моста через Иртыш.¹ Это первый из сибирских мостов, лежащих на величайшей в мире автомобильной трассе – автостраде Москва – Владивосток.

Таков Омск. И почти то же можно сказать о других сибирских городах, – всюду огромное жилищное строительство, заботы о благоустройстве, и всюду, как в Омске, – с сибирским размахом и масштабностью.

Конечно, и в Омске, и в других городах еще немало предстоит сделать. В Омске, например, плохо с питьевой водой. Промышленный рост города резко опередил развитие водопроводной сети. Потому и обязан каждый горожанин таскать воду к деревьям, что не везде есть водопровод, а на колонках нередко появляется плакатик: «Воды нет».

¹ Ленинградский мост был сдан в эксплуатацию в 1959 г. – Сост.

Не хватает еще и жилья, несмотря на бурное строительство, и многим пока приходится жить в тесноте, в ветхих домах. <...>

Но все это – трудности бурного роста. Они досадны, неприятны, но не они определяют уровень жизни в сегодняшней Сибири.

Письменный А. Поездка в Сибирь // Новое время. – 1959. – № 47 (20 нояб.). – С. 25-26.

<...> *М*ы помним сад офицеров без выставочных павильонов, но зато с танцплощадкой и летним кафе (тогда сад имел ограду). Не было областного архива¹, а напротив его теперешнего здания был старинный собор. К сожалению, его снесли, как снесли и старинные Тарские ворота, которые мы также хорошо помним. Сегодняшняя молодежь, видимо, и не подозревает, что теперешние ворота – это вовсе не «старина».

Здесь же, в крепости, в самом центре города, дымила ТЭЦ-1. Остановка транспорта была прямо напротив дверей драмтеатра, а вход в театр – непосредственно с асфальта тротуара. А на месте теперешней остановки росли огромные кусты боярышника.

…Помню частные домики на месте скверов напротив нынешнего почтамта и Торгового центра. Здесь же были чайная и аптека. Потом появился сквер с памятником Сталину, на месте Торгового центра был Центральный рынок. А в сквере напротив мэрии появился фонтан. Вообще, фонтаны в те годы заработали в нескольких местах. Инициатором их строительства был тогдашний глава горисполкома Н. Рождественский, которого сильно за эти фонтаны критиковали «сверху». Мы бывали много раз и в театре музкомедии, который находился рядом с горсадом. Кстати, на месте музыкального театра раньше были Госбанк и пожарное депо.

А на месте теперешнего ТЮЗа – летний театр (осенью здесь проводили сельхозвыставки). На площади теперешнего Концертного зала были танцплощадка и летняя эстрада, в здании Казачьего собора – вначале кинотеатр «Победа», затем Органный зал. Сад был огорожен (остатки ограды сохранились на улице Ленина), вход был платным. Но кто покупал в кассе на входе билет в кино, тот в сад проходил бесплатно.

На территории теперешнего «Детского мира» была мечеть такой прочности, что строители с большим трудом ее разобрали. Бывали мы и в старом цирке около Казачьего рынка. По улице К. Маркса ходили трамваи, потом пути снесли, и на их месте вдоль всей улицы протянулись газоны и клумбы цветов – до самого вокзала. Один год даже на столбах были цветы. Город в те годы называли городом цветов, городом миллиона цветов. Омск был на втором месте по благоустройству – после Ленинграда.

Не было всех домов, что теперь стоят на Иртышской набережной, а были здесь болота, где квакали лягушки. На берегу Омки были склады

¹ Имеется в виду Архив УФСБ (ул. Партизанская, 18). – А. С.

бревен... Изменений в городе произошло так много, что все и не перечислишь. Можно отметить, что до 1957 года не было кинотеатра «Маяковский», но в саду Пионеров был 2-этажный Дом пионеров. Не было тогда и городка Нефтяников, а было Захламино, не было Амурского и Чкаловского поселков, Новой Московки, Левобережья и т. д. Достаточно сказать, что в [19]50-е годы в городе проживало 500 тысяч человек...

Файзуллин С. «Место встречи» // Веч. Омск. – 2004. – 4 авг. – С. 8. – (Неделя).

1960-е гг.

На начало 1965 года проблем в Омске было хоть отбавляй. И все острые. Самая жгучая – жилье. В городе 1300 бараков. В большинстве бараков проживало по 20 семей. Общая кухня, все удобства на улице. Только свет и стены. Учет аварийного и ветхого жилья не велся, потому что смысла в этом занятии никто не видел. Учитывай не учитывай, перспективы получения иного жилья нет.

<...> Жилой фонд в Омске в 1965 году составлял около четырех миллионов квадратных метров, а население составляло 750 тысяч человек или чуть более пяти квадратных метров жилья на человека.

Триста котельных работали на производственные и отопительные нужды. Город был сильно задымлен. <...>

В половине школ учились в две смены, были и трехсменные. Детских садов не хватало. Техникумов и институтов на такое количество населения было явно недостаточно.

Больницы имели три тысячи коек, поликлиники рассчитаны на 10 тысяч посещений. Специализированных медицинских учреждений почти не было.

Драмтеатр, театр оперетты, старый цирк, несколько мелких клубов. Одна крупная библиотека имени А. С. Пушкина. Несколько мелких библиотек. Вот и вся инфраструктура городской культуры.

Из спортивных сооружений был стадион «Динамо», несколько мелких спортзалов и площадок.

О связи и сказать нечего. Двенадцать телефонов на 100 жителей.

Крупных магазинов нет, базары неухоженные, грязные, работали только в светлое время суток, процветала торговля из-под полы.

Бытовое обслуживание – мелкие ателье.

Благоустройство.

Несколько городских асфальтированных улиц. Остальные – грязные, запыленные, неблагоустроенные. Омск был отдален от рек ветхими домами, складами, базами, причалами. Напротив академии транспорта был угольный склад, топливо привозили по железнодорожной ветке. И это в самом центре

города. Напротив нынешнего цирка был мясокомбинат. По проспекту Маркса гнали стада коров на убой. Запах был очень неприятный. Мыловаренный завод в самом центре города Омска. <...>

Город стоял на слиянии двух рек, а питьевой воды не хватало. Имелись два водозабора – на 300 тысяч и на 80 тысяч кубических метров. Когда в Казахстане стали активно сооружать гидроооружения, Иртыш начал мелеть. И наши водозаборы оказались около судоходного хода. Создалась кризисная ситуация.

Канализация и очистные сооружения обеспечивали очистку трети стоков, остальные две трети фекальных стоков сливались без очистки в Омь и в Иртыш. <...>

Наконец, 60-е годы стали началом поворота города лицом к реке. Прибрежная часть Иртыша от Ленинградского моста до речного порта начала застраиваться чуть раньше. А затем пристопорилась. Чтобы ее продолжить, надо было намыть в пойму реки песок, местами высотой до 4 метров. Случай уникальный. Стройка возобновилась, появились жилые дома, школы, детские учреждения, больницы, магазины, гостиницы.

Убрано все, что захламляло берег, снесены ветхие дома, а жильцы переселялись тут же в новые.

Вместе с социальными объектами строилась и Иртышская набережная, и, надо сказать, по уму. Если взять ее разрез, он выглядит так: дом, газон, пешеходный тротуар, газон, дорога, газон, пешеходная зона, береговое укрепление, с удобными спусками к реке. Украшает набережную и речной вокзал, расположенный в устье Оми. Наконец-то Иртышская набережная превратилась в любимое место отдыха омичей, их прогулок и пробежек на свежем воздухе. <...>

Грицевич Н. Г. Омск со мной навек: воспоминания. – Омск, 2013. – С. 76-78, 81-82.

1968 г.

Омский Горсовет пригласил меня и Агнию Александровну¹, как людей, выросших и воспитавшихся в Омске, приехать и посмотреть нынешний Омск, дабы сравнить его с Омском времен нашего детства. Мы немного поколебались: по силам ли нам такая поездка. Но потом решили рискнуть, и очень довольны. Ехали туда и назад поездом (теперь от Москвы до Омска 39 часов вместо 7 суток в дни нашего детства). Провели в Омске 8 дней, посмотрели его, поездили по нему, и все время чувствовали себя, точно переживаем фантастический роман. Ведь Омск нашего детства насчитывал 35-40 тыс. жителей, а сейчас в нем 800 тыс.! В дни нашего

¹ Жена И. М. Майского, общественный деятель, журналист. – Сост.

детства это была пыльная, грязная, захолустная провинция без единой высшей школы. А сейчас это крупнейший центр химической индустрии, имеет 11 высших школ и 70 тыс. студентов, а сверх того изумительный город-сад, весь в зелени и цветах. О пыли забыли и думать. По праздникам в скверах и на площадях массовые танцы населения.

Особенно сильное впечатление на меня произвела бывшая базарная площадь: в дни моего детства на ней лошади вязли в грязи по брюхо, сейчас это площадь Дзержинского – роскошный сад, с чудесными клумбами и аллеями, полный веселой детворы, которая катается на качелях, кружится на каруселях, ездит на механических колясках, велосипедах и т. д.

Вот что произошло в городе моего детства!

Майский И., Майская А. – К. Е. Ворошилову, 25 сент. 1968 г., Москва //
Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. – М., 2005. – Кн. 2: 1935-1975. – С. 454. – (Научное наследство; Т. 31).

Краткие сведения об авторах

А-ъ – корреспондент журнала «Сибирские вопросы», издававшегося в Санкт-Петербурге с 1905 по 1913 гг.

Абакари, Салим бин – уроженец Занзибара. Посетил г. Омск в 1897 г., сопровождая немецких ученых-исследователей Бюмиллера и Виссманна.

Аничков В. П. (1871-1939) – четверть века возглавлял отделение Волжско-Камского банка в г. Екатеринбурге. В период правления адмирала А. В. Колчака вошел в состав Министерства финансов Омского правительства. В 1923 г. эмигрировал с семьей в Шанхай. В 1932 г. поселился в г. Сан-Франциско, где открыл первый русский книжный магазин «Русская Книга».

Анов Н. И. (Иванов; 1891-1980) – русский советский писатель. В период гражданской войны находился в Омске, работал корректором газеты «Вперед» (1919). Участвовал в большевистском подполье, изготавлял фальшивые документы скрывавшимся от властей подпольщикам, вместе с этим участвовал в литературной жизни Омска, посещал собрания омских литераторов, бывал в доме писателя А. С. Сорокина. После освобождения Омска Красной армией (1919) работал выпускающим газеты «Известия Омского ревкома» и «Советская Сибирь». В мае 1920 года переехал в Казахстан. Лауреат Государственной премии Казахской ССР имени Абая (1970). Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР.

Арефьев В. С. (1875-1901) – этнограф, находился на поселении в Енисейском крае. Автор ряда научных трудов по этнографии, истории народного образования Сибири и др.

Бабков И. Ф. (1827-1905) – генерал от инfanterии. В г. Омске с 1859 г., обер-квартирмейстер штаба Отдельного Сибирского корпуса, в 1865 г. – помощник, с 1869 г. – начальник штаба Сибирского военного округа. Первый председатель Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, которым руководил в 1877-1890 гг., автор ряда научных работ. Почетный казак Сибирского казачьего войска. Прослужил в Сибири более 30 лет. Воспоминания о Сибири писал в г. Феодосии, где поселился после отставки.

Бакланов Н. – уроженец г. Омска, автор воспоминаний о городе 1950-х гг.

Балиев В. П. (1882-1938) – агроном, заведующий Омской машиноиспытательной станцией, один из организаторов Омского съезда деятелей сельского хозяйства и кооперативов Сибири 2-12 января 1916 г.

Барцини, Луиджи – корреспондент французской газеты «Карьера делла сера», участник автопробега «Пекин – Париж» (1908 г.).

Басаргин Н. В. (1800-1861) – декабрист. В 1846-1848 гг. служил в г. Омске, в 1858 г. вновь посетил г. Омск.

Батлер Т. – дочь офицера-воспитателя Сибирского кадетского корпуса подполковника А. И. Котляревского. Родилась и жила в Омске до 17 лет. В 1920 г. эмигрировала из России и проживала в Англии.

Безобразов В. П. (1828-1889) – экономист, академик, сенатор.

Белов И. – офицер, в 1842-1847 гг. служил в г. Омске при штабе Сибирского корпуса.

Берников В. В. (1896-1989) – ученый-почвовед, лесовод, профессор, поэт.

Броневский С. Б. (1786-1858) – генерал-лейтенант, командир Сибирского казачьего войска, начальник образованной в 1823 г. Омской области. Позднее – генерал-губернатор Восточной Сибири.

Будберг А. П. (1869-1945) – барон, кадровый офицер царской армии. Когда образовалось правительство А. В. Колчака, был назначен главным начальником снабжения при ставке Верховного правителя.

Бутюгов А. А. (р. 07.05.1925) – врач, художник, выпускник Омского музыкального училища им. В. Я. Шебалина.

Вагин В. И. (1823-1900) – сибирский публицист и историк, первый редактор газеты «Сибирь», автор более 200 работ по истории Сибири. В 1830-е гг. учился в Омском войсковом казачьем училище.

Вагин Н. – автор путевых заметок, опубликованных в томской газете «Сибирский вестник» в 1890 г.

Ваксер А. З. (р. 03.12.1921) – уроженец г. Омска, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Васильев В. Н. (1919-2006) – поэт, прозаик, член Союза писателей России, брат поэта Павла Васильева.

Верн, Жюль (1828-1905) – французский писатель, автор научно-фантастических, приключенческих романов.

Врангель А. Е. (1833-1915) – барон, юрист, дипломат, археолог, мемуарист, друг Ф. М. Достоевского, много сделавший для облегчения его участия в ссылке.

Г. – казачий офицер, служивший в г. Омске.

Г-в К. – корреспондент газеты «Тобольские губернские ведомости».

Гарин-Михайловский Н. Г. (1852-1906) – писатель, инженер-путеец, проводил изыскания и наметку будущей трассы Великого Сибирского пути.

Гейнс А. К. (1835-1892) – генерал-лейтенант, член комиссии для разработки вопросов управления Туркестанским краем.

Гинс Г. К. (1887-1971) – юрист, общественный деятель, профессор Омского сельскохозяйственного института, председатель Государственного экономического совещания, управляющий делами Совета министров Всероссийского правительства.

Глебов Ю. Я. (р. 23.04.1930) – заслуженный строитель Российской Федерации, почетный гражданин г. Омска, председатель Омского горисполкома с 1982 по 1990 гг.

Гмелин И. Г. (1709-1755) – немецкий ученый-натуралист, путешественник, профессор Российской Академии наук. Автор работы «Флора Сибири». Прибыл в Омскую крепость в 1734 г. вместе с Г. Ф. Миллером. В 1751-1752 гг. в Геттингене (Германия) издал на немецком языке описание своего путешествия по Сибири.

Головачев П. М. (1862-1913) – историк, географ, публицист, деятель сибирского областничества, редактор журнала «Сибирские вопросы». Автор многих научных работ о Сибири.

Гребенщиков Г. Д. (1883-1964) – писатель и журналист. До эмиграции, где провел более сорока лет, жил в Сибири, сотрудничал с Русским географическим обществом, со многими газетами; работал в Омске (в 1908-1909 гг. в газете «Омское слово»), Томске, Барнауле. В 1911 г. написал серию путевых очерков «По городам Сибири», которые были опубликованы в томской газете «Сибирская жизнь» под псевдонимом «Алтайч».

Грицевич Н. Г. (р. 23.09.1920) – первый заместитель председателя Омского горисполкома в 1965-1985 гг.

Д. С. – корреспондент журнала «Сибирские вопросы».

Давыдов П. – корреспондент журнала «Сибирские вопросы».

Де Бай, Амур-Огюст-Луи-Жозеф-Бертелло (1853-1931) (в России его называли Иосиф Августович) – барон, археолог, историк, этнограф, путешественник, член Парижского географического общества, почетный член Уральского общества любителей естествознания, член Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г.

Дегтярев П. С. – изатель.

Джейсон, Томас Генри – капитан английской королевской морской пехоты, принимавший участие в боевых действиях на Каме в составе экспедиции добровольцев-англичан, воевавших на стороне адмирала А. В. Колчака.

Джонс, Уильям – американский инженер, младший лейтенант. В 1918-1920 гг. служил в Русском железнодорожном корпусе, действовавшем в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Монголии и Маньчжурии. Весной 1919 г. обследовал состояние железной дороги на территории Белого движения.

Достоевский Ф. М. (1821-1881) – писатель. По делу петрашевцев был осужден на каторжные работы, которые в 1850-1854 гг. отбывал в Омском остроге.

Дюгамель А. О. (1801-1880) – генерал-губернатор Западной Сибири. Прибыл в Омск 23 марта (ст. ст.) 1861 г.

Егоров К. Н. – технолог при Главной Палате мер и весов в г. Санкт-Петербурге, участник научно-исследовательской экспедиции 1899 г. под руководством Д. И. Менделеева по изучению промышленности Урала.

Завалишин И. И. (1808 – позднее 1883) – литератор, брат декабриста Д. И. Завалишина. Находился на каторге, а затем на поселении в Сибири с 1827 по 1865 гг. В 1862-1863 гг. в Москве вышло его «Описание Западной Сибири» в 3-х томах.

Золотов П. А. (1823-1879) – преподаватель Сибирского кадетского корпуса, один из учредителей Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, автор многих краеведческих работ.

И. Ф. – неустановленное лицо.

Иванов Вс. В. (1895-1963) – прозаик, драматург. В 1917-1921 гг. жил в Омске, работал наборщиком в типографии, сотрудничал с омским журналом «Искусство» и газетой «Советская Сибирь».

Иванов Вс. Н. (1888-1971) – русский советский писатель. В 1917-1922 гг. работал журналистом в Омске, Владивостоке. С 1922 по 1945 гг. жил в Китае. В 1931 г. получил советское гражданство, сотрудничал с ТАСС.

Ильина-Боратынская О. А. (1894-1991) – правнучка поэта Е. А. Боратынского, поэтесса и писательница русского зарубежья. В годы Гражданской войны эмигрировала в Харбин (Китай), затем в США. Ее автобиографический роман «Белый путь, или Русская Одиссея. 1919-1923 гг.» вышел в свет на английском языке в Нью-Йорке в 1984 г.

Имшеник-Кондратович А. И. – инженер путей сообщения. Родом из дворян Гродненской губернии. Родился в г. Омске 12 декабря 1860 г. Воспитывался дома. В 1874 г. поступил в пятый класс Сибирской военной гимназии, в 1877 г. – в Институт путей сообщения (Петербург). С 1883 г. работал на железной дороге в г. Подольске, затем на Забайкальской железной дороге.

Иртомский П. – уроженец г. Омска, автор воспоминаний о городе 1950-х гг.

Камский – автор путевых набросков, относящихся к жизни Сибири в 1919 г.

Катанян В. В. (1924-1999) – советский кинорежиссер-документалист, писатель-мемуарист. Находился в Омске в эвакуации в 1941-1943 гг.

Кеннан Д. (1845-1924) – американский журналист и путешественник. В 1885 г. с художником Д. Фростом прибыл в Россию для знакомства с состоянием тюрем и положением заключенных и ссыльных. Летом 1885 г. 5 дней находились в г. Омске, однако, осмотреть местную тюрьму не удалось.

Кирпотин Н. С. – уроженец г. Омска. Родился 30 сентября (ст. ст.) 1902 г. Воспоминания написаны в 1977 г.

Клерже Г. И. (1883-1938) – участник Первой мировой войны, в 1919 г. полковник Генерального штаба, создатель и первый начальник Осведомительного управления при штабе Верховного главнокомандующего, журналист, мемуарист.

Кобылецкий Ю. (1801-1867) – поручик гвардейской конной артиллерии, служивший в Варшаве. За отказ участвовать в подавлении Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. был переведен в Тобольск адъютантом к генералу фон Брилю, командующему артиллерией округа. Инспектируя артиллерийские подразделения, за четыре с половиной года он объездил практически всю Сибирь, познакомившись с жизнью сибирских городов и

крепостей. В 1835 г. в Омске женился на дочери генерала В. И. де Сен-Лорана, после чего вышел в отставку и вернулся в Польшу. В 1837 г. издал свои «Известия о Сибири». Книга вышла под литерами «J.K.». На русский язык сочинение Кобылецкого не переведено.

Кочнев С. И. – член Омского общества потребителей, Омского общества просвещения.

Кропоткин П. А. (1842-1921) – общественный деятель, революционер, теоретик анархизма в России, ученый-естественноиспытатель, историк и философ, князь. В Омске был проездом, в августе 1862 г., по пути к месту службы в Иркутск.

Крупский С. (1839-?) – поляк, арестованный за составление фальшивых доносов, лишенный всех сословных прав и сосланный на поселение в Сибирь в 1861 г. Оставил мемуары «Отдельные страницы воспоминаний беглеца из Сибири», опубликованные отдельным изданием в 1877 г.

Куприянова Н. П. – общественная деятельница Казанской губернии, член Казанской городской думы. В Омск прибыла после взятия Казани красными в сентябре 1918 г.

Л-в – корреспондент омской газеты «Степной край».

Лаптев И. П. – податной инспектор Омской казенной палаты. Член I и II Государственной Думы от Сибирского казачьего войска. Умер в 1917 г. в г. Омске, был похоронен на Казачьем кладбище.

Лассман – садовод из г. Риги; в 1910 г. был приглашен в г. Омск Городской управой.

Лашков К. – уроженец г. Омска, автор воспоминаний о городе 1920-х – начала 1930-х гг.

Леонов М. Л. (псевд. Максим Горемыка; 1872-1929) – русский поэт, журналист. 9 сентября – 6 октября 1900 г. совершил служебную поездку от Московского управления Красного Креста для сопровождения медицинского оборудования, направляемого в лазареты Восточной Сибири и Дальнего Востока, в ходе которой посетил Омск.

Линов Б. – неустановленное лицо.

Литовченко Д. Д. (1891-20.11.1919) – капитан лейб-гвардии Преображенского полка. Прибыл в Омск в июле 1919 г. с группой офицеров

Добровольческой армии Деникина для поступления на службу в армию Колчака.

Логинов В. – автор лирической зарисовки «Город», предположительно о г. Омске, опубликованной в 1919 г. в омском журнале «Единая Россия».

Майская А. А. (1895-1987) – общественный деятель, журналист, жена И. М. Майского.

Майский И. М. (1884-1975) – социал-демократ, историк, государственный деятель. Детство провел в г. Омске, где окончил гимназию.

Мартынов Л. Н. (1905-1980) – поэт, прозаик, член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького. Родился в г. Омске, где прожил до 1946 г.

Мартынов П. К. (1827-1899) – писатель, поэт-юморист.

Миллер Г. Ф. (1705-1783) – историк, профессор Российской Академии наук, автор «Истории Сибири». В 1734 г. в составе камчатской экспедиции Витуса Беринга посетил Омскую крепость.

Митрич В. Д. (Соколов; 1859-1916) – народоволец, журналист, поэт, издатель, организатор газеты «Степной край» (Омск). Умер в Омске, похоронен на Казачьем кладбище.

Н-нь – корреспондент омской газеты «Степной край».

Надёжин Б. М. – выпускник художественно-промышленного техникума имени М. А. Врубеля (г. Омск) 1931 года, архитектор, проектировщик.

Наумов Н. И. (1838-1901) – писатель-демократ. Родился в Тобольске. Детство провел в Тобольске и Омске. В 1845 г. переехал в Томск.

Никодим (Казанцев Н. И.; 1803-1874) – епископ Енисейский и Красноярский в 1861-1870 гг.

Носилов К. Д. (1858-1923) – уральский писатель, публицист, географ, этнограф, путешественник.

Орлов М. – уроженец г. Омска, выпускник Сибирской военной гимназии (1869 г.).

Паллас П. С. (1741-1811) – немецкий естествоиспытатель, географ,

путешественник, член Петербургской Академии наук. Возглавил экспедицию 1768-1774 гг. по ряду областей России, в составе которой в 1771 г. посетил Омскую крепость.

Пимен Сибирский – корреспондент томской газеты «Сибирский вестник».

Письменный А. – писатель, участник поездки группы московских литераторов летом 1959 г. по сибирским городам и новостройкам.

Поварницын А. – журналист.

Попов И. И. (1862-1942) – народоволец, ссыльный, известный русский прозаик.

Потанин Г. Н. (1835-1920) – выпускник Сибирского кадетского корпуса, путешественник, исследователь Сибири и Центральной Азии, известный общественный деятель Сибири. Автор многочисленных научных и публицистических статей, идеолог сибирского областничества.

Приданников А. О. (1897-1971) – выпускник Оренбургского военного училища, после окончания которого был произведен в офицеры и направлен в полк, в распоряжение адмирала А. В. Колчака. В 1920-х гг. оказался в Китае, в 1939 г. выехал в Австралию.

Пруссакова И. В. (1933-2002) – прозаик, публицист, педагог. В Омске находилась в эвакуации с ноября 1941 по август 1944 г.

Раевский В. Ф. (1795-1872) – декабрист. Был сослан в с. Олонки (близ г. Иркутска), где занимался земледелием, торговлей хлебом, писал стихи, заметки о пребывании в Сибири.

Реклю, Жан-Элизе (1830-1905) – французский ученый, географ.

Ручкин В. Н. (1891-1982) – профессор Омского сельскохозяйственного института.

С-ов Г. – омский корреспондент издательства «Факел» (основано в Томске в 1913 г.). Предположительно это Г. Самсонов, журналист и сотрудник Русского бюро печати в столице Белой Сибири.

Седельников А. Н. (1876-1919) – выпускник, преподаватель и директор Омской учительской семинарии, исследователь Западной Сибири и Казахстана, автор многих научных работ, первого в России «Учебника родиноведения» для школ Акмолинской области, член Западно-Сибирского

отдела Русского географического общества с 1900 г. Был похоронен на Казачьем кладбище в г. Омске.

Семенов-Тян-Шанский П. П. (1827-1914) – географ и общественный деятель, автор многих работ по географии России, почетный член Русского географического общества. В ходе путешествия на Тянь-Шань 1 июня 1856 г. приехал в г. Омск, вновь посетил город в начале апреля и октябре 1857 г.

Серебренников И. И. (1882-1953) – ученый, общественный деятель, министр снабжения Временного Сибирского правительства и с 18 ноября по 27 декабря 1918 г. Всероссийского правительства.

Сиязов М. М. (1858-1914) – исследователь флоры Западной Сибири и Северного Казахстана, педагог, краевед, поэт, почетный член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. До 1905 г. преподаватель естествознания и географии в Омской женской гимназии.

Станкевич М. (1889-1941) – капитан Польского торгового флота. До революции 1917 г. служил в Российском военно-морском флоте. В 1919 г. А. В. Колчаком назначен руководителем Управления по делам личного состава Морского министерства.

Стогов Э. И. (1797-1880) – офицер, служивший в Сибири и на Дальнем Востоке в 1818-1833 гг.

Струве Б. В. (1827-1889) – видный администратор, автор воспоминаний о Сибири. Поступил на службу к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву после окончания в 1847 г. Александровского лицея. В 1848-1849 гг. заведовал провиантским делом, в 1850-1854 гг. – управляющий Иркутской губернией. Астраханский (1857-1862) и Пермский (1865-1870) губернатор.

Телешов Н. Д. (1867-1957) – русский писатель, поэт, потомственный почетный гражданин Москвы, заслуженный деятель искусств РСФСР (1938). По совету А. П. Чехова в 1894 г. предпринял собственное длительное путешествие в Сибирь.

Токаржевский Ш. (1821-1890) – деятель польского национально-освободительного движения, каторжник Омского острога в 1849-1855 гг., автор воспоминаний о Ф. М. Достоевском.

Толмачева Н. В. (р. 4.09.1930) – журналист, председатель омского клуба пушкинистов «Надежда».

Турбин С. И. (1821-1884) – русский офицер, писатель, драматург, журналист. Первоначально сибирские очерки Турбина печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1863-1864 гг.

Турчанинов Н. В. – автор статей историко-статистического и этнографического содержания в первом томе издания «Азиатская Россия» (СПб., 1914). Также публиковался в периодическом сборнике «Вопросы колонизации», издававшемся в Санкт-Петербурге в 1907-1917 гг.

Урманов К. Н. (Тупиков; 1894-1976) – писатель. В 1919-1921 гг. жил в Омске, работал в газете «Советская Сибирь» и журнале Омского губкома РКП(б) «Красный путь», публиковался в журнале «Искусство», газете «Рабочий путь». Член Союза писателей СССР (1934).

Устрилов Н. В. (1890-1937) – правовед, философ, политический деятель. Служил юрисконсультом при управлении делами правительства А. В. Колчака, руководителем Русского бюро печати этого правительства.

Уфимцев В. И. (1899-1964) – живописец, график. В 1908-1930-е гг. жил и работал в Омске.

Файзуллин С. – омский строитель.

Фальк И. П. (1727-1774) – шведский врач и естествоиспытатель. В 1771 г. в составе экспедиции П. С. Палласа находился в г. Омске.

Финиш О. (1839-1917) – немецкий этнолог, орнитолог, путешественник и исследователь, член экспедиций А. Брема по Западной Сибири. 8-12 апреля 1876 г. были в г. Омске, где посетили Сибирскую военную гимназию, Омскую крепость, военный госпиталь и тюрьму, были на приеме в Общественном собрании и дворце генерал-губернатора.

Флеровский Н. (Берви В. В.) (1829-1918) – русский публицист и социолог.

Францева М. Д. – дочь Тобольского прокурора Д. Францева, друг семьи декабриста М. Фонвизина.

Хоецкий К. Л. (р. около 1740 г.) – польский дворянин, офицер-конфедерат, сосланный в Сибирь.

Хохряков А. Е. – член Конституционно-демократической партии, публиковался в журнале «Сибирские вопросы», который издавался в Санкт-Петербурге в 1905-1912 гг.

Циммерман Э. Р. (1822-?) – писатель-путешественник, образование получил на математическом факультете Московского университета. В 1901 г. совершил поездку по Сибирской железной дороге. Путевые заметки были напечатаны в «Вестнике Европы» (1903).

Чернов В. М. (1873-1952) – русский политический деятель, один из основателей партии социалистов-революционеров и ее основной идеолог. Первый и последний председатель Учредительного собрания (1918).

Четвериков Б. Д. (1896-1981) – прозаик и поэт, в годы Гражданской войны жил в Омске.

Чужой Б. – неустановленное лицо.

Чукреев Г. К. (1904-1993) – старожил г. Омска. Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Его воспоминания о событиях гражданской войны в г. Омске записаны краеведом А. М. Лосуновым в 1988 и 1989 гг.

Шафранова А. С. – врач, гласная Омской городской Думы.

Швецов С. П. (1858-1930) – революционер-народник, экономист, этнограф, общественный деятель, член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, сотрудник газеты «Степной край», издававшейся в Омске в 1893-1905 гг.

Шпрингер И. И. (?-1771) – командир Сибирского корпуса, строитель второй Омской крепости (1768 г.).

Шухов И. Н. (1894-1956) – уроженец г. Омска, выпускник Сибирского кадетского корпуса, зоолог, этнограф, профессор, краевед, член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества с 1919 г. Автор более чем 200 научных статей и книг. Похоронен на Северном кладбище в г. Омске.

Ядринцев Н. М. (1842-1894) – исследователь Сибири, общественный деятель, идеолог сибирского областничества, публицист.

Яковлевич – неустановленное лицо.

Указатель авторов и лиц, упоминаемых в тексте

- А. Х. см. Хохряков А. Е.
Абакари, Салим бин 96, (202)
Абрамов (66)
Алейников П. (189)
Александров, владелец магазина (128)
Алисов Д. А. (4)
Алтаич см. Гребенщиков Г.
Алябьев А. А. (56, 61)
Аммондт, майор (45, 46)
Аничков В. П. 149, (202)
Анов Н. И. 149, (202)
Аракчеев А. А. (48)
Арефьев В. С. 101, (202)
Арцимович, губернатор (47)
А-ъ 118-119, (202)
- Бабков И. Ф. 45-46, (78, 202)
Бакланов Н. 190-195, (202)
Балиев В. П. 131-132, (202)
Бальзак О. (36)
Барцини Л. 117-118, (203)
Басаргин Н. В. 46, (203)
Баскалов, домохозяин (172)
Батлер Т. 138-140, (203)
Батюшкин К. (152, 157)
Бебенины (братья), торговцы (89)
Безносиков С. С. (24)
Безобразов В. П. 37, (203)
Белов И. 30-35, (203)
Беляков, политссыльный (82)
Берви В. В. см. Флеровский Н.
Беринг В. (208)
Бернес М. (189)
Берников В. В. 102-103, (203)
Бибиков, адъютант (29)
Блюменталь (братья), адъютанты (46)
Боратынский Е. А. (206)
Бородин, предприниматель (136)
Брем А. 14, 71, (211)
Бриль фон, генерал (207)
Броневский С. Б. 21-22, (23, 203)
- Будберг А. П. 160, (203)
Булатов Д. А. (179)
Бутюгов А. А. 176-180, (203)
Бухгольц И. Д. (3, 13, 15, 96, 137)
Бюмиллер, ученый (202)
- Ваганова К. Р. 14
Вагин В. И. 23-24, (203)
Вагин Н. 84, (203)
Вагнер Ф. Ф. (86)
Ваксер А. З. 167-172, (203)
Валиханов Ч. (44, 46)
Васильев В. Н. 174-176, (203)
Васильев П. Н. (203)
Васильев, авиатор (125)
Васин А. Н. 160
Велембовская К. М. 160
Вельяминов И. А. (52)
Верн Ж. 47, (203)
Вершинин Г. С. (60)
Вибе П. П. (4)
Вилькен фон, генерал (45)
Винклер В. В. 163
Виссманн, ученый (202)
Воронков С. К. (128)
Ворошилов К. Е. (201)
Вощакин А. (161)
Врангель А. Е. 43-44, (204)
Врангель, адъютант (46)
Врангель, барон (29)
Врубель М. А. (82)
Вяземский П. А. (98)
- Г. 50, (204)
Гагарин М. П. (13)
Гарин-Михайловский Н. Г. 84, (204)
Гаркуша В. 140
Гартлинг, офицер (46)
Гасфорд Г. Х. (43, 44, 45, 46, 47, 52, 53, 57, 74)
Гасфорд Л. (53)
Гасфорд, жена Г. Х. Гасфорда (43)
Г-в К. 77-79, (204)

Гвоздев Б. С. (4)
Гейнс А. К. 62-63, (204)
Гинс Г. К. 149-150, (204)
Гинтовт, генерал (45)
Гинце, офицер (46)
Глазенап Г. И. (22, 27)
Глебов Ю. Я. 181-182, (204)
Гмелин И. Г. 14, (204)
Головачев П. М. 103, 125, (204)
Голосов А. (127-128)
Горчаков П. Д. (28, 29, 35, 36, 37, 45, 52)
Граве де А. Ф. (45)
Гребенщиков Г. Д. 126-129, (204)
Гревс И. М. (3)
Григорьев (88)
Грицевич Н. Г. 199-200, (204)
Грязнов Г. Е. (134)
Гуменюк А. Н. (4)
Гутковский, полковник (45)

Д. С. 129, (204)
Давыдов П. 119-121, (205)
Де Бай Ж. 95-96, (205)
Девотти, акробат (27)
Девятьярова И. Г. (4)
Дегтярев П. С. 101-102, (205)
Джанласкин Д. (95)
Джейсон Т. Г. 160, (205)
Джонс У. 150, (205)
Доре Г. (122)
Дороти К. (179)
Достоевский М. М. (43)
Достоевский Ф. М. 42-43, (44, 62, 63, 110, 111, 129, 204, 205, 210)
Дрейфус А. (82)
Дуров В. (180)
Дуров С. Ф. (111)
Дьяченко, писатель (88)
Дюгамель А. О. (46, 47), 51, (62, 205)

Егоров К. Н. 97, (205)
Екатерина II (52, 137)
Ермак (96, 107, 112, 131, 137)

Жанен Ж. (36)

Завалишин Д. И. (205)
Завалишин И. И. (4), 37-39, (205)
Завьялова И. В. 151
Зильбер, предприниматель (170)
Знаменский С. Я. (67)
Золотов П. А. (16), 25-28, (205)
Золя Э. (82)

И. Ф. 51-58, (205)
Иванов Вс. (156)
Иванов Вс. В. 132, 150-151, (205)
Иванов Вс. Н. 161-162, (206)
Иванов, полковник (22)
Иванов-Царев (129)
Ильина-Боратынская О. А. 151, (206)
Имшеник-Кондратович А. И. 47-48, (206)
Иртомский П. 195-196, (206)

Кабанов (88)
Казанцев Н. И. см. Никодим
Казнаков Н. Г. (45, 48)
Каландер И. (13)
Камский 152-154, (206)
Каплун М. (157)
Капцевич П. М. (28, 48, 52, 57, 76)
Карташева Е. И. 151
Катанаев Г. Е. (4), 28, 77, (78)
Катанян В. В. 189, (206)
Кеннан Д. 79, (206)
Кирпотин Н. С. 115-117, (206)
Кирющенко И. 118
Клерже Г. И. 155, (206)
Клобуцкий М. П. (40)
Клодт П. К. (22)
Клодт фон-Югенсбург К. Ф. (22)
Клугин Л. Н. (46)
Кобылецкий Ю. 29, (206-207)
Кокоулин В. Г. 146, 159
Колесников А. Д. (4)
Колпаков, купец (79)

- Колчак А. В. (7, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 163, 169, 202, 205, 208, 209, 210)
 Коробченко А. А. (182)
 Котляревский А. И. (203)
 Кочедамов В. И. (4), 121
 Кочнев С. И. 133-135, (207)
 Крамер, чиновник (43)
 Кринский, генерал (45)
 Кроиерус, начальник штаба (45, 46)
 Кропоткин П. А. 62, (207)
 Круликович, майор (45)
 Крупский С. 48, (207)
 Крылов И. Ф. (86)
 Кузнецов (54)
 Кузьмин, купец (79)
 Куйбышев В. В. (82)
 Куприянова Н. П. 144, (207)
 Кучевские, семья (116)
 Кучум, хан (112)
 Кушникова М. 41

 Лабадовский В. П. (55)
 Лабори (82)
 Лаптев И. П. 104, (207)
 Лассман 121, (207)
 Лашков К. 172-174, (207)
 Л-в 113-115, (207)
 Лебедева А. П. 62
 Лебедева Н. И. (4)
 Лейфер А. 182
 Ленский (36)
 Леонов М. Л. 110, (207)
 Лермонтов М. Ю. (170)
 Линов Б. 183-185, (207)
 Липатников П. А. (162)
 Литовченко Д. Д. 164, (207)
 Литовченко-Вышеславцова Т. Д. 164
 Лобадовский В. П.
 см. Лабадовский В. П.
 Логинов В. 146-148, (208)
 Лосевский (88)
 Лосунов А. М. 158, (212)
 Львов А. Ф. (43)

 Маджи Е. Н. 96
 Майская А. А. 200-201, (208)
 Майский И. М. 79-83, 200-201, (208)
 Максим Горемыка см. Леонов М. Л.
 Мантефель, адъютант (29)
 Мариупольский М. Я. (167)
 Мартынов Л. Н. 121-122, (208)
 Мартынов П. К. 39-41, (208)
 Менделеев Д. И. (205)
 Миллер Г. Ф. (4), 13, (189, 204, 208)
 Миненко Н. А. (4)
 Митрич В. Д. 97-98, (208)
 Михайлов (88)
 Михеев А. П. (4)
 Морено А. (180)
 Морено К. (180)
 Морозов С. (105)
 Мочалов В. 48
 Мулина С. А. 41
 Муравлев (55)
 Муравьев-Амурский Н. Н. (48, 210)
 Мысливцева Г. Ю. (4)

 Надёжин Б. М. 182-183, (208)
 Назимова В. Ш. (4)
 Налабардин, городничий (24)
 Наумов Н. И. 29, (208)
 Никодим, епископ 66-68, (208)
 Николай II, император (140)
 Николай Александрович, цесаревич (92)
 Н-нь 95, (208)
 Нора П. (5)
 Носилов К. Д. 91-94, (208)

 Огородникова Л. И. (3)
 Орлов М. 63-66, (208)
 Остапенко Н. П. (105)
 Островский А. Н. (88)

 Палашенков А. Ф. (3, 4, 9), 18
 Паллас П. С. (4, 15), 15-16, (68, 208-209, 211)
 Пальчинский, режиссер (88)
 Певцов М. В. (82)

- Петр I (13, 45, 52)
 Пимен Сибирский 84-89, (209)
 Письменный А. 197-198, (209)
 Поварницын А. 196, (209)
 Поварцов С. 156
 Поддубный И. (179)
 Поклевский-Козелл,
 предприниматель (135)
 Поль, немец (108)
 Попов И. И. 121, (209)
 Попов, генерал (143)
 Поповы, почетные граждане
 г. Томска (55)
 Посадков А. Л. 156
 Потанин Г. Н. 44, 48-49, 68, 73-76,
 (82), 104, (126, 209)
 Потехин, писатель (88)
 Поярков, торговец (117)
 Приданников А. О. 162-163, (209)
 Протормас, купец (89)
 Пруссакова И. В. 189-190, (209)
 Пугачева Н. М. (4)
- Радищев А. Н. (113)
 Раевский В. Ф. 47, (209)
 Ракова А. П. 144
 Раленбеки, семья (116)
 Раншере, скрипач (55-56)
 Реклю Э. 76, (209)
 Ремнев А. В. 22
 Рождественский Н. (198)
 Розенплентер, владелец аптек
 (88-89)
 Ручкин В. Н. 135-137, (209)
 Рыженко В. Г. (4)
 Рэзмер В. 163
- Самсонов Г. см. С-ов Г.
 Седельников А. Н. 137-138,
 (209-210)
 Селюк В. И. (4)
 Семенов-Тян-Шанский П. П. 44,
 (210)
 Сен-Лоран де В. И. (207)
- Серебренников И. И. (7), 143-144,
 (210)
 Сильвергельм, баронесса (41)
 Сильвергельм, генерал (45)
 Синицын, шахматист (85)
 Сичкарев П. К. (130)
 Сиязов М. М. 77, (210)
 Скворцова Е. В. 151
 Сливовская В. 48
 Словцов И. (4)
 С-ов Г. 155-156, (209)
 Соколов, политсырьльный (82)
 Сорокин А. С. (156, 202)
 Сперанский М. М. (47, 52)
 Спирина И. В. (4)
 Станкевич М. 163, (210)
 Старков И. 150
 Стогов Э. И. 22-23, (210)
 Струве Б. В. 37, (210)
 Сулима Н. С. (52)
 Сулоцкий А. И. (66-68)
 Сунгуроев, издаатель (82)
 Сутормин П. (135)
 Сытин И. Д. (47)
 Сю Е. (36)
 Сюрвельгельм см. Сильвергельм
- Таубе М. А. (96, 97)
 Телешов Н. Д. 89-91, (210)
 Терехов, купец (79)
 Токаржевский Ш. 41, (210)
 Толмачева Н. В. 185-186, (210)
 Толочко А. П. (4)
 Толстой Л. Н. (82)
 Толстой, граф (29)
 Томанский Ф. 16
 Троцкий Л. Д. (170)
 Туманик Е. Н. 29
 Тупиков К. Н. см. Урманов К. Н.
 Турбин С. И. 58-61, (211)
 Турчанинов Н. В. 129-131, (211)
- Урманов К. Н. 163-164, (211)
 Устрилов Н. В. 159-160, (211)
 Уфимцев В. И. 125, (211)

- Файзулин С. 198-199, (211)
Фальк И. П. 16-18, (211)
Финш О. 14, 69-71, (211)
Флаум Л. М. 163
Флеровские, политсыльные (82)
Флеровский Н. 49, (211)
Флоринский В. М. 73
Фонвизин М. (211)
Францев Д. (211)
Францева М. Д. 29, (211)
Фридрихс фон, генерал (45, 46)
Фрост Д. (206)
Фрумгарц М. И. (8)
- Хоецкий К. Л. 14, (211)
Хорошкин, генерал (163)
Хохряков А. Е. 123-125, (211)
Христиани, виолончелистка (55)
Хрушев А. П. (46, 67)
- Цветкова Г. 50
Циммерман Э. Р. 110-113, (212)
Цитович В. С. (70)
Цитович П. С. (70)
- Черепанов И. (16)
Черепанов К. (16)
Черников И. (156)
Чернов В. М. 143, (212)
Четвериков Б. Д. 156, (212)
Чехов А. П. (86, 210)
Чирков, генерал-майор (107)
Чирков, пристав (106)
- Чужой Б. 144-145, (212)
Чукреев Г. К. 157-158, (212)
- Шанина М. (108)
Шафранова А. С. 158, (212)
Шаховский, князь (36)
Швецов С. П. 83-84, (212)
Швецовых, политсыльные (82)
Шепелева В. Б. (4)
Шихатов И. П. (4)
Шкроев, купец (79)
Шмидт Е. О. (120)
Шмидт С. О. (5)
Шпринбах, предприниматель (136)
Шпрингер И. И. 14, (15, 16, 17, 212)
Шрамм Ф. А. (36)
Шухов И. Н. 105-109, (212)
- Щеголев П. Е. 47
- Э.....в см. Стогов Э. И.
Эзет Э. И. (40)
Экеблад, адъютант (46)
- Южаков (106)
Юрасова М. К. (4)
- Ядринцев Н. М. (49), 69, 71-73,
(82, 212)
Яковлевич 123, (212)
Ян В. см. Янчевецкий В.
Янчевецкий В. (156)
Ящеров, политсыльный (82)

Содержание

<i>В. Г. Рыженко От города-крепости к мегаполису: Омск в калейдоскопе менявшихся образов</i>	3
От составителя	9
Омск в XVIII веке: две крепости на слиянии двух рек	11
Омск в XIX веке: от уездного города до губернаторской столицы	19
Омск в начале XX века: «Лейпциг будущего»	99
Омск в 1918–1919 годах: белая столица	141
Омск в 1920 – 1930-е годы: на заре советской власти	165
Омск в 1940 – 1960-е годы: в середине минувшего века	187
Краткие сведения об авторах	202
Указатель авторов и лиц, упоминаемых в тексте	213

ВРЕМЯ И ГОРОД

Омск XVIII – середины XX в.
в описаниях современников

Технический редактор *Н. Б. Волкова*
Дизайнер *О. Ю. Павлова*

Сдано 28.04.2016. Подписано в печать 31.05.2016.
Формат 84x60/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Тираж 500 экз. Заказ 267477.

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»)
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34.